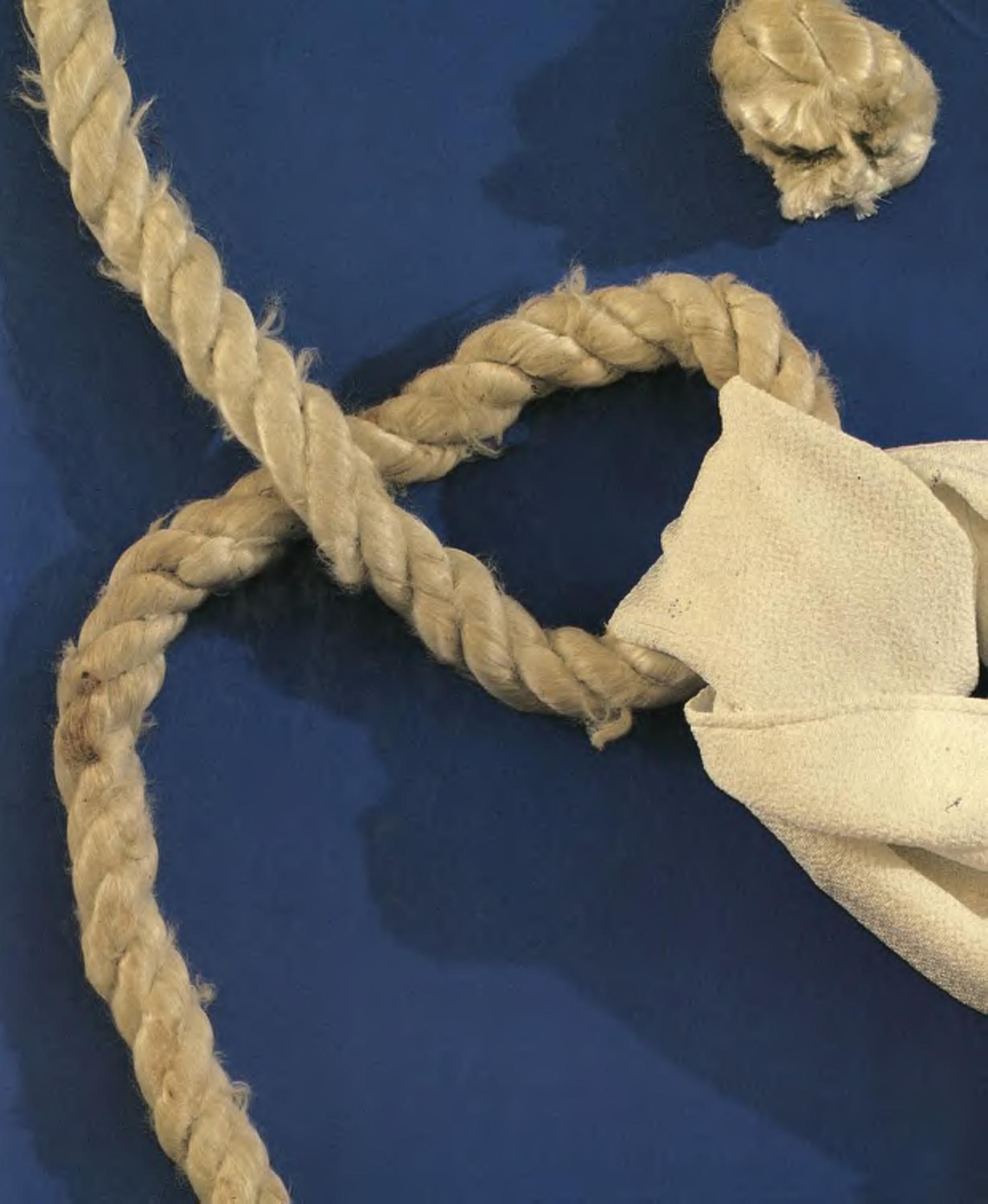
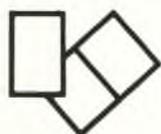

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ И Д О М Ы

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ
ВИДЕОМЫ

Вури'
Вознесенои'
Вулома

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

МОСКВА РИК «КУЛЬТУРА» 1992

В И Д Е О М Ы

В И Д У Х И

Р Э Н Д З Ю

СТРАНА СТРАДАНИЯ

ЧЕРНЫЙ ЯЩИК

Настоящее издание осуществлено тиражом 1000 экземпляров, из которых 500 экземпляров пронумерованы и подписаны автором

№

Это издание осуществлено при поддержке Инкомбанка

Diese Ausgabe ist mit Unterstützung von Inkombank zustande gekommen.

This book is published in collaboration with Inkombank.

Вознесенский А. А.
В 64 Видеоомы. Стихи, визуальные объекты, проза.
/Оформление худож. А. Коноплева и Е. Поликашина.— М.: РИК «Культура», 1992, 392 с.

Видеомы — видения — ведения...
Россия и поэзия... Видиотизм сегодняшней жизни...
Воспоминания о прошлом и будущем...
Ностальгия и надежда...
Молитва именам, зернам культуры и гармонии...
Книга любви, очарования, боли и печали —
новая книга известного русского поэта Андрея Вознесенского,
куда вошли стихи и проза разных лет, а также рисунки поэта, его
видеомы — «портреты человеческих судеб», «постижение
духовного через видео»...
Книга Андрея Вознесенского, уникальное произведение
книжного искусства, — образ эпохи, начинавшейся в 60-е годы
и свершающейся сегодня. Образ души поэта, откликающейся на
позывные времени.

В 4700000000—006 без объявления
Б 59(02)—92

ББК 84Р75

BLIXX

РОССИЯ — POESIA

Меня мучает смысл, открывшийся в ее имени. Россия — Poesia. Почему это открылось мне именно сегодня?

Мы ведь не видеоклип под названием «Распад» смотрим. Распад проходит через сердце и жизнь каждого.

Мы корчимся под обломками Империи. Кто прочтет черепки нашей Помпеи, с отпечатками жизни и осколками шрифта? Да и сами мы — осколки, с недоступными нашему пониманию изображениями смысла и письменами. Как различить среди нас черепки будущего?

На наших глазах гибнет край неизъяснимой красоты, разбитая вдребезги духовная общность, для которой буквально Слово — Бог, страна, давшая в даже тоталитарный век прозрение Хлебникова и стон Цветаевой, единственная страна, соборно слушающая стихи на стадионах. Зачем была ее жизнь? У каждого народа своя роль на Земле.

Снежинки веки засорили,
а может, зрение прорезали?
Я в начертании «Россия»
прочел латинское «Poesia» —

Пройдет столетие болезненное.
Суперкомпьютерному сыну
проступит в имени «Poesia» —
Россия...

Неужели и языку нашему животворному суждено погибнуть, окаменеть, подобно латыни, хранящей слепок с живого некогда Рима? Гибель языка означает гибель сознания. Репрессированные «твердые знаки» и «яти» были двойниками убитых в подвалах. Это не восстановить. Я отнюдь не за старую орфографию. Культура XX века создана на новом правописании. Хочу просто показать, как начертание влияет на смысл.

Есенин и Айседора. 1992 г.

Yesenin and Isidora. The poet Yesenin hanged himself, his wife, the dancer Isidora Duncan was choked by a scarf.

Теперь не прочитать «Соловьиного сада» так, как его задумывал поэт. Блок говорил, что не мыслит слова «садъ» без твердого знака. В знаке, видно, он видел решетку Летнего сада. С Пушкина сбивали «яти», как сбивали орлов с кремлевских башен. Чему мешало «і»? Или оно напоминало застреленного человека с дырочкой в затылке?

Вчитываюсь в ее имя. Пытаюсь понять смысл имен ее гибельных поэтов. «Темен жребий русского поэта», — прокричал раздираемый между красными и белыми, не застреленный ими, значит, по-нашему, «благополучный домовладелец» Волошин. Смерть убиенных продолжается в нас.

Какая тут Poesia? Страна, доведшая себя до голода в мирное время; несущаяся в беспредел?

Еще больше скажу и говорил, но еще А. Ахматова среди торжествующей грязи, пострашней, чем сегодняшняя, с мужем в могиле и сыном в тюрьме, прошедшая вой всесоюзных собраний, произнесла: «И если Поэзии суждено цвести в 20-м веке именно на моей Родине, я, смею сказать, всегда была радостной и достоверной свидетельницей...»

Для меня суть России — не в ее супостатах, а в Заболоцком, Тарковском или в юной Николенковой из Барнаула, выдохнувшей хрустальную строку. Поэты, как морские микроорганизмы, перерабатывают грязь мира в Чистоту, гармонию. Молюсь именам мучеников слова, пытаюсь понять скрытый в них смысл. Имя — первое, что всасывает человек с молоком. Оно довлеет над ним всю жизнь, в нем закодирована будущая судьба. Астрологи, древние китайцы и наш о. Павел Флоренский, сгинувший в лагерях, нашли, что «есть предуказание именем судьбы и биографии».

В конце 60-х годов я познакомился с неопубликованными тогда трудами философа. Но и до этого еще пытался расшифровать звуковой смысл Плисецкой: «В ее имени слышится плеск аплодисментов. Она рифмуется с плакучими лиственницами, с персидской сиренью, Елисейскими полями, с Пришествием... Плисецкая — полюс магии».

«По имени и житие» — стереотипная формула жизни, по имени — житие, а не имя по житию», — читаем в исследо-

вании о. Павла «Имена». «Рифма есть свойство имени, что роднит художественное творчество с восприятием личности в жизни и формирует «типический склад личности».

Арабы и индейцы, когда рок тяготел над ними, меняли имя, чтобы имя подобрало себе, как рифму, иную судьбу.

О. Павел Флоренский выписывает знаковый смысл буквы «і», «i» — образ обнаружения мощи: знак духовной длительности, вечности, времени всех идей...»

Вот чем мешала буква «і»! Вот что потеряли мы, утратив ее из языка. Меняя знаковую систему, меняем историю.

Вместе с рукописью лежала газетная вырезка, сообщавшая, как энтузиасты тех лет переименовывали себя: Широкова Мария решила именоваться Октябрина, Демидов Петр — Лев Троцкий, Уваров Федор — Виль Радек, Клубышев Николай — Рим Пролетарский... За этим Флоренский видел гибель личности и историческую смерть.

«Народное представление именной типологии, по видимому, не лишено жизненного значения, а характеристики имен, если не служат, то служили руководством к поведению», — добавляет о. П. Флоренский и выписывает из народной лубочной поэзии:

«Приятна в любви Наталья.
Ленивая походка Ненила.
Винца испить Аксинья.
Дом содержать Лукерья.
Бзнуть и пернуть старая дама Соломенида.

... это, несомненно, не случайные эпитеты, а итог большой вдумчивости, выраженной метким словом», — заключает он. «Лениво» и «Ненила» — как жемчужно-поэтично соседствуют эти слова!

О. Павел вникает в суть имен русских, и французских, и цыганских. Процитирую из неопубликованной части рукописи: «Для Николая наиболее характерно действие, направленное вовне. Он слишком рассудителен, чтобы прислушаться к подземному прибою в себе, и слишком принципиален, почитая деятельность своим долгом...» Думаю, противостояние Гуми-

лева и Блока имело за собой и противостояние смысла Николая и Александра. И не близка ли в чем-то именная характеристика эта — рассудок, воля, вечность, долг — всем трем Николаям нашей поэзии — Гумилеву, Заболоцкому и раннему Тихонову?

Еще языковеды Р. Якобсон и К. Тарановский проследили, как имена поэтов подсознательно проступают в текстах. Так, ученые А. Яншин и А. Яблоков входят в поэтику яблонь, зерен, окской мучимой воды, спасая природу от пестицидизации. Ныне время профессионалов. Надоели всеобщая мазохистская самобрань, заклинания дилетантов. Имя — зерно гармонии, сочетание Вечности и личности. Попробуем найти зерна гармонии в знаках языка. Войдем в интерьеры слов, в интертекст, в рифмы имен.

В Ахматовой, такой чуткой к своему имени, закодирован «акмеизм».

В имени Цветаевой серебряной подковкой цокает царственное «Ц». «Что же мне делать, певцу и первенцу?» И в ее автопортрете «Царь-девица» слышится то же позвякивание. Цветаева? Ева цвета?

Духовность, особенно в нынешнем столетии, являет себя визуально. Не случайно на всех канонических иконах — и православных, и католических — Св. Дух изображается только в виде ока.

Еще Пушкин работал визуальным знаком. Почему «Пиковая дама»? Почему знак пик?

Германн — носитель черного, как сказали бы сейчас, аномального начала, это убивец старушки, маленький Наполеон по авторской характеристике. Пиковый знак — это маленький чугунный бюст Наполеона в шляпе, роковой силуэт. Герой хочет поглядеться в туз пик, как в крохотное зеркальце.

В слове «береза» проступает стон «Сережа» — плач, предчувствие своего поэта. Сквозь «Есенин» просвечивает его весенняя, вешняя, повешенная судьба.

В двух овальных отверстиях букв «о» имени «Moore» уже зияли знаменитые дыры его будущих скульптур.

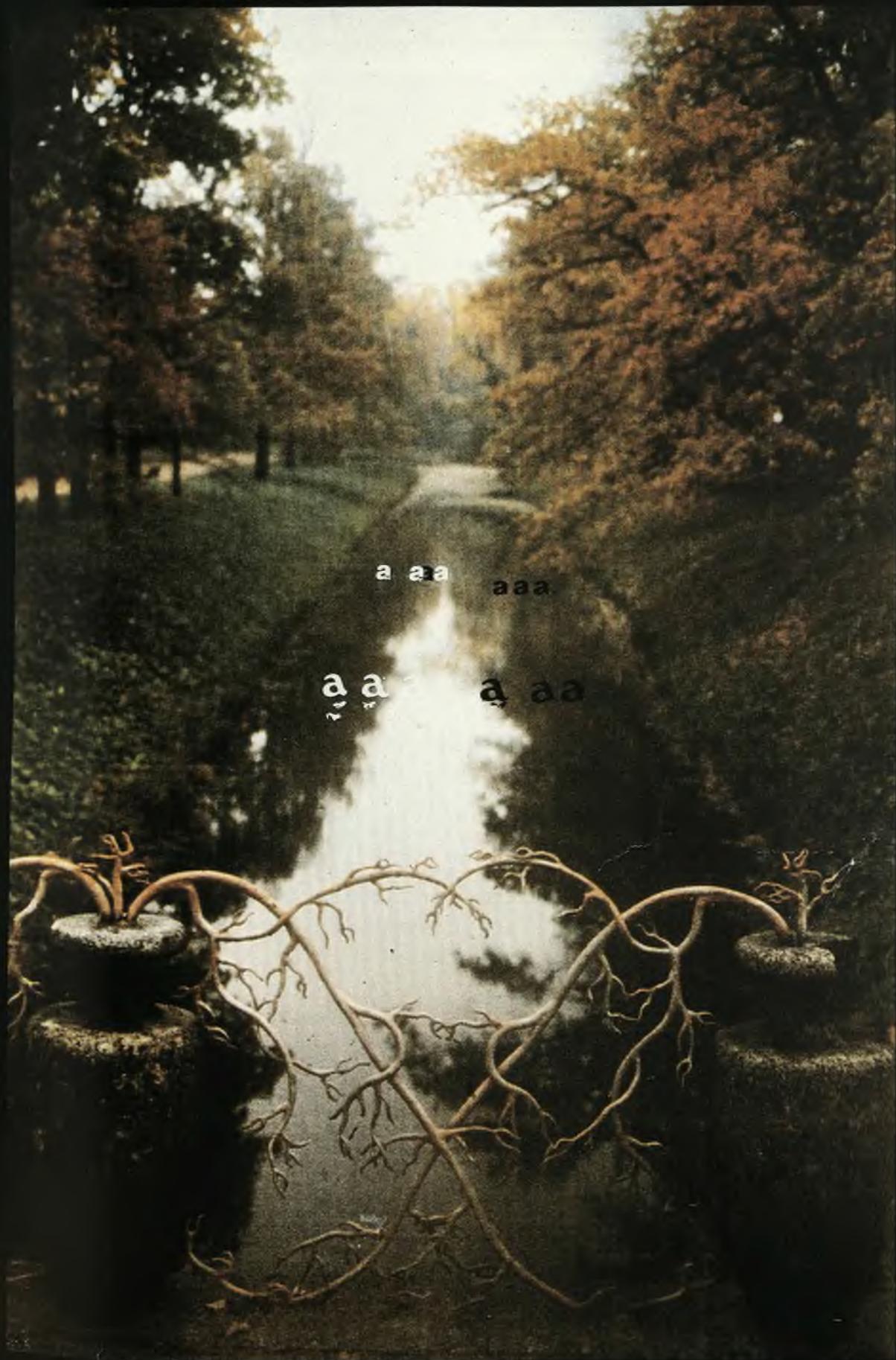
Осы — излюбленный образ Осипа Мандельштама, погибшего в ГУЛАГе.

Осы Осипа. Фрагмент. 1991 г.

Osy Osipa — Osip's Wasps.

Wasp (osa, in Russian) is Mandelstam's favorite image. The poet has perished in GULAG.

А. А. Ахматова. 1991 г.
Anna Andreyevna Akhmatova.
Photo of Pavlovsk by Inge Morath.

Вглядимся в литеры «Маяковский»: «Я-Космос-Москва-моськи-совок! — Ося-само...»

А как в «Заболоцком», певце «Столбцов» и земноводных, — позвякивает над болотом «ЦК» — цепями заточения!

Великий реалист — Л. Н. Толстой в повести «Отец Сергей» так описывает явление духа герою: «Красный, белый, квадратный, раздирающий душу...» Следующий шаг — квадрат Малевича.

Дух светлый ли, аномальный ли является нашему сознанию в виде видения. В новых работах, которые называю «ВИДУХИ», я пытаюсь постичь духовное через видео. В случае портретов человеческих судеб называю их — ВИДЕОМЫ. Пригодились архитектурные навыки.

Думаю, неосознанно для архитекторов Лужников выходы на стадион спроектированы в виде бетонной буквы «П». Начиная с 30 ноября 1962 года зрители через это «П» входили в Поэзию. С тех пор это стало традицией, тем новым, что наша страна внесла в этом веке в мировую культуру. С поэтическими чтениями боролись, запрещали. Сегодняшний интерес в мире девяностых годов к шестидесятым объясняется тоже зрительно — тень от шестерки становится девяткой.

Визуальность близка новой сегодняшней поэзии. Новая поэзия как и страна, подтверждая тезис Ж. Деррида, децентрализуется.

Искусство — священные черепки, черепки будущего.

Несколько лет назад, когда трещины еще не трещали, а лишь угадывались, я начал рисовать видеомы, и лишь потом я понял, что это осколки, черепки смысла и распадающейся цивилизации.

Черепок асфальта с отпечатком танковой августовской гусеницы в виде римской цифры III говорит о падении III Рима больше, чем тома исследований.

Перечти черепки.

Этой подмосковной осенью узнал я о смерти Леонарда Бернштейна. Темнело. В ветвях шумел ветер. На первом снегу шоссе лежали облетевшие семена осенних лип. Каждое из них своей бусинкой и стерженьком с продольным листиком

походило на нотный знак — «одну восьмую». Ноты порхали в воздухе, слетая с деревьев.

Друзья звали его Ленни. Прочитав «Ров», композитор прислал мне телеграмму с приглашением приехать поговорить об опере, он решил написать ее на сюжет «Рва» с темами Фауста, геноцида, триллера и Вечности. Меня мучает, что я так и не окончил либретто. За несколько месяцев до смерти Ленни прислал мне партитуру и текст своего «Кадиша» с просьбой перевести на русский для его гастролей, предстоящих в Москве. Увы, вместо всего этого пришлось лепить литургию по нему из пепла «Вестсайдской истории».

Переделкинские нотные семена парили в воздухе.

А «Кадиш» я перевел полгода спустя, и исполнили мы его в Консерватории как реквием по композитору. Дирижировала Сарра Колдуэлл. В текст Бернштейна, в его обращение к Богу я вставил и обращение к Ленни, и читал стихи, адресуясь к нему, — ведь он уже был на небесах...

Все эти видеомы демонстрировались во время курса лекций, посвященного русской поэзии XX века, который я прочел этой осенью в Пенсильванском университете. Вместо всего трехмесячного семестра пришлось сжать курс до двух месяцев. Когда дома худо — надо быть дома.

Применим ли метод видеом не только к авторам нашего столетия, но и к классической отечественной поэзии прошлых веков?

Этим маем во время моей краткой поездки в Нью-Йорк владелец отеля «Челси», загадочный Стэнли, видимо, в поощрение за опубликованные в тот же день «Нью-Йорк таймсом» мои трагические стихи, поместил меня в знаменитый номер 822. Суит этот славен уникальным древним скульптурным камином из белого мрамора с медной инкрустацией. В его мраке и разглядел я видение Баркова.

Классик российской словесности среди нравов современности видится наивным со своим патриархальным и целомудренным порно. Пушкин воспитан Ариной Родионовной, Державиным, французами и Барковым. На «Онегина» повлияла легкость барковской интонации. Как сказывают, поэт

Маяковский. 1991 г.

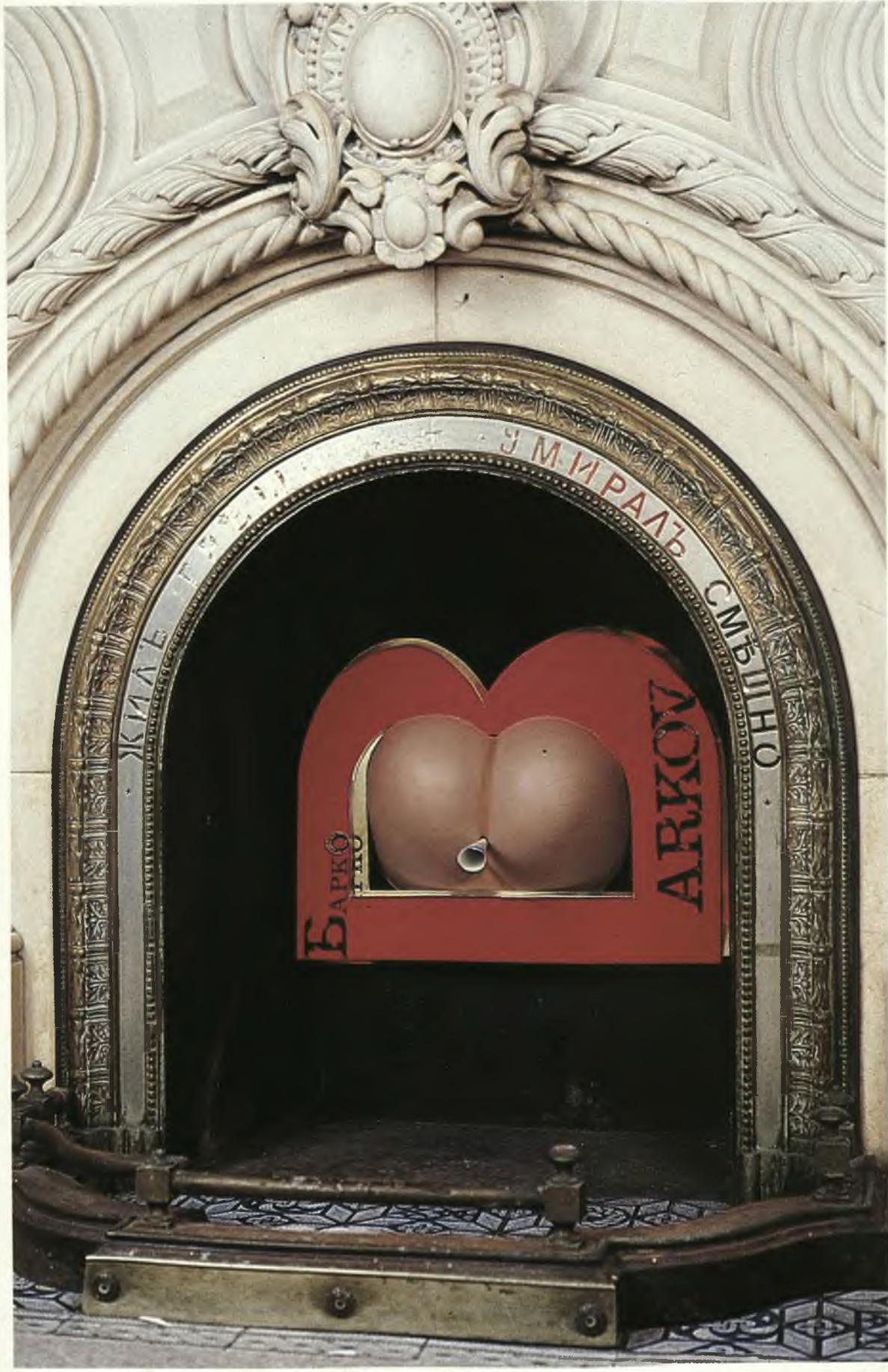
ПОЭТ
+ ПУЛЯ
ПОПУЛЯРНОСТЬ

А.С. Писарев - 90

Mayakovsky — terrorist poet who died playing Russian roulette.

Poet + Bullet = Popularity.

Мемориал И. Баркова — Камин в «Челси»,
Нью-Йорк — 1992 г.

Ivan Barkov, a patriarchal pornographic poet of the 18 century, Pushkin learned from him. It is believed that Barkov committed suicide by sticking his head up a chimney. His stunned servants pulled from their master's naked ass a rolled-up poem that read: 'Sinful life and silly death'.

The marble fireplace belongs to Chelsea Hotel in New York.

Скамейка. 1992 г.
A Bench. Cardboard, gouache, one Rouble note.

ВО Д А

Как ты кричишь, садовая скамья,
изрезанная клятвами хамья:
«Марина бля»... сих мыслей окромья
«Блинов+ж»+«Крамеров семья».
Кто зеброй отпечатался в скамью?
Аполлинер здесь распивал Камю.
И, все смывая, рейки вниз струят,
как по порогам сельский водопад.
И вниз сползут влюбленные зады
по склону деревянной той воды.
Слетает юность, бывшая людьми,
гусеничным конвейером скамьи.
Зима весной сменяется в саду.
Но почему, когда я ни приду,
На той скамье мы тысячу лет сидим.
Судима ты. Я более судим.

CHEГ-BEC

Serve

В АР! VE

C

СЕРВЕ

ИТОРР

тирорня

У

Р

EHTA

WAVE

WAVE

WAVE

Неужто повезет? Карты. Сукно. Мел. 1991 г.

A Chance?

In Russian card game analogous to American blackjack
21 is the winning number

Игорь Северянин. 1990 г.:

Будуарный лирик, король поэтов. Певец сирени.
Вера — последняя любовь поэта.

Igor Severyanin, a bedroom lyricist, tremendously popular at one time.
Lilac that was his favourite flower, siren' in Russian begins with the same
letter as his name. Severyanin's wife was called Vera.

скончался, залезши с головой в камин, выставив наружу свое голое завершение с воткнутым в него последним стихотворением. Изумленные лакеи, крестясь, развернули последние стихи барина: «Жил грешно и умирал смешно».

Чтобы воссоздать мемориальный образ, я объездил уйму антикварных лавок и секс-шопов, пока не нашел в Виллидже, на Кристофорстрит, в лавочке под мистической вывеской «Абракадабра» симметричное подобие призрака. Полдня сусальным золотом я выводил на мраморе строки поэта.

Инициальное барковское «б» — «В», как он подписывался по-французски, и славянское «в», завершающее его фамилию, — обрамляли образ. Цвет вызвал дискуссии. Камин требовал огненного. Часть посетителей, как, например, историк Артур Шлезинджер и художник Валерио Адами с семьями склонялись к королевскому пурпуру, многие русские ценители ратовали за торжественное червонное золото. Искусствовед Джоан Бак интересовалась, как я буду вывозить с собой камин.

Представляю читателям оба варианта.

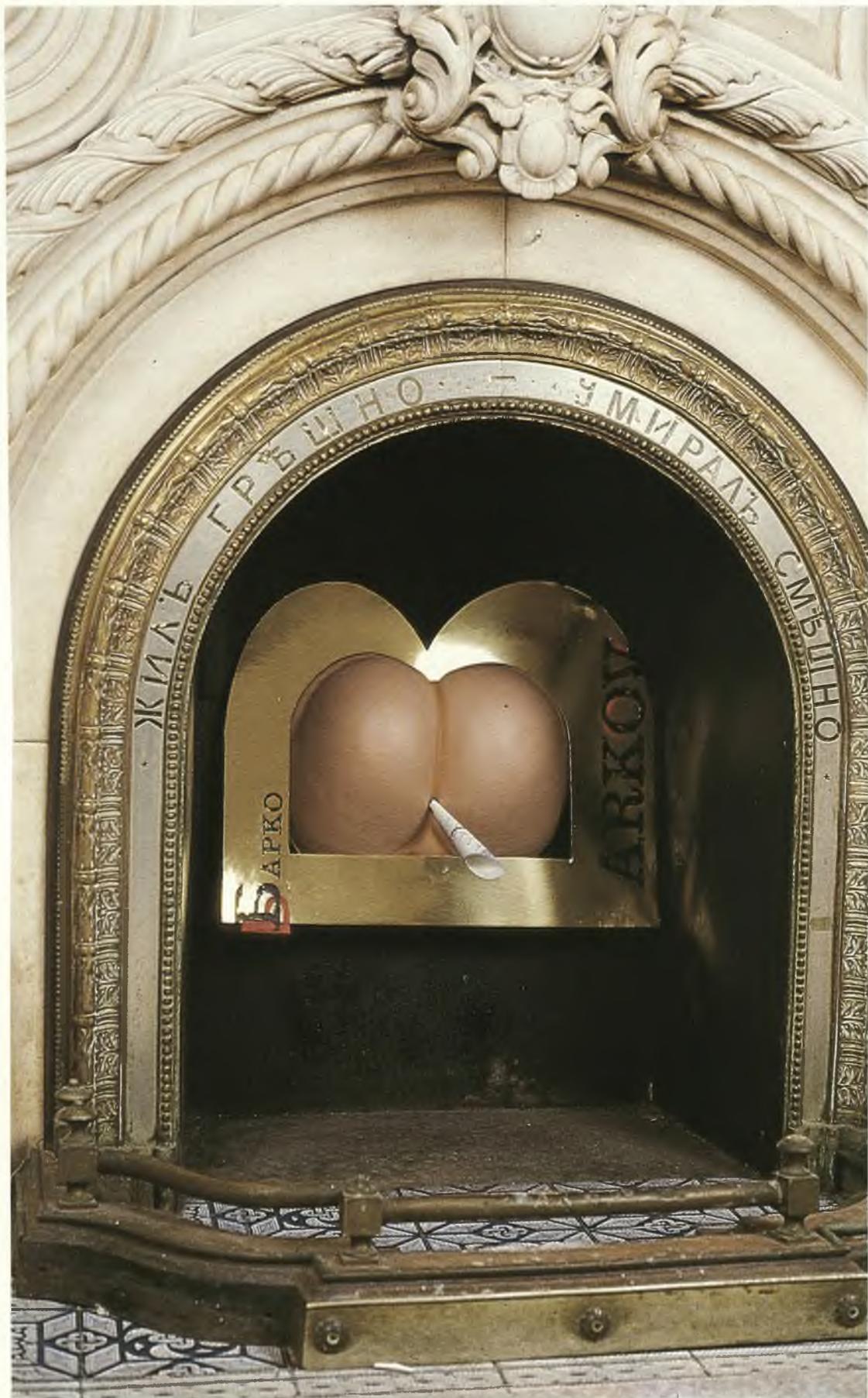
Полюса высшего и низменного высекают искру искусства.

Когда-то другое Большое «б» мировой поэзии — Андре Бретон, тоже запрещенный тогда на моей родине, встретил меня на пороге своей артистической берлоги тестом: «Что на что похоже — биде на гитару или гитара на биде?» «Биде на гитару», — выпалил я. Мэтр обнял меня, признав во мне поэта: «Да, ибо поэзия идет от низшего к высшему». Я же уточнил: «Да, но вопрос в том, чья гитара и чье биде? Биде Прекрасной Дамы возвышеннее всех гитар...»

Вскоре я уехал домой. Вывозить камин я не стал. В арендуемом мной переделкинском кабинете есть кирпичный, попроще.

Но на заокеанском мраморе навеки остались золотые строки поэта.

Первая выставка публикуемых в книге «Видеом» состоялась в ноябре-декабре 1991 года в нью-йоркской галерее «Спероне-Вестуотер».

Кровавая точка, стекающая с огромного знака вопроса, подвешенного к потолку, напоминала буквицу «Р» России. Уже в Москве я получил письмо от А. Вестуотер с огромным пакетом роскошной прессы и сообщением, что галерея продлила выставку еще на месяц. Я радовался как в детстве — это не какие-то там стадионы, это полоса «О видеомах» в «Нью-Йорк таймс» самого Джона Рассела! Наш жанр признали. Мы горды. Мы лопаемся от восторга. Один известный критик сказал мне: «Теперь вам бы еще, чтобы какой-нибудь дурак проскрипел, что ему не нравится... Это закрепило бы успех жанра». Потом выставка переехала в Париж.

Молюсь именам, зернам культуры и гармонии. Приведу неопубликованные строки Флоренского, вникавшего в имена и религии многих народов: «Одни исповедания живут на полной свободе, другие в огороженных парках, третьи в огороженных дворцах, четвертые в узких башнях, пятые в юртах ... но небо, от которого получают свет они,— не одинаковое, а одно небо».

Небо прочитает наши черепки со своими отсветами на них.

КРЕМЛЕВСКИЙ ГОЛУБОЙ ЗАЛ

Весной меня пригласили прилететь и почитать стихи алмазодобытчики из Якутии. В клубе «Алмаз» г. Мирного пришла записка, нацарапанная малахитовыми чернилами: «Расскажите об исторической встрече Н. С. Хрущева с творческой интеллигенцией в Кремле в 1963... О художнике И. Голицыне расскажите...»

Четверть века минуло с той поры. Пора забыть эту старую историю. Но людей до сих пор она волнует — отношения Власти и художника. Встреча, так сказать, историческая.

Черный ящик моей памяти захрипел, разразился непотребной бранью, заплевался. Из него выскочил целлулоидный болванчик.

Кремлевский голубой Свердловский купольный зал зашуршал, заполняясь костюмами и скрипящими нейлоновыми сорочками, входящими тогда в обиход. Это в основном были чины с настороженными вкраплениями творческой интеллигенции. Было человек шестьсот. Шло 7 марта.

Официально это именовалось: «Совещание-встреча руководителей Партии и Правительства по решению Президиума ЦК КПСС от 10.12—1962 г.». Три месяца готовились. Подработали сценарий. Трибуна для выступающих стояла к столу президиума почти вплоты и чуть ниже этого стола, за которым возвышались Хрущев, Брежнев, Сулов, Косыгин, Подгорный, Козлов (тогдашний фаворит, каратель Новочеркасска), Полянский, Ильичев ... Их десятиметровые портреты украшали улицы по праздникам. Их несли над колоннами.

Я впервые был в Кремле. Как родители радовались — меня в Кремль позвали! На предыдущих встречах с Хрущевым я не присутствовал — мы с В. Некрасовым и К. Паустовским были по приглашению во Франции, я там еще остался для выступлений. Все было впервые тогда: стотысячные заявки читателей на поэтические сборники, рождение журнала

«Юность», съемки необычного вешнего хуциевского фильма, первый вечер русского поэта в парижском театре и накануне первый в истории вечер поэзии в Лужниках — все было впервые после сталинских казарм. Мы связывали это с Хрущевым.

Ростки гласности бесили аппарат. Уже по официозной прессе тех дней было понятно, кого будут прорабатывать на кремлевской встрече,— появилась статья «Турист с тросточкой», с которой началась травля В. Некрасова, вытолкнувшая его затем в эмиграцию, подвал Ермилова против Эренбурга. Те же «Известия» редакционно ударили по моим стихам в «Юности». К постоянной ругани в прессе мы привыкли. Я считал, что Хрущева обманывают и что ему можно все объяснить. Он был нашей надеждой. В первый вечер заседания Хрущев был хмур, раздраженно перебивал седого режиссера М. И. Ромма, однако обаяние Чухрая смягчило его, и он не стал разгонять Союз кинематографистов, как это уже было предрешено. В первый день нападали на Эренбурга, и все чаще, как по сценарию, стали упоминаться имена — мое и Аксенова. Особенно усердствовали против меня А. Прокофьев и А. Малышко, под гогот предложивший мне самому свои треугольные груши ... околачивать, согласно соленой присказке. Они заводили Хрущева. Тот делал вид, что дремлет.

Вот как вспоминает об этом М. И. Ромм:

«Два выступления были ключевых, я бы сказал. Одно — донос в очень благородной форме о том, что Вознесенский давал интервью в Польше... и в этом интервью был задан вопрос, как он относится к старшему поколению и т. д., как с поколениями в литературе. И он-де ответил, что не делит литературу по горизонтали, на поколения, а делит ее по вертикали, для него Пушкин, Лермонтов и Маяковский — современники и относятся к молодому поколению. Но к Пушкину, Лермонтову и Маяковскому, к этим именам он присовокупил имена Пастернака и Ахмадулиной. И из-за этого разгорелся грандиозный скандал. Это было уже во второй день, моему».

Крыть мой термин «вертикальное поколение» начала

первой, кажется, В. Василевская. Зал не очень-то понял, но возмутился. Действительно. Совсем еще недавно исключили и травили Пастернака, по указанию Хрущева Семичастный кричал, что Пастернак «хуже свиньи» («... свинья не сделает того, что он сделал... Он нагадил там, где он ест»). На судилище в ревущем зале собрания Союза писателей ораторы вопили по сценарию: «Господин Пастернак, вон из страны!» И вдруг того же Пастернака называют в одном ряду не со свиньей, а с Пушкиным...

Василевская козырнула цитатой из моего интервью: «Гениального Пастернака могу назвать современником Лермонтова».

Голос из зала: «Назовите имя, кто это сказал?»

Ванда Василевская кокетливо: «Не все ли равно, Сережа?»

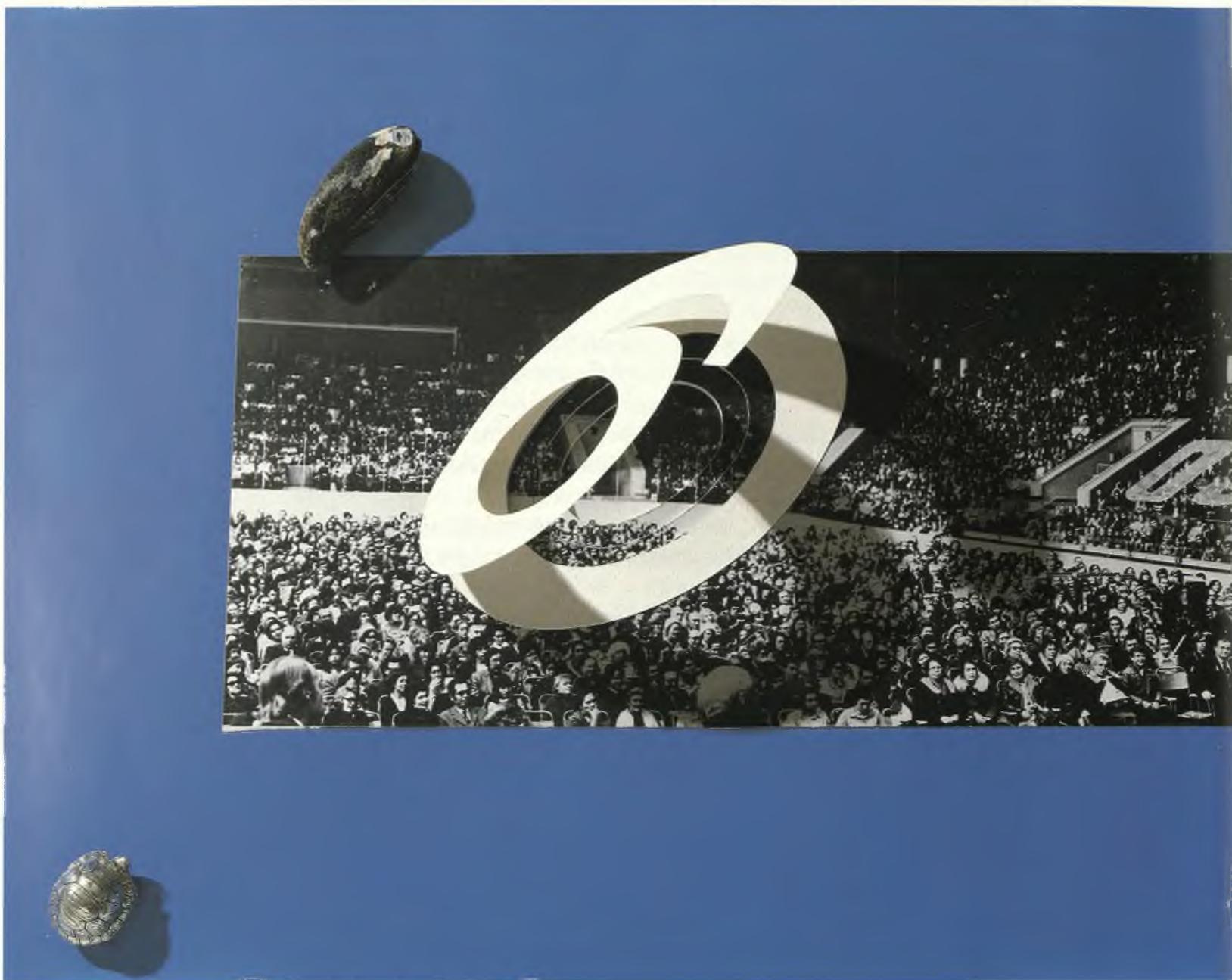
Тут Глава Державы сделал вид, что проснулся, и странно высоким, писклявым толстяковым голосом потребовал меня на трибуну.

Повторяю, он был нашей надеждой тогда, и я шел рассказать ему как на духу о положении в литературе, считая, что он все поймет.

Но едва я, волнуясь, начал выступать, как меня сзади из президиума кто-то стал перебивать. Я не обернулся и продолжал говорить. За спиной раздался микрофонный рев: «Господин Вознесенский!» Я попросил не прерывать и пытался продолжать говорить. «Господин Вознесенский,— взревели,— вон из нашей страны, вон!»

(Сегодня обращения с телевизора «господин», «господа зрители» или «господин поэт» звучат вполне естественно. Но тогда слово «господин» означало «враг народа», «наймит империализма» и т. д.)

По сперва растерянным, а потом торжествующим лицам наполнявшей зал номенклатуры я ощутил, что за спиной происходит что-то страшное. Я обернулся. В нескольких метрах от меня вопило потное, искаженное злобой лицо Хрущева с закатившимися в истерике желтыми белками. Глава Державы вскочил, потрясая над головой кулаками. Он был

Раковина 60-х. Фото, серебро, морская раковина. 1991 г.

Shell of the 60s. Photo: poetry reading at a sport stadium.

Silver and shell.

Shell

невменяем. Разило пóтом. «Господин Вознесенский! Вон! Вы клеветеете на Советскую власть! Катитесь к такой-то матери из страны! Вон!! Товарищ Шелепин выпишет вам паспорт!» Дальше шел совершенно чудовищный поток. «Вы хотите венгерской революции у нас ... Вон!» (Я не ослышался, он прокричал не «контрреволюции», а «революции».)

«За что?! Или он рехнулся? Может, пьян?» — пронеслось в голове. Такое с ним случилось однажды, когда он, сняв туфлю, стучал ею в ООН. В. Аксенов в мемуарах высказывал предположение, что Генсек под столом успел хватануть стакан. Только привычка ко всякому во время выступлений, видно, удержала меня в рассудке.

Из зала, теперь уже из-за моей спины, нарастал мощный скандеж: «Долой! Позор!» Из первого ряда подскочило брезгливо-красивое лицо: «В Кремль! Без белой рубашки, без галстука?! Битник!» Позже я узнал, что это и был Шелепин, тогда председатель КГБ. Мало кто из присутствующих знал слово «битник», но сразу подхватили: «Битник! Позор!»

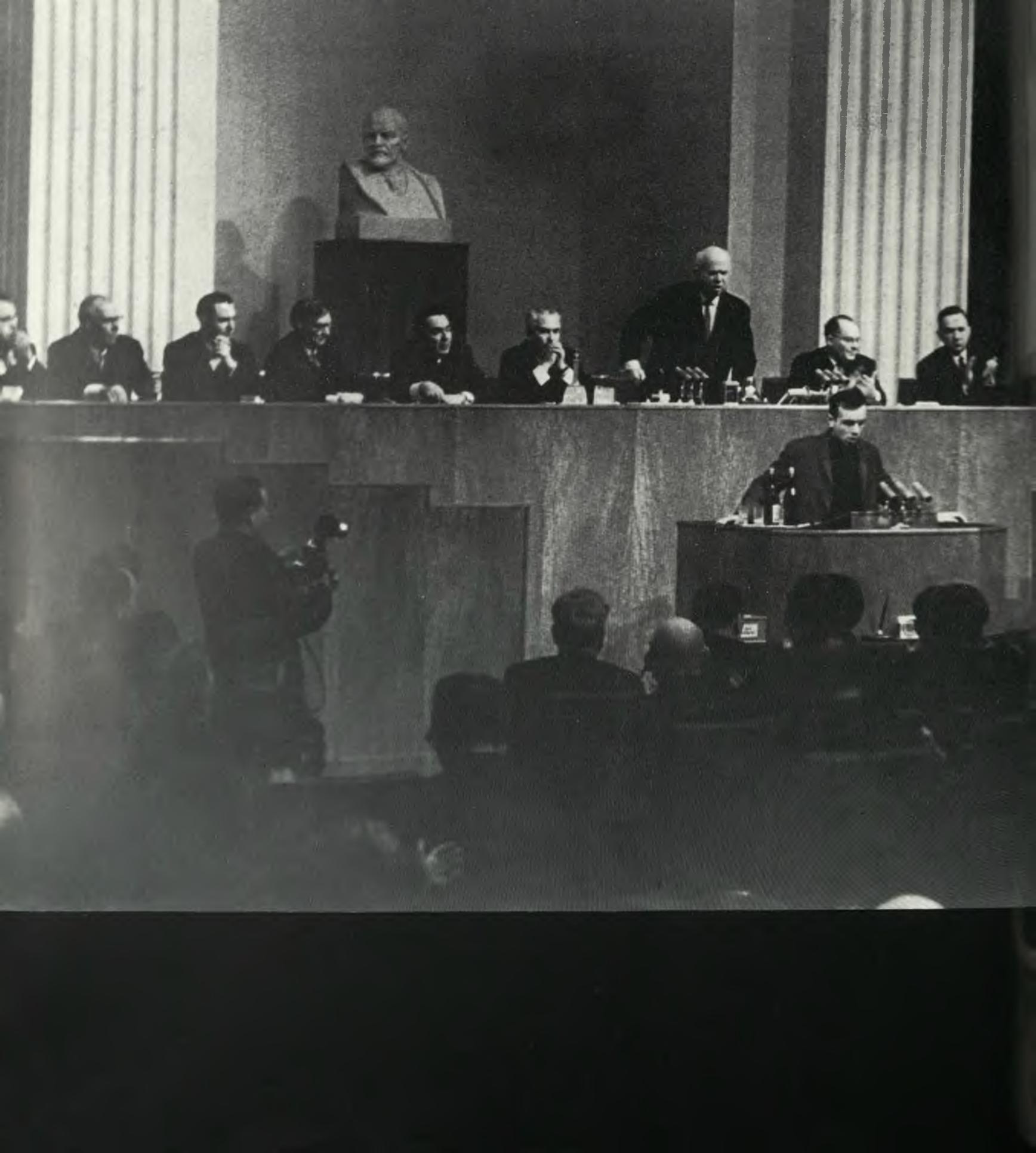
В ополоумевшей от крика массе зала мелькнуло обескураженное лицо О. Ефремова, взметенные бровки Ю. Завадского. Помню бледные скулы А. Тарковского и Э. Неизвестного. Они были подавлены.

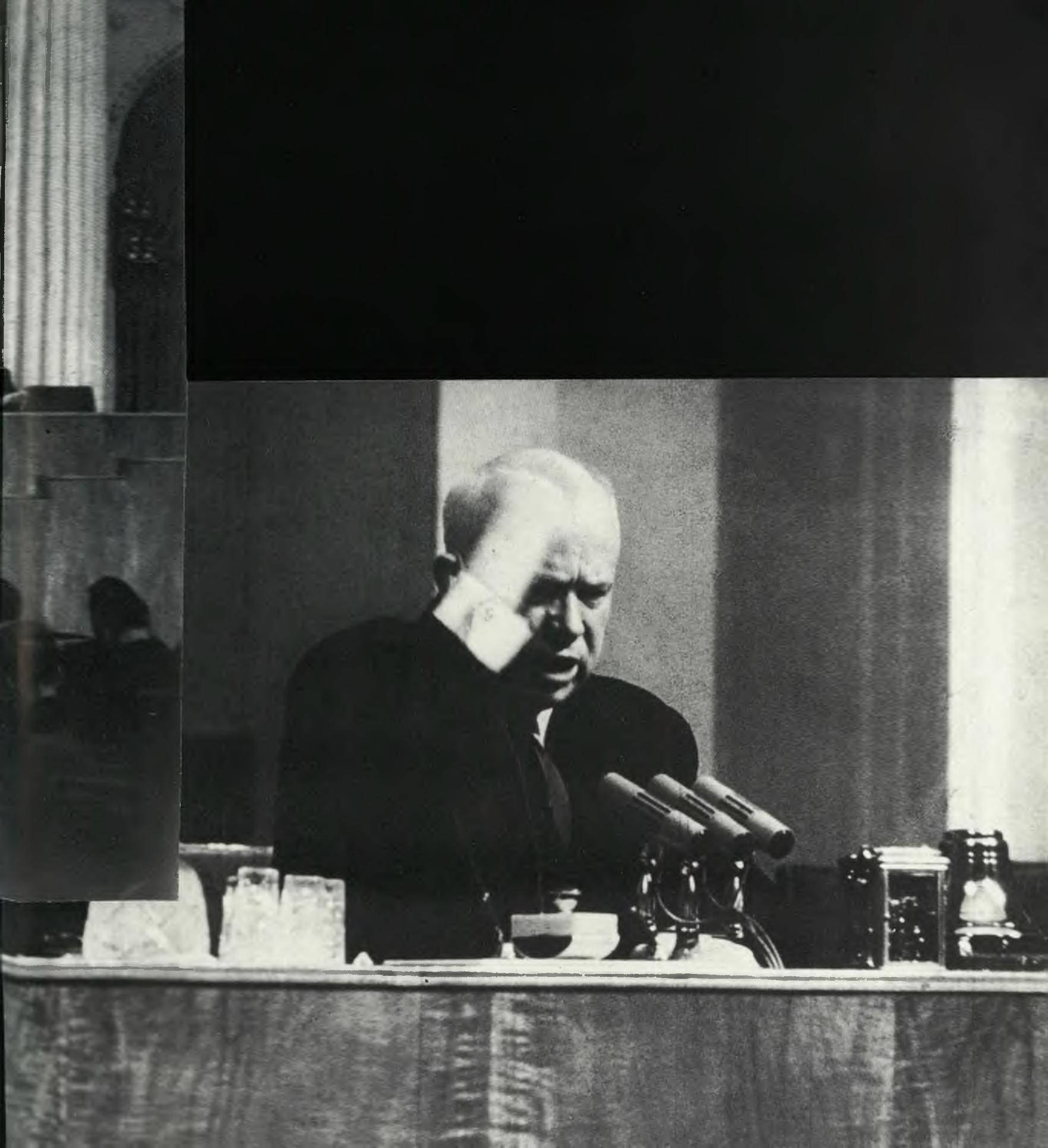
Метнувшись взглядом по президиуму, я столкнулся с пустым ледяным взглядом Козлова. И он, и все остальные члены президиума глядели как бы сквозь меня. Как остановить этот кошмар? Все-таки я прорвался через всеобщий ор и сказал, что прочитаю стихи.

Тут я задел рукавом стакан, он покатился по трибуне. Я его поднял и держал в руках. Запомнились грани с узором крестиками кремлевского хрустального стаканчика. Запомнилось, как Козлов внимательно и настороженно взглянул на мою руку со стаканом.

«Никаких стихов! Знаем! Долой!» — упоенно вопили вокруг. Зал хотел крови.

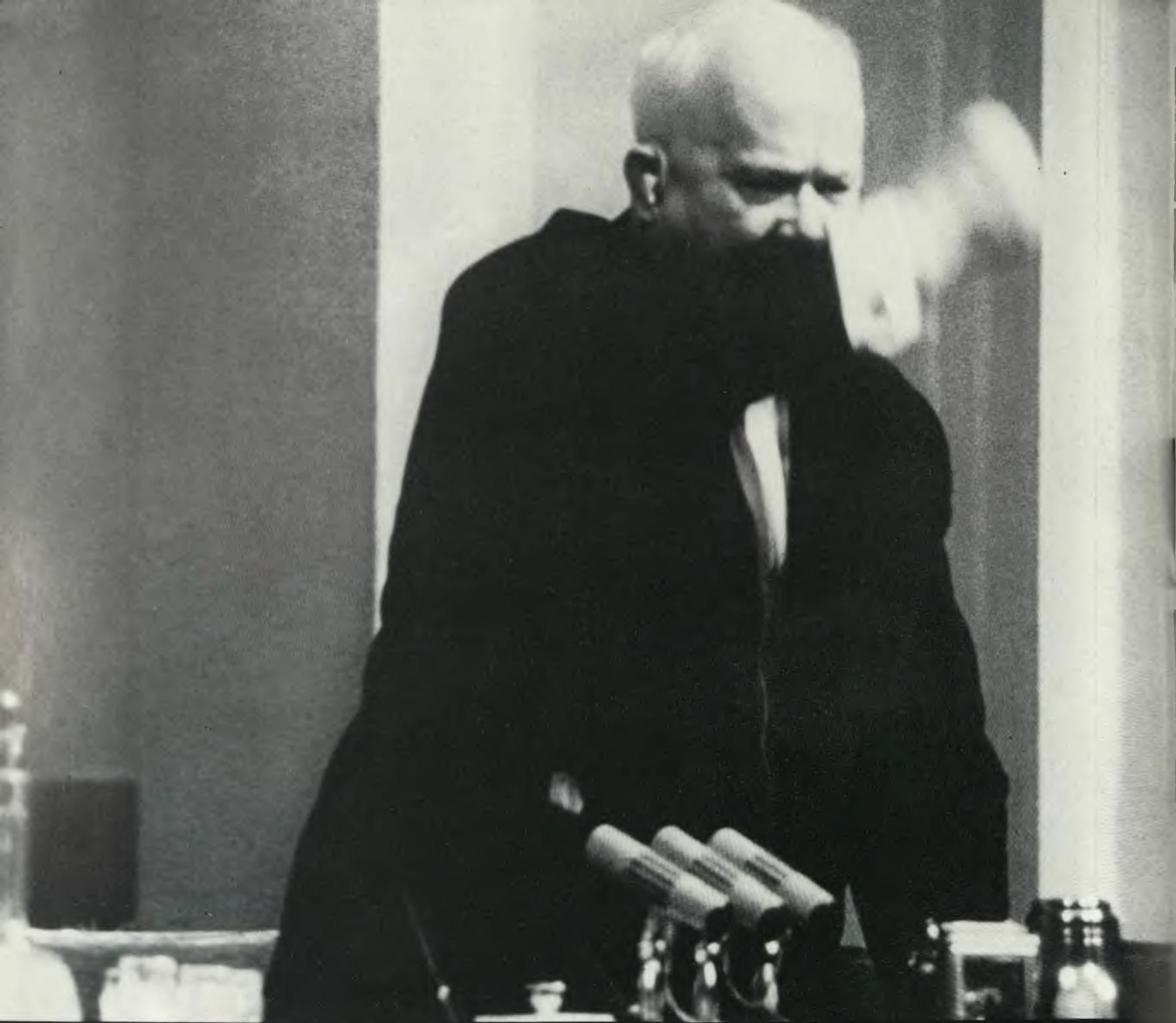
И тут в перекошенном лице Главы я увидел некую пробивающуюся мысль, догадку, будто его задело что-то, пробудило сознание, что-то стало раздражать — или это мне поме-

решилось? — будто бы он увидел в ревущей торжествующей толпе свою будущую гибель, почуял стихийную силу взбесившейся неподконтрольной номенклатуры. Через год она свернет ему шею. Набычась, он обиженно протянул: «Нет, пусть прочитает». Читал я стихи «В Шушенском». Когда я дошел до строк:

Какая пепельная стужа
сковала б родину мою?
Моя замученная Муза,
что пела б в лагерном краю?
... когда по траурным трибунам
самодержавно и чугунно,
стуча, взбирались сапоги!
В них струйкой липкой и опасной
стекали красные лампы...

— зал злорадно затих. В те дни, теряя контроль над процессом, Глава давал в политике задний ход. Читая, я, как обычно, отбивал ритм поднятой рукой. Когда кончил, из угла раздались робкие хлопки и сразу оборвались. «Агент! Агент!» — закричал в зал Премьер. «Ну, вот агентов зовет, сейчас меня заберут», — подумалось.

А он продолжал вопить, но уже тоном ниже, видимо, выпустив пар: «Вы что руку подымаете? Вы что руку подымаете? Вы что, нам путь рукой указываете? Вы думаете, вы вождь?» Вот поток его ора, взятый по стенограмме из Архива ЦК, правда, сильно приглаженный в этой стенограмме:

Х.: — Почему Вы афишируете, что Вы не член партии?! «Я не член партии» — вызов дает! Сотрем всех на пути, кто стоит против Коммунистической партии, сотрем!

Вы скажете, что я зажимаю. Я — Секретарь, Председатель. Прежде всего я — гражданин Советского Союза, я боец и буду бороться против всякой нечисти. Мы создали свободные условия не для пропаганды антисоветчины. Мы никогда не дадим врагам воли, никогда! Ишь, ты какой — «я не член партии!» Он нам хочет какую-то партию беспартийных создать. Нет, вы член партии, только не той партии... Товарищи,

идет борьба, борьба историческая, здесь либерализму нет места, господин Вознесенский!.. То, что Ванда Львовна сказала — это вы сказали. Это клевета на партию! Для таких будут жестокие морозы... Мы не те, которые были в клубе Петефи, а мы те, которые помогли венграм разгромить эту банду... Ваши дела говорят об антипартийщине, антисоветщине. Вы говорите ложь! ..

В.: — Нет, не ложь!

Х.: — Молоко еще не обсохло. Ишь какой. Он поучать будет. Обожди еще!

Мы предложили Пастернаку, чтобы он уехал. Хотите, завтра получите паспорт, уезжайте к чертовой бабушке, поезжайте туда, к своим.

В.: — Зачем мне уезжать?

Х.: — Ишь ты, какие! Думаете, что Сталин умер... Мы хотим знать, кто с нами, кто против нас. Никакой оттепели: или лето, или мороз... Партия не дает вам право на молодежь и всегда будет бороться, чтобы она, партия, представляла старое и молодое поколение. И больше никто. Только одно сейчас — ваша скромность, скромность, если вы не перестанете думать, что родились гением.

В.: — Я так не думаю.

Х.: — Вы думаете. Вам вскружил голову талант, ну как же, родился принц, все леса шумят. Вы считаете, как только родились, то сразу руку подняли, хотите указать путь человечеству. Не хотите с нами в ногу идти, получайте паспорт и уходите. В тюрьму мы вас сажать не будем, но если вам нравится Запад — граница открыта. Вы по своим стреляете...

И тут утихая, хлюпая, причитая и бранясь, он, видимо, назло залу или машинально назвал вдруг меня «товарищ Вознесенский». А может быть, за несколько минут чтения он вынужден был помолчать и тут понял, что перебрал?

Он взмок от получасового ора, рубашка прилипла темными пятнами.

Но он и не думал передыхать.

— Ну, теперь, агент, пожалуй сюда! Ты, очкарик!! Нет, не ты, а ты, вот ты, в красной рубахе, ты — агент империализ-

ма, — короткий пухлый палец тыкал в угол зала, где сидел молодой художник Илларион Голицын, график, ученик Фаворского. Он-то, оказалось, и хлопал мне.

Худящий Илюша, меланхоличный, задумчивый, честный, весь не от мира сего, замаячил на трибуне.

А. Жаров, В. Фомичев. Плакат против «Треугольной груши». Агитплакат. Москва. 1963 г.
A. Zharov, V. Fomichev. A Poster denouncing Voznesensky's Triangular Pear. Agitplakat, Moscow.

- Почему хлопал?
- Я хлопал Вознесенскому, потому что люблю его стихи, и я не агент...
- Да?! А еще что ты любишь?
- (Подумав). Я люблю стихи Маяковского.
- Чем докажешь?
- (Подумав). Могу наизусть прочитать.

- А зачем на трибуну вышел?
- (Подумав). Вы позвали.
- Ну, говори, если вышел.
- Я не собирался выступить, я не знаю, что говорить.

- А сам кто ты есть?
- (Подумав). Я — Голицын.
- Голицын? Князь? (Гогот в зале).
- (Подумав). Я — художник.
- Ах, художник!! Абстраксист!
- (Подумав). Нет, я реалист.
- Чем докажешь, чем докажешь?
- (Подумав). Я могу свои работы принести, показать...

— Следующий!

— Я — советский человек. Не знаю, почему возник этот вопрос.

— А вы подумайте. Мы сами можем хлопать, а где не надо — не хлопаем. Следующий!

Следующий на лобную трибуну взошел В. Аксенов.

Вася, лидер молодой прозы, соловей асфальта, джинсовый сирин, кумир московского Бродвея, магаданское детство, беззаветный фан джаза,— еще безусый, с обаятельно пухлыми щеками, он сгруппировался, имея время подготовиться к защите. Нас на дурочку не возьмешь!

Из стенограммы: — Дорогой Никита Сергеевич, дорогие товарищи! Я хочу сказать о том, что меня и мое поколение, я хочу на своем примере показать, насколько крепки наши связи с поколением отцов...

Танк прет на талант, сейчас он сплющит соловья на асфальте.

— А то, что Ванда Львовна прочла?! Вы что, клеветаете на нашу страну? Ваш отец репрессирован, и мы его оплакиваем...

— Нет, он жив, он реабилитирован и получает партийную пенсию...— Он взывал к Хрущеву-освободителю, но пер на него сталинист.

— Вы сказали то, что Ванда Львовна сказала. Это возмутительное дело. На вас ставят ставку империалисты внутри нашей страны ...

И прет, прет — охамевший хозяйственник прет на талантливейшего прозаика страны. В своих воспоминаниях В. Аксенов пишет: «Но ведь в зале были Твардовский и Солженицын. Почему никто не вступился, не крикнул: «„Хватит орать!“»

— Я думаю только, чтобы приносить пользу советской стране и советскому народу.

— То, что вы говорите, это и Пастернак говорил, и Шульгин ... О том, чтобы служить родине, и враги наши говорят, но какой родине?..

Наконец премьер утомился: «Хорошо, пожалуйста. Желаю вам». Объявил перерыв.

Эренбург впоследствии спросил меня: «Как это вы вынесли? У любого в вашей ситуации мог бы быть шок, инфаркт. Нервы непредсказуемы. Можно было бы запросить пощады, и это было бы простительно».

Помню, как в тумане прослушал его доклад, где он уже хвалил Сталина и приводил нам в пример какие-то беспомощные вирши, помню, как прошел я через оживленную, вкусно покушавшую толпу. Около меня сразу образовалось пустое место, недавние приятели отводили глаза, испарялись.

Помню, как вышел на темную мартовскую площадь Кремля. Бил промозглый ветер. Играли скользкие блики фонарей на мокрых булыжниках, уложенных плотно, один к одному, подобно скользким ухмылкам на лицах зала. Куда идти?

Кто-то положил мне лапищу на плечо. Оглянувшись, я узнал Солоухина. Мы не были с ним близки, да и потом редко встречались, но он подошел: «Пойдем ко мне. Чайку попьем. Зальем беду». Он почти силой увлек меня, не оставляя одного, всю ночь занимал своим собранием икон, пытаюсь заговорить нервы. Дома у него были только маслины. Наливая стопки, приговаривал: «Ведь это вся мощь страны стояла за ним — все ракеты, космос, армия. Все это на тебя обрушилось. А ты, былиночка, выстоял. Ну, ничего...» Я год скитался по стране. Где только не скрывался. До меня доносились гулы собраний, на которых меня прорабатывали, требования покаяться, разносные статьи. Один из поэтов, клеймивший с трибуны собрания в Союзе писателей, требовал для меня и Евтушенко... высшей меры, как для изменников Родины. На латвийском вокзале я натолкнулся на плакат, выпущенный Агитплакатом, где разгневанные мухинские Рабочий и Колхозница выметали железной метлой из нашей страны шпионов и книжку с названием «Треугольная груша». Под плакатом стояла подпись: «Художник Фомичев, текст Жарова». Такой плакат, увеличенный до гигантских размеров, стоял при въезде в Ялту. Но люди и на Владимирщине, и в Прибалтике очень по-

В гостях у М. Хайдеггера. Фрайбург. 1972 г.

Visiting M. Heidegger.

На собрании поэтов. 1960 г.

Moscow poets in meeting.

Париж. В. Некрасов. 1979 г.

With V. Nekrasov in Paris.

доброму тогда ко мне относились. Я много читал тогда. Хайдеггеровское «подобно» обосновало мою подсознательную тягу к метафоризму.

По стране искали и клеймили «своих Вознесенских». Худо пришлось тогда И. Драчу и О. Сулейменову.

Сознание оступело. Пришла депрессия. А. Приставкин вспоминает, как видел меня в Латвии — в послешоковом

состоянии. Я ждал, боялся ареста, отказывался читать стихи. Впрочем, был молод тогда — оклемался. Остались стихи. Тогда написались «Сквозь строй», «М. Монро». Матери моей, полгода не знавшей, где я и что со мной, позвонил журналист: «Правда, что ваш сын покончил с собой?» Мама с трубкой в руках сползла на пол без чувств.

Через год, будучи на пенсии, Н. С. Хрущев передал мне, что сожалеет о случившемся и о травле, что потом последовала, что его дезинформировали. Я ответил, что не держу на него зла. Ведь главное, что после 56-го года были освобождены люди.

Странно, что, несмотря на пережитое, я не испытывал обиды на него. Не испытываю и сейчас. Я долго не мог уразуметь, как в одном человеке сочетались и добрые надежды 60-х годов, и купецкое самодурство. Да, правда, я отказался подписать поздравление к его 70-летию, когда он, Глава Державы, был в могучей силе, и редакции «Юности» пришлось разбросать подписи в виде автографов не в алфавитном порядке, чтобы не было видно, что не все подписали. Но это относилось к моему пониманию достоинства. Я никогда не забыл того, что Н. С. Хрущев сделал для страны — освободил людей.

Да, мемуаристы правы: пройдя школу лицедейства, владения собой, когда, затаив ненависть к тирану, он вынужден был плясать перед ним «гопачок» при гостях, он, видимо, как бы мстя за свои былые унижения, сам, придя на престол, завел манеру публично унижать людей, растаптывать их достоинство — топал на тоненькую Алигер, на старушку Шагинян, кричал художникам в Манеже «господа педерасты!», санкционированная им травля довела до инфаркта В. Дудинцева, загубила творческую судьбу М. Хуциева. Он не доверял интеллигенции, страшился гласности. Но он ли виноват? Виновата черная Система, воспитавшая его. Ныне опубликовано, как он, придя к власти, первым делом уничтожил документы о своем соучастии в кровавых расправах. Кровь тяготила его, и тем мужественнее шаг его доклада на XX съезде.

Не он виноват, черное затмение виновато. Виноваты и подхалимы, его окружавшие, типа Подгорного и создателей фильма «Наш Никита Сергеевич». Льстецам он лично подписывал Ленинские премии по литературе за описания своих поездок. Его помощник Лебедев, никак не будучи писателем, не постеснялся устроить себе Ленинскую премию по литературе, такую же, которую имели А. Твардовский и М. Шолохов и не имел, скажем, К. Паустовский.

Историкам еще предстоит написать портрет Н. С. Хрущева, его деяний, я лишь рассказал об одном эпизоде, рассказал, что видел и пережил сам.

В своих мемуарах М. Ромм так записал этот эпизод:

«... Пока вдруг во время очередной какой-то перепалки, пока Вознесенский что-то пытался ответить, Хрущев вдруг не прервал его и, обращаясь в зал, в самый задний ряд, не закричал:

— А вы что скалите зубы? Вы, очкарик, вон там, в последнем ряду, в красной рубашке!..»

Генри Мур. Эскиз. 1967 г.
Henry Moor — a Sketch.

А вот и о моем злополучном чтении стихов: «Читает, но не до чтения ему: позади сидит Хрущев, кулаками по столу движет. Рядом с ним холодный Козлов.

Прочитал он поэму, Хрущев махнул рукой:

— Ничего не годится, не годится никуда. Не умеете вы и не знаете ничего! Вот что я вам скажу. Сколько у нас в Советском Союзе рождается ежегодно людей?

Ему говорят: три с половиной миллиона.

— Так. Так вот, пока вы, товарищ Вознесенский, не поймете, что вы — ничто, вы только один из этих трех с половиной миллионов, ничего из вас не выйдет. Вы это себе на носу зарубите: вы — ничто.

Вознесенский молчит. Что уж он там пробормотал, не знаю, не помню...

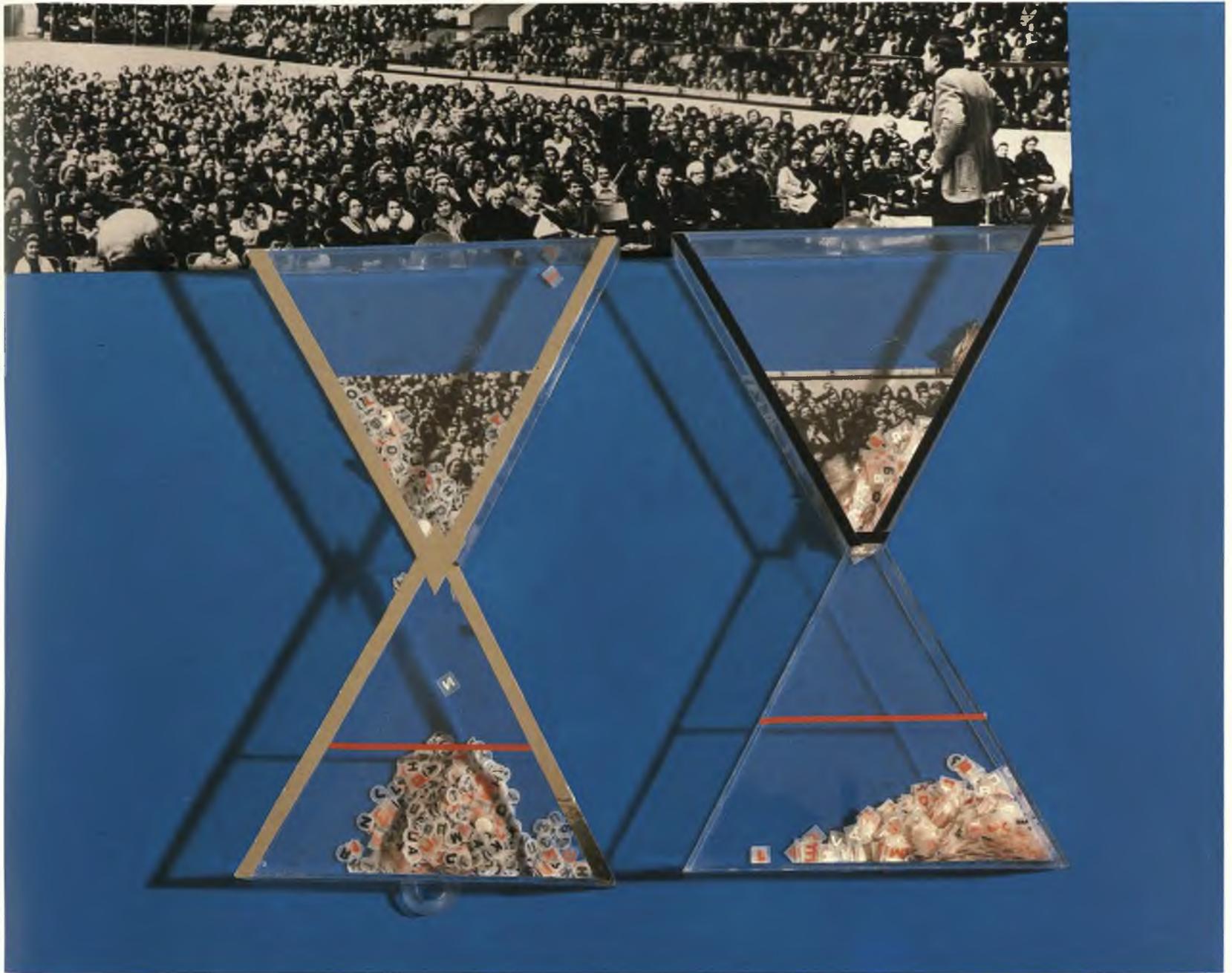
... Тут от этого крика хрущевского на Вознесенского всю эту толпу интеллигентов охватило какое-то странное, жестокое возбуждение. Это явление Толстой здорово написал в «Войне и мире», когда Растопчин призывал убить купеческого сына и как толпа вся, друг друга заражая жестокостью, сначала не решалась, а потом стала убивать».

Что я «пробормотал» в ответ на самодержавное «вы — ничто»? Я тупо повторял: «Я — поэт».

В. Каверин, сидевший близко, расслышал другие мои слова. Он вспоминал в статье «Солженицын»: «Смертельно бледный Вознесенский говорил: «Я — ученик Пастернака».

Увы, даже при наступившей гласности воспоминания М. Ромма с трудом пробились в печать — почти год они пролежали в «Огоньке», редакции все не удавалось их обнародовать, ибо «встреча» была зарегистрирована как заседание Политбюро.

Публикация роммовских мемуаров как бы сняла запрет с темы. Появились еще воспоминания. Вот как я выглядел на трибуне со стороны, по свидетельству художника: «Когда впереди зал ревет, а за спиной Н. С. Хрущев неистовствует — ох, несладко это было!»; вспоминает он, как Василевская, известная близостью к Хрущеву, обрушилась на мое (т. е. Достоевского) крамольное высказывание «Красота спасет мир». Оказывается, эта фраза подорвала социализм в Польше. «Что за красота?! — кричала она. — Когда это приходит в Польшу — это директива. Это вредная работа...» Об этом и В. Аксенов вспоминает. Есть и некоторые неточности в мемуарах — обстановка в зале была нервная, немудрено и перепутать. Например, Василевская возмущалась интервью не с «двумя поэтами в Польше», а «с поэтом и прозаиком», под прозаиком она имела в виду В. Аксенова. Прокофьев выступал не после Хрущева, а до него, провоцируя того на крик, обличая мою непартийность: «я не могу понять Вознесенского и поэтому протестую. Такой безыдейности наша литература не терпела и терпеть не может... Мы Америку знаем, не как

Вознесенский ее описал, а как Маяковский выразил ее колониальную сущность!»

Идейность, партийность — это был лейтмотив брани. Особенно взвились они, когда я заявил, что я беспартийный. И еще сослался на Маяковского. Тут многие из них вдруг узнали, что Маяковский не был членом партии. Они очень обиделись и взбесились. Художник вспоминает и такие слова Хрущева: «... господин Вознесенский! Ты не на партийной позиции. Для таких — самый жестокий мороз... Обожди, мы тебя научим. Ишь ты какой... Пастернак! Получайте паспорт и езжайте к чертовой бабушке. К чертовой бабушке! Зал неистовствовал...»

Так душа моя приобретала экзистенциальный опыт, общий со страной и в чем-то индивидуальный, что, согласно Бердяеву, и способствует созданию личности.

Многое позабылось, но подушки пальцев помнят ледяной кремлевский стаканчик, покотившийся по трибуне, помнят четкие хрустальные крестики граней на нем. Глядишь, не останови я этот стаканчик, упади он, разбейся на весь зал — глядишь, и очнулся бы Премьер от припадка, обстановка бы разрядилась, прибежали бы прислужники осколки заметать, кампания сорвалась бы, не было бы ни проработочных собраний, ни всесоюзного ора, процесс развития культуры пошел бы по-иному...

Но стаканчик уцелел. Случай?

«Чем случайней — тем вернее».

ПУЛИ АВГУСТА

Семьдесят лет стоит за плечами русской поэзии Август, роковой кровавый месяц, пробитый пулей,— ровно 70 лет назад, в августе 1921-го, расстреляли Николая Гумилева. В начале августа арестовали, а 25-го, 26-го или 27-го (точная дата неизвестна) поэт был расстрелян.

Николай Гумилев стал первым, с которого начался счет поэтов, убитых Советской властью,— за ним следуют тени Осипа Мандельштама (соратника его по акмеизму), Павла Васильева, Т. Табидзе, Д. Андреева, Б. Корнилова...

«Темен жребий русского поэта»,— писал потрясенный гибелью Блока и Гумилева М. Волошин, художник и поэт, который ранее не стал стрелять в Гумилева во время их дуэли. И, кто знает, может быть, страна наша до сих пор расплачивается за этот грех, за уничтожение интеллигенции, духовного генофонда нации, и все наши несчастья, может быть,— возмездие за убиенных.

Но Святой Георгий тронул дважды
Пулею не тронутую грудь.

Две пули летели в него. Одна, чужая, немецкая, свернула, обошла поэта. Другая, родная, нашла. В стихотворении «Рабочий» поэт, предчувствуя, вздохнул по своему губителю, христиански простил его, как, наверное, простил и сына этого рабочего, метко вбившего в него пулю.

Петербуржец и парнасец, Гумилев был поэтом Культуры. Волевой, зрительный, выпуклый, нарочито монотонный, умелый гумилевский стих принадлежит к петербургской школе поэзии. Она отлична от московской, стихийно духовной, орнаментальной школы. Духовная плотскость, классичность пропорций, прохлада пластики роднят его с городом Растрелли и Камерона. Свет белой ночи, спрессованный в мраморные колонны,— вот его стиль. Еще Брюсов почувство-

вал «нарисованные образы» у Гумилева, «где больше дано глазу, чем слуху».

Голос поэта из общей могилы, поэта, не погребенного по-христиански, звучал во многих поздних стихах, даже у москвитян:

Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Эти строки С. Есенина — очарованное эхо гумилевских строк:

«Что ты видишь во взоре моем,
В этом бледно мерцающем взоре?»
— «Я в нем вижу глубокое море
С потонувшим большим кораблем».

Е. Винокуров, эрудит и поэт военной судьбы, когда-то обратил мое внимание на то, что самая знаменитая строка минувшей войны, симоновское «Жди меня и я вернусь» — рефрен, который полстраны молитвенно шептало в окопах, а вторая половина, словно экстрасенсы, пыталась силой внушения остановить смертельный полет пули — так вот эта строка, оказывается, перефразировала гумилевское:

Жди меня. Я не вернусь.

«Пожалуй, у Гумилева это сказано сильнее», — резюмировал Винокуров.

Помню свое волнение от прочтения первой гумилевской строфы. Я был в девятом классе. По веяниям тех лет в нашу школу стали захаживать профессор и аспирант с филфака МГУ, чтобы вербовать абитуриентов. «Что там твой Пастернак — ты Гумилева почитай», — высокомерно сказал мне аспирант и дал на ночь запретную брошюрку «Огненный столп», где на мелованной бумаге мерцали, как промытый жемчуг, слова. Меня, воспитанника трамвайных подножек, поразила и унесла траектория «Заблудившегося трамвая». Любви к Пастернаку это не поколебало, но, наверное, я учился классичности формы и у мэтра акмеизма. Вообще Гумилев, кстати, как и Лермонтов, особо любим в подростковом возрасте.

Ныне, слава Богу, Гумилев переиздан у нас, но мы должны поклониться тем, кто сохранил Слово его, — и прежде всего покойному Г. П. Струве, издавшему в Вашингтоне четырехтомник поэта, подобного которому при всей нашей гласности и кооперативности нет до сих пор у нас. Мне довелось видеть Г. П. Струве в годы, когда тот готовил III том собрания, приходилось бывать и читать у него в Беркли; помню, теперь уже благоговейно, платиновую воробьиную бородку этого русского интеллигента, ключаря культуры.

А вот несколько солдафонское воспоминание-рапорт штабс-капитана В. А. Карамзина, который был сослуживцем поэта по 5-му Александрийскому гусарскому полку в 1916 году.

«На обширном балконе меня встретил совсем мне не знакомый по полку офицер и тотчас же мне явился. «Прапорщик Гумилев», — услышал я среди других слов явки и понял, с кем имею дело. Командир полка был занят, и мне пришлось ждать, пока он освободится. Я присел на балконе и стал наблюдать за прохаживавшимся по балкону Гумилевым. Должен сказать, что уродлив он был очень. Лицо как бы отекшее, с сливообразным носом и довольно резкими морщинами под глазами. Фигура тоже очень невыигрышная: свислые плечи, очень низкая талия, малый рост и особенно короткие ноги. При этом вся фигура его выражала чувство собственного достоинства.

Я начал с ним разговор и быстро перевел его на поэзию, в которой, кстати сказать, я мало что понимал.

— А вот скажите, пожалуйста, правда ли это или мне так кажется, что наше время бедно значительными поэтами? — начал я. — Вот если мы будем говорить военным языком, то мне кажется, что «генералов» среди теперешних поэтов нет.

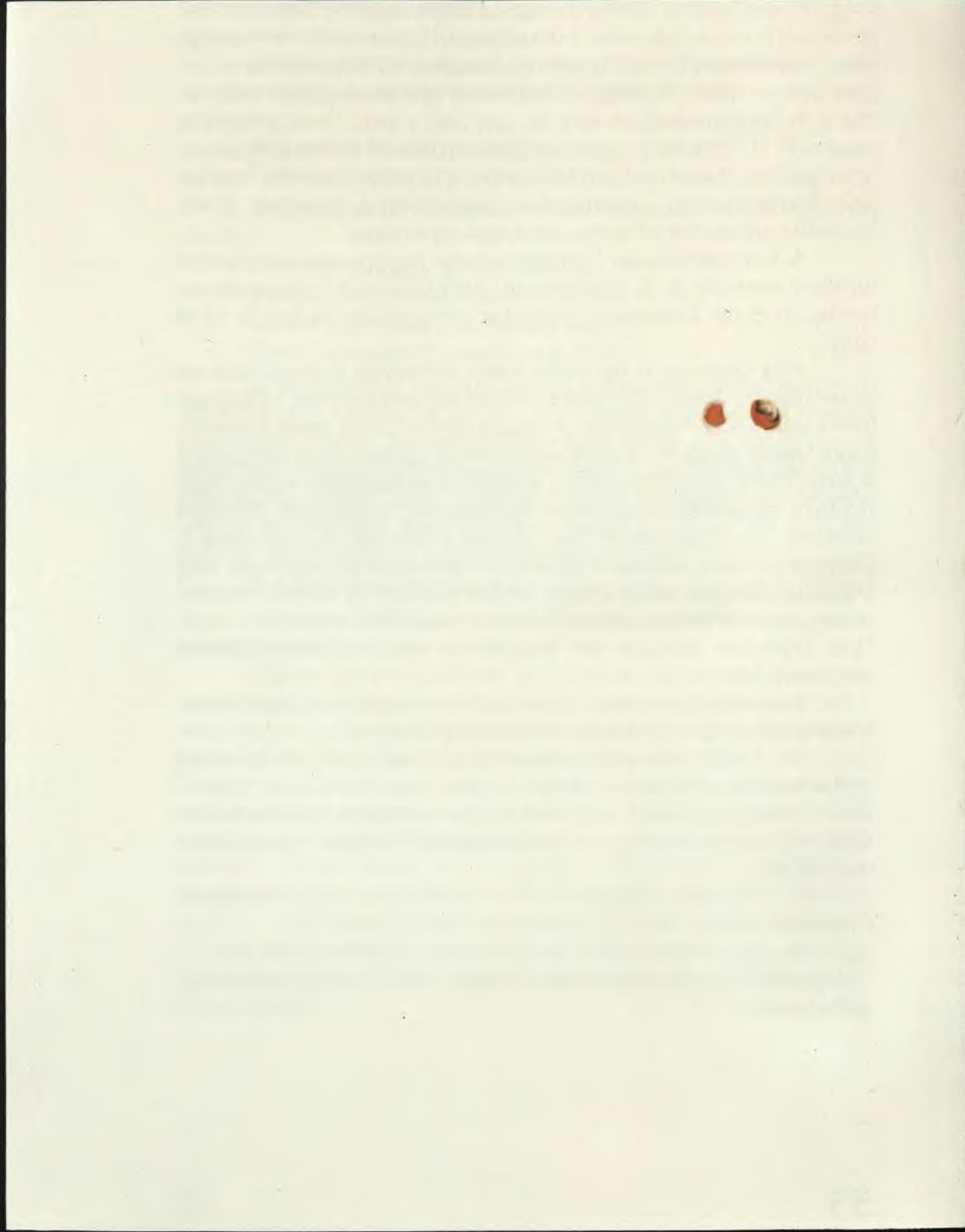
— Ну, нет, почему так? — заговорил с расстановкой Гумилев. — Блок вполне «генерал-майора» вытянет.

— Ну, а Бальмонт в каких чинах, по-вашему, будет?

— Ради его больших трудов ему «штабс-капитана» дать можно.

Гумилев. 1991 г.

Гумилов. Cardboard, stroboscopic light.

ГУМИЛЕВ

Nikolai Gumilyov, married to Anna Akhmatova, was the first poet murdered by the Soviet regime.

Мне думается, что лучшие поэты перекомбинировали уже все возможные рифмы,— сказал я, — и остальным приходится повторять старые комбинации.

— Да, обычно это так, но бывает и теперь открытие новых рифм, хотя и очень редко. Вот и мне удалось найти шесть новых рифм, прежде ни у кого не встречавшихся...»

Бог с ним, с портретом, писанным армейской кистью. Да и как доверять точности мемуаристов, когда один свидетельствует о «малом росте и коротких ногах», другая, наоборот, о высоком росте и «длинноногой хорошей фигуре?» Но интересно: вот каков был уровень бесед императорского офицерского корпуса — образованной среды, выделившей из себя К. Р. и Скрябина. Шла беседа отнюдь не на уровне «е-твою мать, бляха-муха» — отечественные офицеры беседовали о рифмах Блока и Бальмонта. «В описываемый период поэтическим экстазом были заражены не только некоторые офицеры, но и гусары», — вспоминает другой сослуживец поэта, полковник С. А. Топоров.

И какое четкое достоинство в самооценке мастера: «Шесть новых рифм». В погоне за ними, за шестеркой этих рифм, он носился и в Абиссинию, и на Двинский фронт.

Не пустыми молитвами оправдывает человек свою жизнь на земле. На земном пути своем он должен сам найти хотя бы несколько духовных зерен — шесть рифм, или хотя бы две метафоры, или хотя бы один добрый поступок. Человек должен сотворить свой духовный мир — по образу и подобию Божию.

В завещании своем, набросках неоконченной книги «Теория интегральной поэтики» поэт писал: «композиция лирики: при двух данных непременно третье — личность поэта».

В строфах его видна личность поэта и офицера.

Шесть рифм.

Два Георгия.

Одна пуля. (Или две?).

Видеом подсвечен мигалкой — кровавый фон и буквы имени проступают сквозь пулевые отверстия в белом листе.

В гибельные и непредсказуемые наши дни мужественные уроки Гумилева дают нам куда больше, чем многословные советы политологов. Вот строки из его поэтического завещания «Мои читатели», написанного в год смерти:

... когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать, что надо...

... А когда придет их последний час...
Я научу их сразу припомнить
Всю жестокую, милую жизнь,
Всю родную, странную землю,
И, представ перед ликом Бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно Его суда ...

РОССИЯ

РОССИЯ

ОСЫ ОСИПА

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?

В морозной хрустальной этой строке вмерзли живые крик и дыхание.

Лишь сейчас, сто лет спустя, понимаешь, почему поэт, отрешаясь от всесоюзного преступного помешательства, выбрал своим излюбленным образом крохотную, летучую, золотую с траурными колечками осу — дикую волшебную осу-отщепенку?

Почему он написал, чуя гибель, в одном из своих стихов 37-го года:

Вооруженный зреньем узких ос,
Сосущих ось земную, ось земную ...

Акмеистический образ? Не только.

Вслушайтесь, поймите — «ос...» «ос», — это из наступающей лагерной тьмы, из небытия общей ямы доносится до нас имя поэта, чтобы не забыли. Чтобы остаться в нас, чтобы через столетие мы повторили: «Осип, Осип!»

Эти осы мучительно звенят по всем его строкам: «Оссиан», «острог», «особь», — ос, ос, Осип... Как Татьяна писала на морозном стекле вензель «О», так и он бессознательно вписывает свои «О» в морозные узоры четверостиший.

Современники не поняли его зова. Самоуверенный невежда Павленко, которого следователь посадил в шкаф подслушивать допрос поэта, писал об этих стихах в доносе Ежову: «... он не поэт, а версификатор, холодный, головной составитель рифмованных произведений... Они (стихи.—

А. В.) в большинстве своем холодны, мертвы, в них нет даже того самого главного, что, на мой взгляд, делает поэзию — нет темперамента, нет веры в свою страну... Не любя и не понимая их ...» Конечно, мудрено расслышать голос поэта сквозь дверцу шкафа.

Но вернемся к волшебным осам.

Медуницы и осы тяжелую росу сосут...

И вчерашнее солнце на черных носилках несут,—

это он о Пушкине писал, но собственная судьба его неосознанно уже шептала сквозь строки — «ос, ос, Осип...»

Нам остается только имя,

Чудесный звук, на долгий срок ...

Что означает имя для поэта? Да все означает. Повторяю, имя связано со святцами, со звездами, с гороскопом. В имени любого поэта как бы закодирована его поэтическая программа, судьба. Поняв это, мы по-новому прочитаем классиков:

А в час пирушки холостой ...

И пунша пламень голубой.

Вы слышите? «Пушкин, Пушкин!» — доносится к нам из тьмы времен. Ведь именно «Пушкиным», а не «Александром» или «Сашей» называли поэта и друзья и жена.

Об этом догадываются астрологи и ЭВМщики. Поэтов надо читать так, как астролог читает звезды. Есть такая наука — нумерология, восходящая к древнему Китаю, нашедшая тайную связь между именами, числами дня, месяца и года рождения, судьбой и менталитетом.

«Человеческая самость, кто ты есть — исходит из вашего имени. Она может быть выражена в том, что заключено в имени. Важно понять смысл. Это психологическая наклейка на «личности» — читаем мы в книге «Числа как символ для самораскрытия» Ричарда Вогана. Автор создает систему зависимости судьбы, имени и чисел рождения. Жаль,

автор не знал Хлебникова. Число магично. Мандельштам мог бы сказать об авторе: «Не его вина, что он слышал музыку алгебры той же силы, как и живую гармонию».

Мы попробовали подставить числовые данные О. Э. Мандельштама в нумерологическую систему — получилась поразительно точная картина раковидной психологии, неконтактной со средой и звездной предназначенностью. Но вернемся к осам поэзии.

Вот лучшая книга поэта «Tristia», через Овидия предчувствующая собственную ссылку:

Кто может знать при слове «расставанье»,
Какая нам разлука предстоит?..
Уже босая Делия летит!

И опять, ныне уже из имени любовницы Тиберия, доносится к нам еле слышный, далекий-далекий смазанный отзвук имени поэта: «Ос...», «дель»... — Осип Мандельштам.

Оса Культуры не была безобидной. Она жалила отчаянно и героически. Так случилось, что самый герметичный из поэтов, самый хрупкий, болезненно-ранимый, обидчивый лакомка, капризный, отнюдь не богатырь, не Рэмбо, написал единственное в российской поэзии открытое стихотворение против Сталина, за которое и заплатил жизнью. Он был единственным действительно виновным против тоталитаризма, среди миллионов наивных невинных жертв.

И написав это самоубийственное стихотворение, он последним словом последней строки дерзко расписался, чтобы все знали не только о ком эти стихи, но и чьи: кто автор этого стихотворения «И широкая грудь осетина». Несмотря на свою фамилию, близкую к распространенному осетинскому «Джугаев», Сталин не был осетином, но эта заключительная рифма звучит, как подпись поэта «Осип» — подпись под смертельным приговором себе. Оборванное «ос» ...

Крохотная фигурка Мандельштама стала модулем человеческой личности в безликое время.

Мастер речи, оса Культуры, он любил слова «воск»,

«соты». Оса его обручала. Думаю, и для близких поэта она была внутренним заговорщическим кодом.

Я сошла с ума, о мальчик странный,
В среду, в три часа!
Уколола палец безымянный
Мне звенящая оса.

Я ее нечаянно прижала,
И, казалось, умерла она.
Но конец отравленного жала
Был острее веретена.

О тебе ли я заплачу, странном,
Улыбнется ль мне твое лицо?
Посмотри! На пальце безымянном
Так красиво гладкое кольцо.

Это ахматовское стихотворение помечено 1911 годом. 1911-й — год знакомства Ахматовой и Мандельштама. Как и в черном кольце, в болевом кольце — предчувствие. Этой болью Ахматова была окольцована на всю жизнь.

Какая российская была его оса!

В ней «желтизна правительственных зданий» Петербурга «и пятиглавые московские соборы с их итальянской и русской душой», которые они с молодой Цветаевой влюбленно посещали, путешествуя по российской истории «на розвальнях, уложенных соломой». Как жалки нынешние попытки отгородить поэта от русской культуры и истории за черту оседлости! Как точно вслед за Блоком подметил плоть русского языка — «русский язык стал именно звучащей и говорящей плотью». Он почувствовал «эллинистическую природу русского языка», открытость нашей культуры другим.

Но вернемся к словарю поэта. Его великая сотовая проза написана, собрана по слову, каждое слово — золотой взятки.

Сталин — Мандельштам — Трестия. 1991 г.
Stalin. Tristia, Mandelstam.

Osip Mandelstam has perished in GULAG after he has written a poem on Stalin.
Tristia — Mandelstam named one of his poetry collections after Ovid's.

MANDEL

TR

HH

Можно написать исследования об архитектурности поэта — мастера с хищными глазомером. Процитируем заключительные абзацы его программной статьи о природе слова.

«На место романтика, идеалиста, аристократического мечтателя о чистом символе, об отвлеченной эстетике слова, на место символизма, футуризма и имажинизма пришла живая поэзия слова — предмета, и ее творец не идеалист — мечтатель Моцарт, а суровый и строгий ремесленник мастер Сальери, протягивающий руку мастеру вещей и материальных ценностей, строителю и производителю вещественного мира».

Сталин, спросив Пастернака о Мандельштаме: «Он ведь мастер, мастер?», желая поразить меткостью суждения, конечно, был хорошо информирован. Как и в программной статье поэта, слово «мастер» повторено дважды. Вряд ли вождь читал статью, но советники его, безусловно, читали. (Тот же Агранов, подписавший ордер на арест поэта, завсегда литературных салонов, мог подсказать эту самохарактеристику «мастер»).

Этот разговор Сатаны с поэтом широко обсуждался в московской среде, он, вероятно, и дал импульс М. Булгакову к «Мастеру и Маргарите», к линии Мастера и Воланда.

Политических вождей XX века влекла поэзия. Бухарин был поклонником Пастернака, полемизировал печатно с Троцким, который был поклонником Есенина. Сталин взял на себя Маяковского. И только Мандельштаму не нашлось мецената. Он был чужд властям. И даже когда поэт, сломленный, пытался, подобно своим ослепленным братьям, петь осанну и оды, сквозь ослабевшие строки его, как кровь, проступало то цареубийственное стихотворение. Впрочем, отмеченный оспинами тиран, может быть, инстинктивно по-своему любил его больше других — поэтому и убил. Не случайно и противостояние имен поэта и тирана: «Осип» — «Иосиф».

И так ли герметичен этот русский интеллигент? Вот его признание следователю: «В моем пасквиле я пошел по пути, ставшему традиционным в старой русской литературе... — «страна и властелин». В 1930 году в моем политическом и

социальном самочувствии наступает большая депрессия. Социальной подоплекой этой депрессии является ликвидация кулачества как класса. Мое восприятие этого процесса выражено в моем стихотворении «Холодная весна». «Холодная весна. Голодный Старый Крым». Как обостренно чувствовал боль страны этот петербуржец, горожанин, чтобы сказать то, чего не смели сказать классики советской крестьянской литературы, в романах и поэмах славящие колхозы!

И опять взглянем на последнее слово этого стихотворения «Кольцо». Он опять поставил «о» своего имени, подписался. Да и осужден он был Особым совещанием при НКВД. Не случайно тот же самый Агранов вел следствие, был мучителем Чаянова, мыслителя наших аграриев. Те же руки убивали поэтов и природу.

Зрительность его звука предвосхитила весь XX век. Да и сам образ осы — как снайперски названа в русском языке «О-с-а» — так и видишь золотые и черные колечки «о», «с», сцепленные в пружинки, как бы написанные на воздухе.

Бессмертно летит волшебная оса Осипа Мандельштама.

Великие стихи подобны брускам древесного угля. Они впитывают в себя влагу не только прошлых культур, но и смысл предстоящих лет и событий.

В своем пассаже о глоссолалии, одновременно звучащем хоре языков, поэт предсказал Ролана Барта с его «гулом языка». Правда, судьба Мандельштама, как и других российских авторов, не вмещается в учение постструктурализма «о смерти автора». Интертекст русских поэтов кровью сочится!

Несмотря на погромные окрики, новая наша стихотворная формация частенько летает за медом к Мандельштаму. Это отрадно. Современникам, освоившим прогнозы ЭВМ, не мешает осознать и вещей код, текст и судьбу ОЭМ — Осипа Эмильевича Мандельштама.

«Слово — плоть и хлеб. Оно разделяет участь хлеба и плоти: страдание. Люди голодны. Еще голоднее государство. Но есть нечто более голодное: время». У нас был шанс

построить государство Культуры, увы, мы все больше и больше удаляемся от этой возможности.

В чем спасение от центробежного воя свихнувшегося века? Услышим шепот поэта: в Слове и Культуре.

Чтобы вырвать век из плена,
Чтобы новый мир начать,
Узловатых дней колена
Нужно флейтою связать.

И эта нота флейты из позвонков столетий звучит страшным дуэтом с флейтой-позвоночником другого поэта начала века, трагического самоубийцы, который сам до нынешних дозволенных проклятий свершил самосуд над собою. Дуэт этих двух флейт оплакивает финал столетия.

С треском лопаются осы
над пожарами полей.
Только обгоревший остов
остался родины моей.

Воды! Владимирщина плавится.
Я слышу треск незримых крыл.
Горят гробы в подземном пламени,
трещат из высохших могил.

Воды! Задымленное Раменское,
сады, надежды, я и ты —
шепчет страна тяжелораненая —
воды!

Что нами срублено на шару,
расщеплено в дрова вражды,
к нам возвращается пожарами —
воды! Воды простой святой воды
пошли! Две капли с небосклона
не долетают в наши рты —
с уже не плачущей иконы.
Воды!..

Сгорайте, осы Персефоны,
не пролетев и полпути!
Не лето — Лета пересохла.
Другой России не найти.

август 1992

СПРКФВ

Наивные и иронические дети нового времени, мы пили из кофейников Прокофьева и Кафки.

Помнится, меня пригласили почитать стихи студенты и профессора Московской консерватории. В первом ряду партера опирался на палку Генрих Густавович Нейгауз, шевеля велюровыми усами и бровями. Несмотря на наше знакомство по пастернаковскому дому, я робел от его присутствия. Одна неверная нота — и он застучит палкой, затопает ногами, накричит...

Подошла юная Ирина Бочкова, тогда еще студентка.

«Что вам сыграть перед стихами?» — Она ждала ответа, наклонив набок голову, словно касаясь щекой скрипки.

«Прокофьева!»

«Я так и знала»...

В те годы мне открылась новизна Прокофьева, его 1-го концерта, нерифмованной музыки, присутствием трех кубических апельсинов над снежной спячкой, гениальности в чистом виде, новой гармонии. Праздничной, плотской, внезапно открывшейся «новой простоты», преобразившей нашу прозу. Прокофьев — апокриф асфальта. Ирония его была остужена Вечностью.

Шесть раз, добыв билетик у колонн Большого, а то и на прорыв, столбенел я от его «Ромео и Джульетты», стиснутый на 2-м или 3-м ярусе поклонниками Улановой, ожидая конвульсивных тактов смерти Тибальда — страшный прокофьевский кайф. Тогда я вводил свободный стих в «Эрнста Неизвестного» и главы прозы в «Озу», позднее, слушая речитативы прозы в «Игроке», я ощутил такую близость, будто для меня это было написано.

Интродукция его флейты предваряла мои вечера в театрах Лондона, Парижа и Нью-Йорка.

Мое юношеское ошеломление от новизны Прокофьева отразилось в двух видеобах, которые публикуются здесь.

Прокофьев — профессиональный гений.

Нейгауз считал, что в нем 90% музыканта, 10% человека, но эти 10% ценнее, «человечнее», чем у иного все 100%.

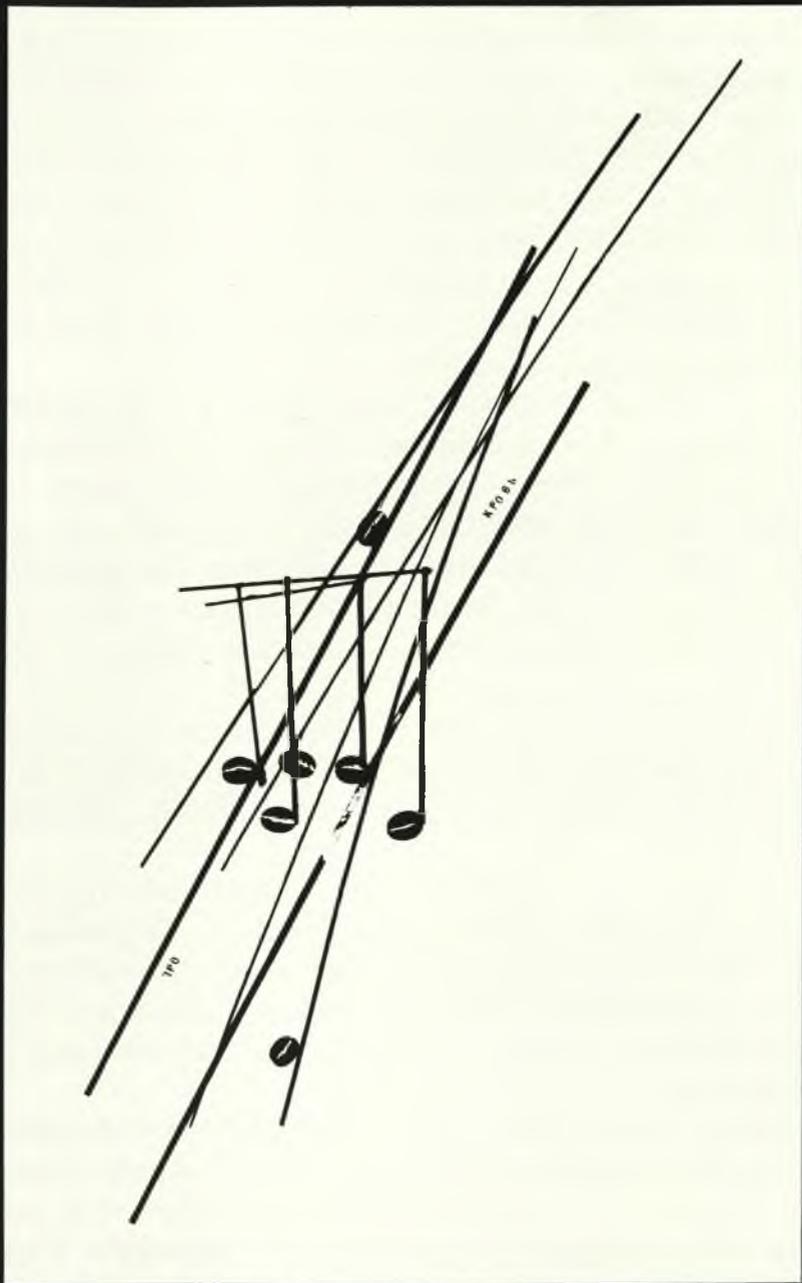
Подписывался он одними согласными — «СПРКФВ». Гласные как бы выпаривались из него. В согласных иронически проблескивала аббревиатура концертов, а то и РСФСР. Великий шахматист, он как бы проигрывал всю партию в уме, а нам записывал лишь коронные ходы. Он доводил музыку до кристалла в операх и балетах ГННННГЛ, РМДЖ, ЛБКТРПЛСНМ, СМНКТК и ВМНР. Он довел музыку до режущего кристалла. Музыка его алмазна.

Будучи в Якутии, я ломал себе голову над происхождением алмазов. Как из нашей тьмы, загазованных «МАЗами» котлованов, стона безысходного быта, мата от повышения цен, когда детский валенок стоит 600 руб., из раздавленной судьбы открывательницы Ларисы Попугаевой, лжи, национального напряжения, развала породы — ну как из всей этой мглы рождаются октаэдры алмазов, зерна гармонии?

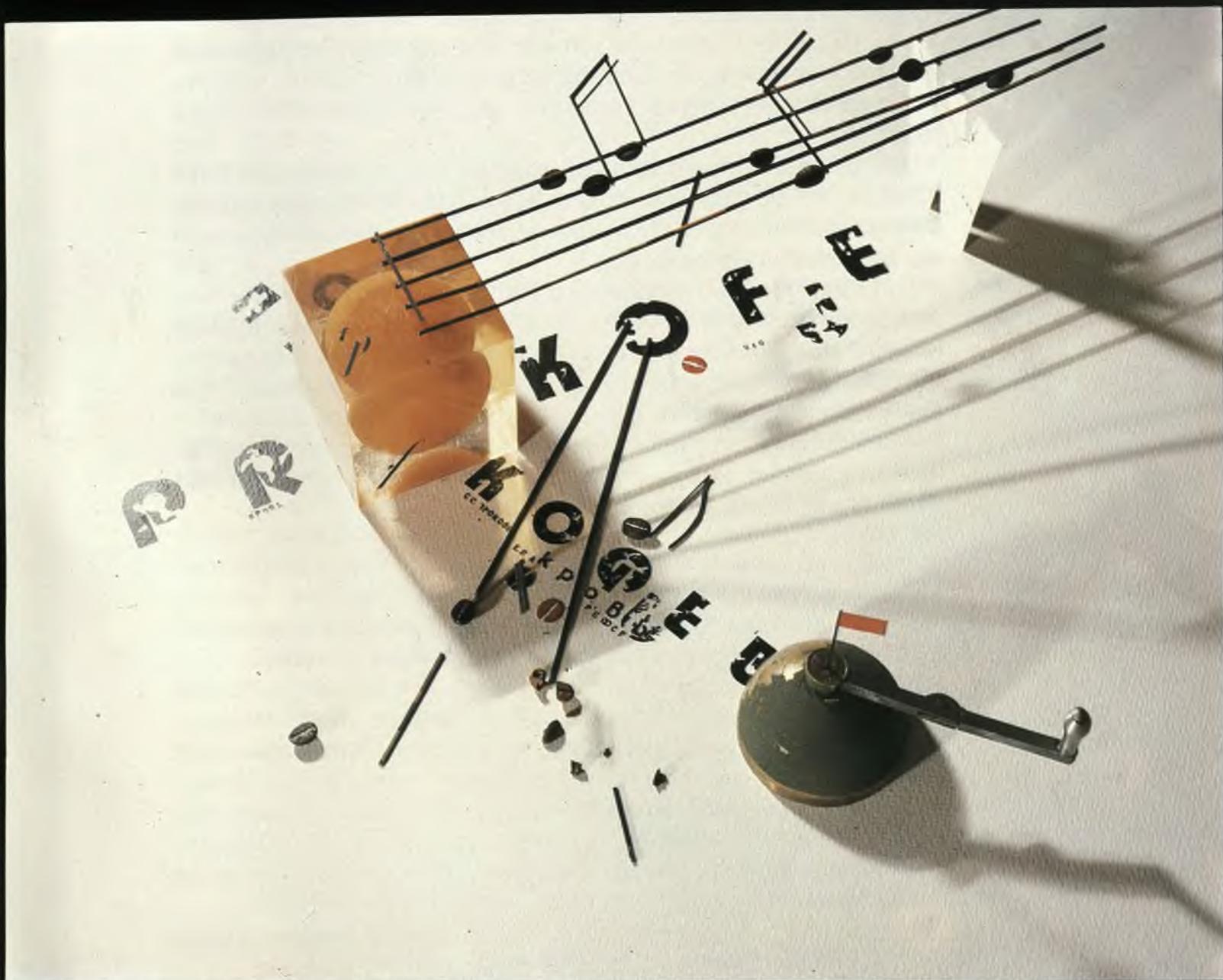
Алмазодобытчик в Мирном говорил мне, что алмаз выдерживает любую прессовую нагрузку, лишь вминается в любой пресс, но хрупок на боковой удар. Надо знать, где ударить.

Система знала, где ударить. Полуграмотный, труднопроизносимый волапюк Постановления — ПстнвлнЦК плжнвмзкфрмлзмсхзпрнцсрлзмг 1948 гд — не нес никакого смысла, кроме смертельного бокового удара в сердце гения. Гигантская кофемолка перемалывала зерна гармонии в растворимый суррогат.

Сын его Олег вспоминает: «Идейные родственники убеждали отца поехать на Совещание, делали большие глаза: «Сам Жданов будет!» Я, мальчик тогда, понимал, что ему ходить туда не надо. «Жданов-подожданов», — сказал я. Отцу это понравилось. Он обычно прислушивался ко мне. Но тут пошел».

Death of Tybald.

С. Прокофьев. Любовь к трем апельсинам.

Sergei Prokofiev, who composed *Love For Three Oranges* opera, was victimized by the Kremlin. In Russian his name rather strongly suggests coffee — as music notation suggests coffee beans. The Kremlin dome looks like a coffee grinder.

Олег рассказывал мне это в своем лондонском двухэтажном доме на краю ночного поля, где живет он сейчас, московский художник, поэт, скульптор в горчичном свитере.

Ныне нет красного флага над зеленой кофемолкой кремлевского купола. Сейчас я бы не стал, конечно, трогать этого флага, но когда я лепил этот видеом, флаг был могуч и парящ.

Случайно ли над распадом и политизацией нашего быта 1989, 90, 91, 92 годов по-федоровски встают световые столбы столетий Ахматовой, Пастернака, Мандельштама, Мельникова, Булгакова, Прокофьева?

Они плеядно родились в 1889, 90, 91-м. Мы учили, что это были года глухие, мгла, Победоносцев, совиные крыла, канун Ходынки. Но такими ли глухими оказались эти годы для истории, если именно они родили гениев будущего века? Года значимы не только тем, кого загубили, но и тем, кого родили.

Кто они? Что определяют в культуре XXI века гениальные младенцы, родившиеся в 1991-м? Как повлияют на них наши пестициды?

НАБОКОВ

В детстве я часто шарил по дедушкиной библиотеке. Золоченые тома «Истории человечества» Гумбольдта или Брэм привлекали меня тончайшей папиросной бумажкой, проложенной над цветными иллюстрациями. Она требовалась для каких-то детских надобностей — кажется, на расческе дудеть.

Однажды я снял с полки затиснутый толстенный том англо-русского словаря в красной обложке. Из него посыпался засушенный кем-то меж страниц домашний осенний гербарий. Резные осиновые кружочки лесов прошлого столетия, золотые березовые сердечки, будто абрисы православных куполов, кленовые алые гусиные лапы — планировали на пол из словаря.

А листовая словарь, меж страниц на букву «кью» я обнаружил заложенные, засушенные там крылышки бархатного персидского махаона. Какой начинающий жестокий Набоков засушил их там? Или сама бабочка, заснув, была некогда захлопнута в книге рассеянной дачной курсисткой?

Золотая, бирюзовая и черная пыльца впрессовалась в две словарные страницы. Шеренги слов, возглавляемых королевской «Кью», оделись в золотые блески, будто собирались играть на сцене «Генриха IV» или «Венецианского мавра». Их окружали силуэты отпечатавшихся крыльев. На самих же крылышках, сквозь которые уже просвечивали осыпавшиеся остовы, на золотых их пятнах, впечатались со страниц буквы латинского и русского алфавита, увенчанные ятями.

Бабочка краткой человеческой культуры осыпалась крылышками в бездне немого мироздания.

Набоков — двуязыкая бабочка мировой культуры.

Давайте, читатель, разглядим осыпавшиеся крылышки

его четверостиший. Вот васильковая расцветка «Первой любви»:

Твой образ легкий
и блистающий
как на ладони я держу,
и бабочкой не улетающей
благоговейно дорожу.

Все слова поэта цветные, зрительные. В письмах к сестре Елене он описывает своего сынишку: «Настоящей страсти к бабочкам у него нет. У него окрашены буквы, как у меня и как это было у мамы, но у каждой буквы свой цвет — скажем, «м» у меня розовое, фланелевое, а у него голубое».

его четверостишием. Вот васильковая расцветка «Первой любви»:

Твой образ легкий
и блистающий
как на ладони я держу,
и бабочкой не улетающей
благоговейно дорожу.

Все слова поэта цветные, зрительные. В письмах к сестре Елене он описывает своего сынишку: «Настоящей страсти к бабочкам у него нет. У него окрашены буквы, как у меня и как это было у мамы, но у каждой буквы свой цвет — скажем, «м» у меня розовое, фланелевое, а у него голубое».

Главное наслаждение произведений Набокова — осязать заповедный русский язык, незагазованный, не разоренный вульгаризмами, отгороженный от стихии улицы — кристальный, усадебный, о коем мы позабыли, от коего, как от вершинного воздуха, кружится голова, хочется сбросить обувь и надеть мягкие тапочки, чтобы не смять, не смутить его эпитеты и глаголы. Фраза его прозы — застекленная как драгоценная пастель, чтобы с нее не осыпалась пыльца.

С детства вторым языком автора был английский. «Лолиту» и «Другие берега» он написал по-английски, создавая самостоятельный русский вариант произведений. В обоих случаях язык его упоителен. Это почти единственный после Конрада случай в мировой литературе.

Владимир Владимирович Набоков принадлежит к старому дворянскому роду. Вместе с семьей, юношей, оказался за границей. Окончил Кембридж. На Новой Земле есть «река Набокова», названная в честь его прапрадеда, ходившего туда на корабле в 1816 году, его бабушке посвящал стихи Тютчев, отец его, человек долга и чести, член I-й Государственной думы, погиб от пули, заслонив собой своего кумира, считая, что закрывает собой Россию.

Поэт в татарских корнях своей фамилии искал прошлое. Увы, в них было закодировано будущее. Из букв «Набоков» выкатился «колобок» и пошел катиться через границы, округлый, внешне даже благополучный, живой, — перекачиполе эмигрантской судьбы. «Колобок» по-арабски означает «переворот», «революция». Глянем далее. Пыльца, осыпавшаяся с литеры «н», превращает ее в четкое «ч», и вот уже из того же кокона «Набоков» выпархивает бабочка, пожизненная страсть писателя.

Сам же он, крупнейший мировой писатель, гордился более всего тем, что открыл вид бабочки, «неизвестную самочку, которая зовется Nabokov's Nymph в научной литературе». «Какое наслаждение наконец найти мою редчайшую крестницу на почти отвесном склоне, поросшем лиловой лупиной, в поднебесной, пахнущей снегом тишине (на высоте 3000 м)!» — захлебывается он своей корреспондентке. «И есть, кроме

того, четыре nabokovi, названные другими, из них особенно мне дорога Eupytchia nabokovi, крохотная геометридка...»

По прозе пером его водила «с постоянством геометра» муза Геометридка, но в поэзии флейты его касалась губами простоволосая нимфа чувства, нимфетка, как потом он ее назовет.

Есть проза современных ему поэтов Пастернака, Мандельштама, Цветаевой, где сохраняется метод поэзии, захлебывается ритм, аллитерации, напор, здесь же, наоборот, мы видим поэзию прозаика, близкую Бунину,— вдруг четкая деталь сквозь слезы:

...угол дома, памятный дубок,
граблями расчесанный песок.

Не так-то беспечны его бабочки. Бабочка-память неотвязно напоминает ему желтой каймой своей зыбкую рожь, это березовая греза-бабочка России всюду ностальгически настигает его. Есть у него и стихи на английском, но, конечно, неудачные. Каждый, кто пробует писать стихи на неродном языке, расплывается банальностью за кощунство. Для меня, например, это святотатство, я не пишу стихов по-английски, если не считать шуточных.

Порой на набоковских крылышках среди своей пыльцы отпечатаны тексты других поэтов.

Гиппиус назвала его талантливым поэтом, которому нечего сказать, не заметив, что подробности жизни и слова стали содержанием его. И сквозь этот яркий, отчетливый мир проступает:

Я помню, над Невой моей
бывали сумерки как шорох
тушующих карандашей.

Да и американскими «голубянками», а не европейскими «Alpes Maritimes» он занимался лишь потому, что вынужден был бежать из Берлина в Париж, а далее в другое полушарие, спасая жену-еврейку от фашистского геноцида.

«Писал ли я тебе,— сообщает он сестре в 1958 г.,— что

открыл и описал несколько новых видов и что существует несколько названных в мою честь «nabokovi»? И далее: «Ника уже развелся со второй женой — американкой». Я знал этого «Нику», композитора Н. В. Набокова, его третья жена, Патриция Блейк, проклинаемая советским официозом, редактировала мое первое «Избранное» в американском издательстве. Встретиться с В. Набоковым было бы просто, но мешала некая целомудренность. Я боялся нарушить хрустальный образ, боялся, что пыльца останется на пальцах. Мастер был труден в общении. Недавно, будучи в Москве, Грехем Грин, давший мировую славу его «Лолите», защитив ее от цензурных запретов и выведя в кинозвезды, чтя автора как писателя, сдержанно отозвался на мой вопрос о нем как о личности. Проза его магична — его школу прошел и поздний Катаев, и Битов, и многие.

Всю жизнь он прожил в гостиницах, отказываясь покупать и обживать свой дом вне дома.

Ах, где они теперь, две бабочки Набокова?

За год до смерти, глянув на бесстрастный сачок небосклона, он написал замершее стихотворение из двух строф, как двукрылую лимонницу. Перефразируя гумилевское «И умру я не на постели при нотариусе и враче», старый поэт улыбнулся автоэпитафией:

И умру я не в летней беседке
от обжорства и от жары,
а с небесной бабочкой в сетке
на вершине дикой горы.

Эти две строфы, кажется, вот-вот вздрогнут, подымутся, сомкнувшись вместе, и упорхнут — к каким другим берегам, к каким горизонтам?

БИТНИКИ

На своих поэтических вечерах, сложив по-дзенбуддийски ладони, он медитирует вместе с аудиторией, выдыхая гулко нутряное обращение к духу и Богу: «Ом-ом-ооомм...» Вот уж кто созвучен нашему термину «видеом»!

Аллен Гинсберг, лохматый, как шмель, идол масс-медиа, гуру, теперь уже классик,— родоначальник и вождь битничества, явления, без которого невозможно познать духовную жизнь и культуру Америки последнего полувека. Да разве только Америки? Где только мне не довелось с ним выступать, помимо США,— в Мельбурне, Париже, Берлине, Сеуле, Риме, Амстердаме, etc, etc. Увы, только почему-то не в Москве! И всегда на него ломится своя, неподкупная, главным образом молодая и с проседью шестидесятников, аудитория, воплощающая духовную мысль, а то и совесть страны.

Полуграмотные охранители, и туземные, и наши, эпатированные непереводаемыми терминами «fuck» и «shit», введенными поэтом в тексты, не хотят замечать, как в глубинах его бунтарского сленгового, сильно ритмизированного духовного стиха просвечивает классическая культура У. Блейка, его Бога, Э. А. По, Эзры Паунда. Когда он одевался в черную прозодежду и улично эпатировал эстраду, эта Культура стояла за ним в глубине сцены. Сейчас, когда он носит смокинг (правда, как он оправдывается, купленный по скидке), за ним стоят стихия нынешней речи, современность. Из русской поэзии он знает не только Мандельштама, но и Клюева. Я нарочно завел его на разговор о Прусте, видеом которого соорудил из лупы, и постмодерне, который наши интеллектуалы ныне открыли для себя.

Пруст — в «Поисках утраченного времени» — согляда-тай, зрачок, лупа психологических подробностей. Микроскопом он ищет следы времени.

Смысл движения битничества, рожденного молодыми

американскими интеллектуалами, профессорами, «антибуржуазными» эрудитами, до сих пор малоизвестен нашему, даже образованному, читателю. Книги Керуака, У. Борроуза, да и самого А. Гинсберга не изданы у нас. А без них, повторяю, мы будем слепы в вопросах мировой культуры, которую стремимся понять.

Теперь о портрете самого героя. Портрет размером один метр на полтора. Я нарисовал, вернее, слепил его из жженой веревки с натуры в Филадельфии, куда Аллен приезжал читать английские переводы на моем вечере. Голубой фон воплощает любимый для Аллена небесный цвет.

Я объяснил ему и другое, русское сегодняшнее значение термина «голубой». Он обрадовался совпадению. Даже звуково это близко английскому «гэй».

Что касается очков, то поэт любезно предоставил мне свои. В целях реализма. Черные наручники, похожие на буквы «G» в фамилии поэта, куплены мной там же. Информация о «250 000 наручниках», создала впечатление, будто они существуют лишь у нас в стране. Увы, в мировой цивилизации есть свои ограничения, запреты, цепи, табу. И художник разрывает их. Автор фотографии, Леонид Любяницкий — известный нью-йоркский фотохудожник. Надпись «Солт» на банке с солью являет собой игру слов. «Солт» одновременно означает «Договор об ограничении стратегических вооружений».

Аллен Гинсберг отзывчив на людскую боль, особенно остро реагирует на любое подавление личности. Поэт исповедует идею художественного братства. Я бы назвал это метафизической страной интеллигенции, которая едина, несмотря на географические границы. Как и другие наши поэты, я давно дружу с Алленом. В тяжкие минуты он всегда помогает. Помню, в Лондоне во время знаменитого чтения в Альберт-холле, первого мирового съезда поэтов, советский посол запретил мне читать стихи. Тогда Аллен читал мои стихи вместо меня. А я молча сидел на сцене. В другой раз, когда меня уж очень здесь прижали, он пошел пикетировать советскую миссию ООН в Нью-Йорке в защиту поэзии.

Аллен Гинсберг, держащий «Солт». 1978 г.
Allen Ginsberg — a pinch of SALT.

Портрет А. Гинсберга. Жженая веревка, наручники. 1991 г.
A. Ginsberg. Gouache, burnt rope, handcuffs.

ПЕРЕХОД

За что мне этот переход?
Я в подсознание Москвы
спустился в судьбы и мослы,
где каждый душу продает.
Я к Склифосовке в переход
от бешенства шел на укол.
И каждый, кто сюда пришел,
как урка, клал кишки на стол.

Кто лез из «Вольвы» наверху,
свою здесь нюхал требуху.
И женщина под общий смех,
рожала на виду у всех.

Не из протеста — от тоски,
носки развесив как беду,
народ кладет свои кишки,
когда совсем невмоготу.
Господь нас превратил в господ.
На что нам этот переход?

Был скоточеловекобог —
стал богочеловекоскот.
Телка, слаба на передок,
несла для пыток утюжок.
Криминогенная пила
лежала тенью от Кремля.
Была опасной колбаса —
колба из пса.
И целлофан вместо гробов
искали толпы мертвецов.
Лишась бердяевских примет,
наш Дух переходил в Предмет.

Инстинкт пластинками синел.
Печаль садилась на шинель.
Рычал писатель. Он носил
в себе 105 собачьих сил.
Мысль разносила менингит.
Стаканы мутны от идей.
Им было больно ими быть,
не быть было еще больней.

Безвыходно в стране той жить,
безвыходно расстаться с ней,
В их шкуре было стыдно быть —
не быть было еще стыдней.
Шинель надета на гуру.
И беспредел смердел в углу.

Я торопился на иглу.

Вязали бешенство в мешок.
Сажали душу на горшок.
Над городом зиял Горшок.
России расширялся шов
в душе и через потолок.

Дай передыха, переход!
С клочка газеты «Эрик Хон...»
порошковая душа
жалась в банке алкаша.
Он пред собой сгребал, как краб,
свой прожитый грошовый скарб.
Лежал, как лилипута скальп,
презерватив — пупок любви.
Хичкок.
Я отдал бы кишки свои,
чтобы не видеть их кишок!
Но прорастала сквозь меня
щетина псиняя моя.

Рехнувшийся чертополох,
стояла Ты на четырех.
Были похожи на Твои
пульсирующие мозги
под злыми мухами Москвы —
Твой смех, как боль наоборот...

За что нам этот переход?
За что всеобщий этот шок
души на уровне кишок?
За что, тушитель, нас поджег?
Россия пьет на посошок.

От Склифосовки в переход
спустился я, как Геродот.
Там скифы с болью в голове
спрашивали СКВ.

И человек-переходник,
в себя воткнувши вилку, вник
во все проблемы. И ходил,
как поршень, певческий кадык.
Фундамент Сухаревки был
здесь рядом. Но я все забыл.
И я завыл.

«Спой, переходная душа,
что похеровее.
В нас хлещет время как в дуршлаг.
Мы переходные.

Без берегов капитализм —
даль переходная
пути, что Хондами неслись,
все перекопаны.

Пить из Медведицы ковша
водопроводную
не искушай меня, душа.

Мы — переходные.

Убийство стоит 10 тыщ.
(Программа «Новости».)
Мы — переходные, малыш,
от срама к совести...»

Я в Склифософский переход
спустился как в святой приход.
Куда уходим? Что нас ждет?
За что нам этот переход?

* * *

Как спасти страну от дьявола?
Просто я останусь с нею.
Врачевать своею аурой,
что единственно имею.

Не ура-патриотизмом,
не ударом побольнее —
тайной аурой артиста,
что единственно умею.

ПЕРЕДЕЛКИНСКИЙ КЛЮЧ

По гнущимся ступеням
к источнику, что снизу,
кто вывел автогеном
«Надежда» и «Лариса»?

Ах, женские ступени,
и имя на плаву,
как в поминальном пенье
и в храме на полу.

Железа отсвет паюсный.
Вечерний водопой.
Надежда прогибается
над мною и тобой.

Ты туфли не из риска
снимаешь с каблуком —
чтоб ощутить Ларису,
ощупав босиком.

Плащ подвернув до «мини»,
нагнешься в темноте
и пальцем свое имя
напишешь на воде.

И озаренный инеем,
с твоей ладони пью
разбавленную именем
прощальную струю.

Портрет Артура Миллера. Дерево. Медь. 1991 г.
Arthur Miller.

АРТУР МИЛЛЕР

Высоченный, в красном шарфе, на фоне снега, соперничая ростом с переделкинскими соснами, Артур Миллер стоял на крыльце пастернаковского музея, после многих тяжелых лет борьбы за него все-таки открытого.

Толпа приезжих, гостей и местных жителей соборно внимала. Мне вспомнились похороны и другая толпа. Артур сказал в своей речи: «Если бы Гитлеру удалось схватить Пастернака, он повесил бы поэта дважды — как русского интеллигента и как еврея».

Почему я пригласил Артура Миллера и Ингу Морат прилететь на пастернаковские торжества? Почему они прилетели из-за тридевяти земель?

Не только потому что Миллер — патриарх американской драматургии и моральный камертон мировой интеллигенции, а она — известный фотохудожник. Оба они много сделали для русской интеллигенции в тяжелые времена. Круг, очерченный ими, широк.

Их книга «В России» — объяснение в любви нашей стране — обошла весь мир и только у нас была запрещена к изданию. Инга раскрыла своим объективом страшную государственную тайну — количество морщин на лице Министра культуры СССР той поры. Правительство пришло в ярость — чета стала персоной нон грата, пьесы Артура были сняты с репертуара.

Моей жизни они оба дороги. Не раз я жил у них и в городе, и в загородном доме, и первым моим нью-йоркским пристанищем был их номер в отеле «Челси», который они, съехав за город, предоставили мне. Всегда в трудные минуты старались помочь. В прошлом году в своем новом «Русском альбоме» Инга опубликовала мои письма к ним давней поры. Я и забыл, что писал их, передавая, конечно, не по почте. Тогда после моего «открытого письма» были очередные на меня гоне-

ния. Вот цитата из протокола № 8 Постановления Секретариата Союза Писателей СССР от 5 июля 1967 г.:

«Секретариат не может согласиться с точкой зрения Вознесенского, дающей совершенно недопустимую и неверную оценку взаимоотношениям руководства СП СССР с писателями, якобы построенными на системе лжи и обмана... Секретариат резко порицает поведение Вознесенского... Би-би-си и другие зарубежные радиостанции изо дня в день передают изложение письма А. Вознесенского, а равно его обращение в секретариат по письму Солженицына на имя IV Всесоюзного съезда писателей...». И т. д.

И в нашей прессе и даже в газете американской компартии были организованы отсюда «письма читателей» о том, что меня «направляет ЦРУ». Письма той поры, не предназначенные для публикации, тайно переданные Миллерам, напоминают, в каком настрое я жил в ту пору. Вот их перевод с английского.

Москва, 1967

Дорогие, дорогие Инга, Артур и секси Ребека!

Спасибо за ваши телеграммы и письма, за ваши попытки помочь — всем, всем спасибо. Не тревожьтесь за меня. Хотя мое положение не назвать блестящим — за меня не волнуйтесь. Мне кажется, мне слишком долго везло. И мне странно, что все это случилось только сейчас, а не гораздо раньше.

Странные они люди. Они не пустили меня поехать на выступление в Линкольн Центр и в Лондон, повсюду — даже в Болгарию... Но они не в силах не разрешить мне писать стихи, это уж поверьте!

Но довольно о них, fuck их всех!

Каковы ваши планы? С завтрашнего дня меня не будет в Москве до середины августа. Напишите мне ваше расписание и я сразу приеду, если вы вдруг появитесь в Москве или в любом другом нашем городе. Так хочется вас видеть. Сердечный привет.

Андрей.

Москва, 1968

Мои дорогие, любимые, далекие Инга и Артур!

Такое счастье было получить ваше письмо и чудесные фото. Будто я вновь оказался в том ином времени — счастливым, неизменном, свободном — когда я был таким, каким был тогда.

Что с вами сейчас? «Цена» Артура имела здесь огромный успех.

Три недели назад я обрадовался, увидев Артура и себя вместе на страницах «Нью-Йорк таймс» — как мы вместе были в ваших апартаментах в Нью-Йорке. Я был долго в Латвии, много написал, кто знает, когда это будет напечатано. Сегодня «Новый мир» № 7 опубликовал три моих стихотворения. Поверьте, это такое счастье — после такого долгого непечатания — такого мрака... Хочется вас повидать, соскучился по вас. Надежд не так уж много.

Любящий вас обоих ваш Андрей.

Теперь я перечитываю эти забытые письма и меня поражают не только мои тогдашние познания в английском, не только усвоение, например, непереводаемого слова «fuck», но и точное понимание, по отношению к кому оно должно быть адресовано. Во втором письме ошибка. Я тогда еще не видел сам «Нового мира». Третье стихотворение не было напечатано. Второе «Я в кризисе» опять вызвало гнев и скандал. Особенно возмутила их строка:

О чем, мой серый, на ветру
Ты плачешь белому Владимиру?

В «белом Владимире» они разгадали наследника престола, живущего в Испании, Великого князя Владимира Кирилловича Романова.

Можно ли было тогда представить, что Владимир Кириллович официально триумфально приедет в Россию? И что он будет торжественно погребен в Санкт-Петербургской усыпальнице? Строка моя плачет из темных времен.

ДНО ЦИЛИНДРА

Этим летом в Нью-Йорке я слышал голос Оскара Уайльда. Аллен Гинсберг прокручивал мне сокровища своей фонотеки.

Через бетонное столетие, сквозь хрип небоскрежного города донесся надтреснутый, высокий, тонкий голосок лунного поэта. Среди глубокой дикции Бретона и Аполлинера он сквозил особой пронзительностью своей — пронзительностью страданья. Читал концовку «Баллады Рэдингской тюрьмы».

Возлюбленных все убивают,—
Так повелось в веках,—
Тот — с дикой злобою во взоре,
Тот — с лестью на устах,
Кто трус — с коварным поцелуем,
Кто смел — с клинком в руках!

«Как тонкий колокол звучит,— заметил Аллен,— не как русский ваш, набатный, а тончайший колокольный регистр...»

Я с детства знал наизусть эту балладу в переводе, кажется, Брюсова. В сундуке деда среди подшивок «Нивы» и пыльных томов Кнута Гамсуна и Ростана я нашел эту желтую брошюрку со шрифтом «модерн» на обложке. С первых строк мое сознание было потрясено красным страданием на фоне серых тюремных стен и одежды, которым начинается баллада:

Он больше не был в ярко-красном,
Но он обрызган был
Вином багряным, кровью алой,
В тот час, когда убил,—
Ту женщину убил в постели,
Которую любил.

В одежде серой, сером кепи,
Меж тех, кто осужден,
И он гулял походкой легкой;
Казался весел он ...

Да и кто из русских поэтов не попадал под гипноз блистательно-порочного Оскара? Весь серебряный век нашей литературы носит на себе его лунный отсвет. Бальмонт, Гумилев и Брюсов переводили его.

А муж ваш носит томик Уайльда,
Ваш муж презрительный эстет,—

ревниво пел Северянин и фотографировался на свой «Громкипящий кубок» с челкой и ракурсом «под Оскара». Да и Сергей Есенин примерял уайльдовский цилиндр.

В видеомое моем фигурирует этот цилиндр денди, сшитый в театральной мастерской, и белая бабочка, закодированная в имени поэта.

Многие читатели упрекают за то, что я применяю метод прочтения судьбы через имена лишь к субъектам русской культуры — Ахматовой, Есенину, Мандельштаму, С. Прокофьеву и др. Не свойство ли это лишь нашего языка и видеоряда кириллицы? Подходит ли сей «видеометод» к фигурам западной культуры?

Я взял Оскара Уайльда. В инициалах его «O» и «W» зашифрованы и цилиндрический блеск его судьбы, и тюремная решетка, и голубизна за нею — «лоскуток голубизны в тюремных небесах».

Вы помните, как П. Флоренский в своих «Сновидениях» писал, что Бога мы видим через решетку? В своем детском пророческом сне великий наш философ и поэт увидел свое будущее заточение, соловецкую тюрьму и одновременно свет и произнесенное имя: «Бог». Бога он увидел сквозь ГУЛАГ. Замечу кстати, в моем маниакальном стремлении расшифровать судьбу в именах,— не этот ли смысл закодирован в буквах БУЛГАКОВ? Вчитайтесь: «БОГ ГУЛАГА»... Бог, увиденный сквозь век ГУЛАГа.

Оскар Уайльд. Гуашь, стекло, цилиндр, атлас. 1991 г.
Oscar Wilde. Glass, Indian ink, satin.

Этот духовный свет, выстраданная аскеза и сквозит в «Балладе Рэдингской тюрьмы». Психологический слом, ужасы тюремного дна отняли солнечную палитру у кумира салонов, принца Красоты, носившего цветок подсолнечника в петлице, сменили структурой духовной. Если раньше эстет резал лохмотья на нищем, чтобы те выглядели изысканно, то теперь поэт видит страдания другого, содрогается за него, может быть, лунно влюбленный в преступного конно-гвардейца.

Не только тюремное заточение сломало поэта, но и злорадно отшатнувшаяся толпа, боготворившая раньше его — законодателя вкусов и идола, толпа — она всегда толпа и жаждет падения кумира. Да так ли велик был грех поэта, так ли аморален среди дивизий этих убогих моралистов? Так ли уж преступен был Уайльд или собрат его по лунному влечению, Чайковский, каждая нота которого чище и небеснее морали всех его судей?

Инстинкт толпы — растоптать, оплевать свой идеал, чаще это происходит по отношению к художникам — находит разные причины. Другая толпа, в другие времена, по другим тезисам — грязно-политическим — клеймила, прорабатывала и ломала Заболоцкого и Пастернака. Иные тюрьмы ожидали их, одного — лагеря, другого — внутреннее заточение, но результат сломанной музыки был тот же. Прочитайте позднего Заболоцкого. Разве можно узнать автора сочных, мажорно-гротескных, красочных, буйных, сюрреалистичных «Столбцов»? Но простота и пронзительная духовная аскеза формы та же, что и у автора Рэдингской баллады. И происхождение то же. Присутствие страдания и Бога, увиденного сквозь решетку. Метафизика страдания.

Вместо гомеричности — интонация-вздых:

Два крыла как два огромных горя ...

Сколько надо пережить, чтобы так вздохнуть — по людям, по стране, по своим сломанным крыльям...

Толпа радуется: поэт пришел от головолломности к

общедоступной красоте, но какой ценой, личной ломкой костей и души достигнуто это!

Вернемся к британскому эстету.

В своих пьесах Уайльд предстает блистательным ироничным рисовальщиком. Ровно сто лет назад, в 1891 году, вышел великий роман поэта «Портрет Дориана Грея». Задумаемся над совпадением дат.

Без книги этой, без магической метафоры ее сюжета нельзя представить мировую культуру. Дело не только в литературном влиянии, ну, например, на есенинского «Черного человека». Поэт ищет корень красоты и порока, их взаимосвязь. Сюжет этот прочитывается в судьбах не только отдельных людей, но и наций, но и общественных формаций. Прекрасный юноша, изображенный на волшебном портрете, становится растлителем, подонком, убийцей. Его внешность остается чистой и прекрасной, «дивной молодости и красоты». Преступления отпечатываются на портрете. Портрет превращается в отвратительного, развратного старика. Дориан бросается с ножом на изображение. И погибает сам, превратившись в отвратного мертвеца.

Не наше ли общество, погрязшее в преступлениях, изображало себя вечно молодым и прекрасным? Не уничтожение ли лживого портрета убило оригинал, не открылось ли ныне взору отвратительное лицо преступного трупа? А контакты с «аномальным» миром?

Опасны не только озонные дыры, пробиваемые нами, — вон они уже над Москвой!

Тонкий жизненный покров отделяет нас от «аномального подполья», темных бездн. Преступление убивает не только жертву, «преступивший» как бы пробивает слой и сам становится дырой, сквозь которую, сжигая его самого, в мир рвутся темные лучи. Такова судьба Макбета, Фауста, героя «Шагреновой кожи», Дориана Грея, гибель многих «темных» экстрасенсов. Выигрывая тактически от сделки с аномальной силой, человек проигрывает «стратегически», вступивший в контакт с нею — обречен. Таковы выводы сегодняшней научной магии.

ГРЕХ УНЫНИЯ

Я исповедуюсь в грехе уныния.
В людской пустыне я
в краю Кучума, сняв глаукому,
читаю колычевскую икону.
И проступает из беспредела
идея белого Переделкина.

«В реестре Ада,— слова извилисты,—
есть грех Уныния, есть грех Гневливости».
Кредит последний в душе отшаривая,
я исповедуюсь в грехе отчаяния.
Несут нас кони. Всадники в коме.
Читайте колычевские иконы!

Среди крушения, в котором ныне мы,
не искушай меня, грех уныния!
Постылой вилкой из алюминия
изыдь, уныние!
Изыдь, уныние, дорогой длинною.
Изыдь от изгороди с малиною,
где смотрит женщина оперу мыльную,
не искушай ее, грех уныния!

Жизнь не убила, она уныла.
В ней зацветают пруды уринные.
От бухт Японии и до Румынии
спаси нас, Господи, в стране Унынии!
Куда нас ангелы ведут в глуши,
умалишенные малыши?

Неужто будет святой с винтовкой?
Что закодировано в Итоге?
«Молитва-действие». Читаю слово
переделкинского святого.
В лесах Сибири бреду тропюю
переделкинскою, святою.
Кивнут лиловыми мне флакончиками
колычевские колокольчики.
И сладко ангелы поют в тиши —
умалишенные малыши.

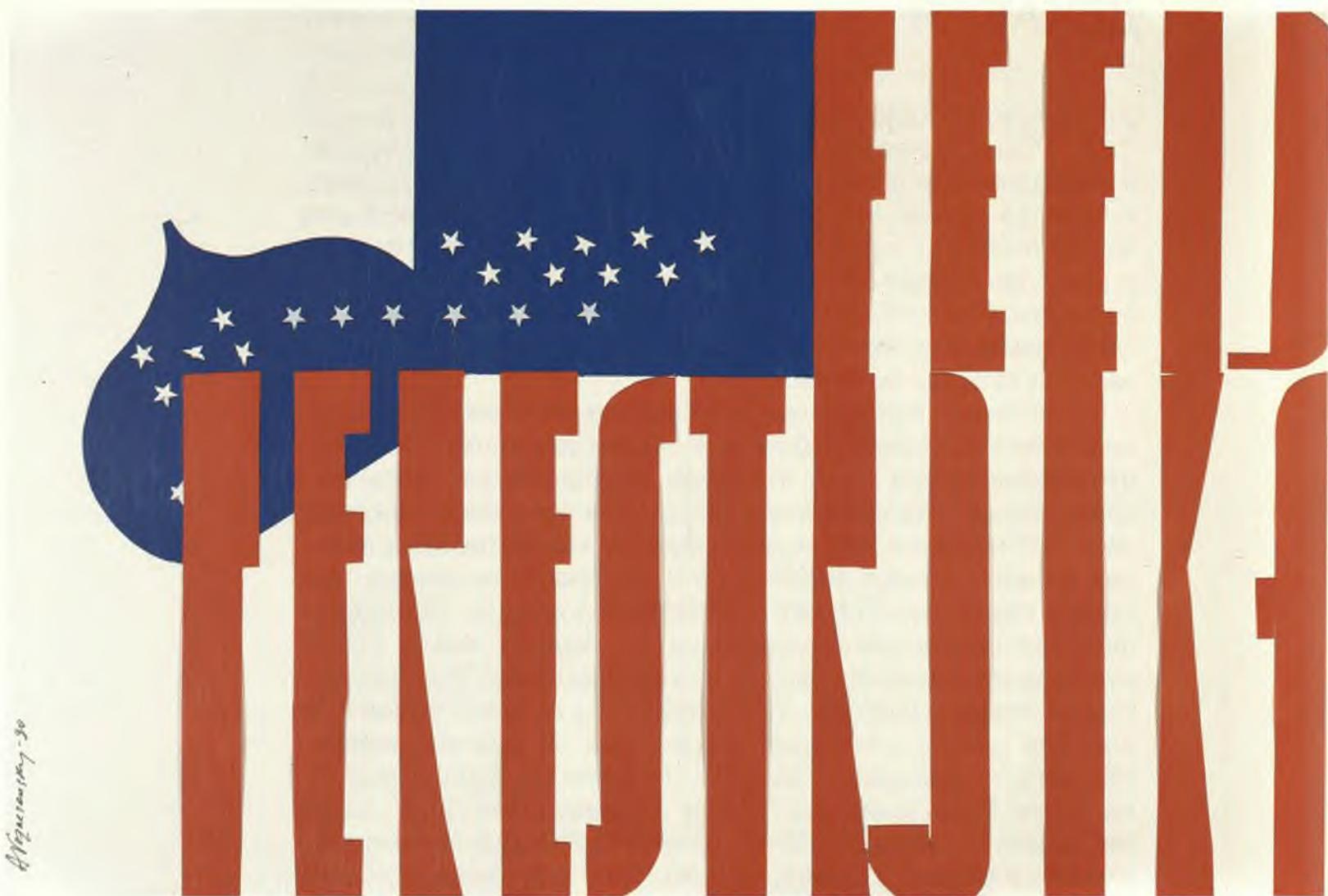
ВИДЕОМ ДЕКАБРЯ

Этот видеом посвящен пище не духовной, а земной.

Ровно год назад, будучи в декабрьской Филадельфии, я нарисовал этот плакат, призывающий помочь нашей стране, и написал письмо к американцам. Не скрою, нелегко было написать все это, неловко было просить милостыню для своей страны. Но передо мною стояли измученные глаза женщин в очередях. И что стоили мои интеллигентские моральные терзания перед тем, что хотя бы один ребенок или одна старуха заснули хоть раз сытыми?

В письме я рассказал, что Система уничтожила лучших крестьянских хозяев, что развал — цена за демократизацию, что номенклатура хочет голодного недовольства, чтобы вызвать взрыв и гражданскую войну, что предстоит тяжелая зима... Я надеялся, что, подкрепившись, хозяйство наше встанет на ноги, начнет кормить себя, да просто надеялся, что людям полегчает. Плакат я нарисовал с натуры. Филадельфийская православная церковка св. Андрея имела синий купол со звездами на нем, как и луковицы нашей Троице-Сергиевой лавры. Церковку ту в конце века возвели строители корабля «Варяг», который сооружался на местной верфи. Неужели — зародилась мысль — знаменитая филадельфийка Бетси Росс, сшившая первый американский флаг, была мистически, экстрасенсорно связана со звездно-синими русскими куполами? Правда, на небогатой церковной луковке Нового Света звезды имелись лишь на внешнем лицевом боку. На тыльные звезды внутренней стороны золота пожертвователей не хватило.

Журнал «Тайм» напечатал письмо и плакат в своем рождественском номере на первой полосе с взволнованным комментарием главного редактора, как и потом видеом «1992». Влиятельный «Тайм» читают многие — призыв возымел резонанс. Я говорил с представителями благотворительных организаций. Помощь пошла. Но где она, эта помощь?

Плакат для журнала «Тайм». 1991 г.
Poster for "Time-magazine".

МУЗЫ И ВЕДЬМЫ ВЕКА

А началось все с того, что редакция журнала, памятуя новогоднюю обложку, заказала мне видеом на мартовский номер.

Замысел моего видеома был прост и благороден — поместить на обложку настоящее макияжное двойное раскладное зеркальце в форме восьмерки, чтобы каждая читательница могла подправить перед ним под праздник свои губы и бровки, а то и судьбу подглядеть. «Свет мой зеркальце, скажи...» Хоть, на мой взгляд, в этом совковом празднике 8 Марта есть некий оттенок, что «женщина тоже человек», но все-таки это повод дать улыбнуться среди их трудной жизни, поздравить еще раз наших Прекрасных дам, милых леди, мужественных муз.

Я обегал все коммерческие ларьки, всех знакомых. Наконец, гардеробщица, странно взглянув, добыла мне откуда-то старинное фамильное круглое золотое зеркальце с перламутровой крышкой. Полиграфия наша еще не доросла до воспроизводства реального зеркала на обложках, поэтому пришлось делать слайд. И тут нам с Г. В. Копосовым, колдуном фотодела, пришлось порядком попотеть. Чертово зеркальце не давалось фотографироваться. То фокус наводился на оправу, а отражение прелестных губ, оптически увеличенных, оказывалось в тумане, то, наоборот, губы и родинка в глубине обретали резкость, а оправка и — что главное! — продовольственные и водочные талоны расплывались в нереальность. А то вдруг, к нашему ужасу, с зеркального доньшка появлялись лица моих и Копосова знакомых дам, которых никак не могло быть в комнате во время съемки. Появлялись лица и совершенно незнакомые.

Зеркальце оказалось спиритическим.

Я ставлю зеркальце под углом и называю имена. При имени «Ходасевич» золотая оправка вспыхивает, и в верхнем медальоне появляется смуглое миндальное недоумение Бер-

Обложка для журнала «Огонек». 1992 г.
A cover design for Ogonyok Weekly, March 8, 1992. Gouache, vodka
and butter rationing coupons.

Of March is marked in this country as Women's Day.

беровой. В нижнем начинает пудриться чья-то незнакомая заплаканная щека. «Пикассо» — вспоминаю я. И сразу в верхнем овале беззвучно дрогнули некрашенные губы Жаклин Пикассо, а в нижнем, как разбитое зеркало, проступили осколки ее лица, после того как она разнесла себе череп выстрелом из пистолета. «Мандельштам» — шепчу я, и в зеркальце язвительная улыбка фавна на губах Надежды Яковлевны светлеет при виде варешек, которые я привозил ей из Америки от Ольги Андреевой... И едва я подумал о Пастернаке, как два лица, некогда виденные мною, возникают в двух овалах.

В верхнем я узнал ренуаровский подбородок, черную челку, надутые губки бантиком З. Н., его ангела дома, уклада, который так необходим художнику. Она одевалась в черный бархат, курила крепкие папиросы, решительно родила ему сына, спасала, считая, что сохранность поэта важнее всей мировой славы. Созданный ею уют «Большой дачи» ныне стал музеем. Своим сознанием школьника я пытался понять в ней женщину, которая вдохновила «Второе рождение», разгадать — чем она победила прежнюю, «художницы робкой, как сон, крутолобость»? Да она и не побеждала. Просто она была другое зеркальце.

Вторая, нижняя оправа озаряется белокурым чувственным светом. Это вторая жизнь поэта, его тайная страсть. О., шаровая молния волос, заряд, как сейчас сказали бы, положительного биополя, без которого невозможно поэту.

После того как он смущенно познакомил меня с ней, я стал реже бывать на «Большой даче», пунцовея при встречах с Зинаидой Николаевной. Как и все вокруг «О», я был влюблен в нее. В ней были богема быта, безоглядность риска, за что она и расплатилась лагерем. Но все «грехи» ее искуплены стихами из романа, озаренными ею.

Литературная общественность не принимала ее, считая «авантюристкой». Да и З. Н. с трудом переносили за суровость нрава. Увы, поэт выбрал именно этих муз. Такие ему были нужны. Они оставили свои зеркальные мемуары. Воспоминания З. Н., давно подготовленные к печати М. Фейнберг и

Memorial for L. Berustein. 1991.

57
Somewhere
from "West Side Story"

BRUNO

LET
BEAK T

© 1957, 1971, by Leonard Bernstein and Stephen Sondheim
International Copyright Secured
Printed in the U. S. A.

Е. Пастернаком, все не выйдут у нас. Воспоминания О. с медальоном на обложке вышли, но в Париже. Там есть уникальный рассказ о том, как Сталин позвал к себе Есенина, Маяковского и Пастернака и беседовал с ними.

Трудна судьба муз в России. Людская молва не любит их, видно, ревнуя к своим кумирам. «Нас на бабу променял». Есть целая литература, разоблачающая Наталью Николаевну Гончарову,— и «близорукая», и «холодная красавица». Но поэты пренебрегают советами потомков. Они выбрали своих муз сами. И завещали нам защищать их.

Ныне в столетних юбилеях гениев века мы невзначай забываем об их музах. Женщина рождает стихотворение, поэт только крестит его духовно. Наши музы в отличие от муз прошлых столетий имели дело не с эолами и мотыльками, они противостояли дьявольской Системе, в одиночку направляя и спасая поэта. Мне довелось застать на земле нескольких великих муз наших столетников. И рядом с ними, как второе зеркальце, сияло — у одной божественный миг, у другой год, у третьей — целая посвященная жизнь. Положим к их молодым фотографиям нечетное число тюльпанов. Они живы. В верхнем зеркальце снимает грим после спектакля Айседора Дункан, из нижнего подмигивает усталая Ванесса Редгрейв, только что сыгравшая ее. «Есенин и Айседора» стал гвоздем сезона сегодняшней лондонской сцены. Тема пьесы — некоммуникабельность музы и поэта. Ванесса (Айседора) говорит на сцене только по-английски, Есенин (О. Меньшиков из театра Моссовета) отвечает ей только по-русски. «Ощенила сука» — хрипит в тоске поэт, «Oh, dog, sorry» — вздыхает иноязычная Ванесса. И пудрится. Удавишься!

А кто сказал, что искусство вдохновляет лишь хор херувимов? Есть музы дионисийского, а есть серафического начала. И пусть молва осуждает их, считает ведьмами. Ведь именно ведьмой и была муза Мастера — Маргарита.

Вся эмиграция точно знает, например, что Мария Васильевна, супруга А. Д. Синявского,— ведьма. Многие сами видели, как она покупала метлу в шопинге. Но Андрей Донато-

вич имеет другие доказательства: что у нее ангельский характер, что она — Муза.

А уж кто был чемпионкой среди ведьм, согласно информации просвещенной толпы,— это, конечно, Лиля Брик, «пиковая дама советской поэзии», она и «убивица», и «черная дыра». Муза — это святая ведьма.

Зеркальце вспыхивает мстительным огоньком. Впервые увидел я ЛЮБ на моем вечере в Малом зале ЦДЛ. В черной треугольной шали она сидела в первом ряду. Видно, в свое время оглохнув от Маяковского, она плохо слышала и всегда садилась в первый ряд. Пристальное лицо ее было закинута вверх, крашенные красной охрой волосы гладко зачесаны, сильно заштукатуренные белилами и румянами щеки, тонко прорисованные ноздри и широко намалеванные прямо на коже брови походили на китайскую маску из театра кукол, но озарялись божественно молодыми глазами.

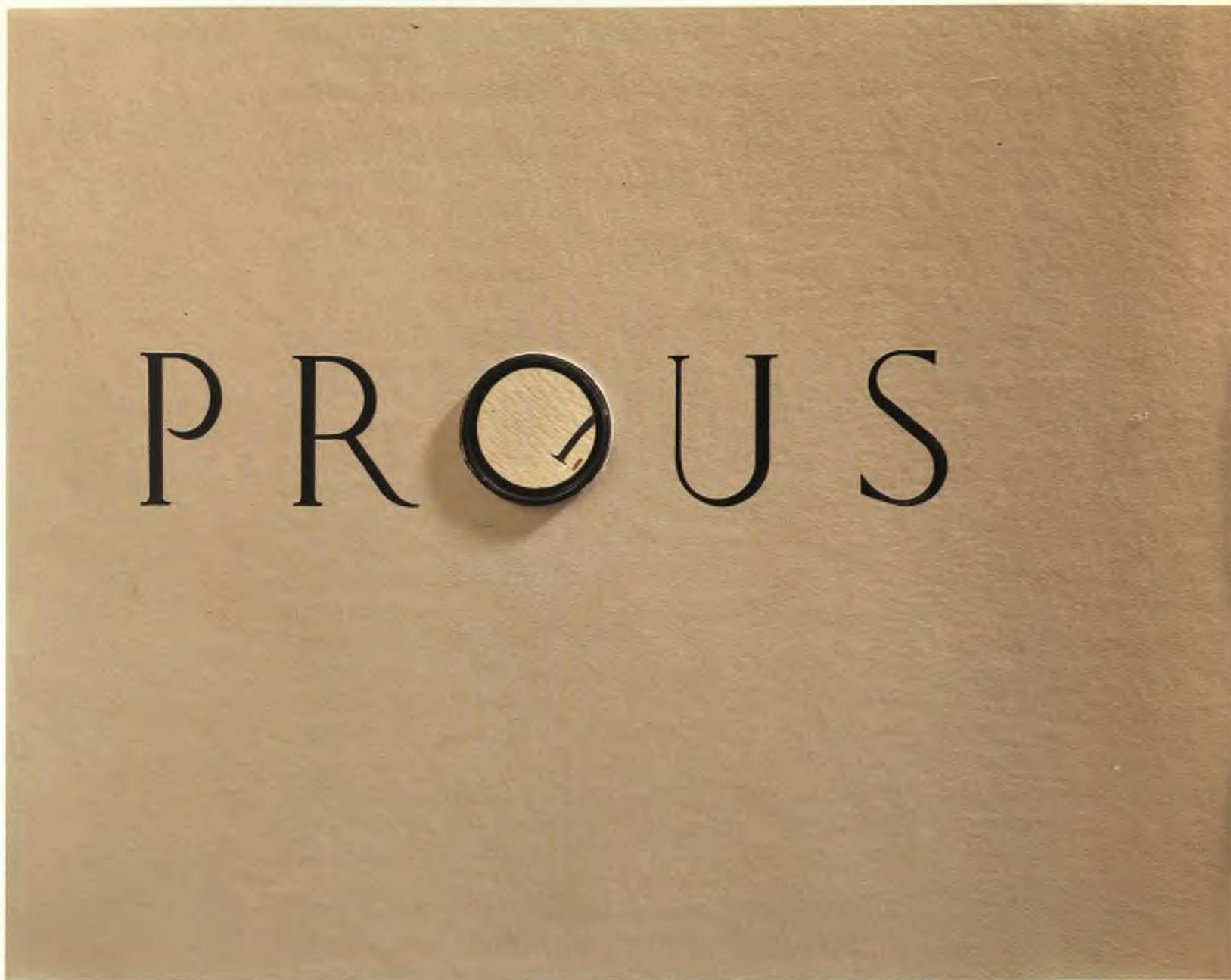
И до сих пор я ощущаю магнетизм ее, ауру, которая гипнотизировала Пастернака и битюговых Бурлюков. Но тогда я позорно сбежал, сославшись на усталость от выступления.

После выхода «Треугольной груши» она позвонила мне. Я стал бывать в ее салоне. Искусство салона забыто ныне, его заменили «парти» и «тусовки». На карий ее свет собирались Слуцкий, Глазков, Соснора, Плисецкая, Щедрин, Зархи, Плучеки, прилетал Арагон. У нее был уникальный талант вкуса, она была камертоном нескольких поколений поэтов. Ты шел в ее салон не галстук показать, а читать свое новое, волнуясь — примет или не примет?

О своей сопернице, «белой красавице» Татьяне Яковлевой, которую прочили в музы Маяковскому наши партийные чины в противовес «неарийской» Лиле, ЛЮБ отзывалась спортивно.

Была ли она святой? Отнюдь! Дионисийка. Порой в ней поблескивала аномальная искра того, «что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья». Именно за это и любил ее самоубийца. Об их «амур труа» написаны исследования.

Коллаж из засохших цветов сделан гениальным

Пруст — картон, увеличительное стекло. 1991 г.
M. Proust. Cardboard, magnifying glass. (fragment).

T

EMP

IM

Параджановым. Судьба его была тяжелейшая. Он провел годы в тюрьме. Я послал ему туда книжку стихов «Витражных дел мастер», и в ответ мастер прислал мне этот коллаж, где живые листья и из проволочной сетки цветов, в тюрьме из ничего он создал эту красоту. Он был очень современен и мечтал поставить «Кармен». Первый кадр он видел так: огромный широкий экран, крупным планом лежит голая Кармен. Камера отходит, к ней приближается Хозе и... чихает. «Почему?» — спрашиваю его. «А Кармен работала на табачной фабрике».

После ора на меня Хрущева телефон мой надолго смолк, но ЛЮБ позвонила сразу, не распространялась, боясь прослушки, но позвала приехать. В глазах ее были беспокойство и участие.

Исторический ор в Кремле случился именно 8 марта. Почувствуйте, что пережили наши музы тогда! Взгляните на фрагмент моего видеона в золотой раме, посвященного этому событию. Это кадры кинохроники, понятно, вырезанные тогда из фильма. Поднятый надо мной кулак Генсека очень уж напоминал жест руки, которая тянется к ручке туалетного бачка, чтобы спустить воду... Трудно было раздобыть спусковой механизм на цепочке тех лет. И сейчас патриархальный премьер вызывает не гнев, а добрую улыбку.

ЛЮБ и в смерти последовала за своим поэтом — она покончила самоубийством. Завещала развеять ее прах над переделкинским полем. Я видел ее последнее письмо. Это душераздирающая графика текста. Казалось, я глядел диаграмму смерти. Сначала ровный гимназический ясный почерк пишет о любви к Васе, Васеньке — В. А. Катаняну, ее последней прощальной любви, — просит прощения за то, что покидает его сама. Потом буквы поползли, поплыли. Снотворное начало действовать. Рука пытается вывести «нембутал», чтобы объяснить способ, которым она уходит из жизни. Первые буквы «Н», «Е», «М» еще можно распознать, а дальше плывут бессвязные каракули и обрывается линия — расставание с жизнью, смыслом, словами — туман небытия.

Зеркальце, поднесенное к ее губам, не запотело.

А другое, заокеанское зеркальце Маяковского?

В верхней оправе свет другого полушария озаряет удлиненное лицо и тонкие дегустирующие губы аристократки. С Татьяной Яковлевой судьба свела меня таким же образом, как и с ЛЮБ,— она пришла на мой вечер в Колумбийский университет одновременно с Керенским. Высокая, статная, европейски образованная, осененная былой кристальной красотой, Татьяна уверенно вела свой нью-йоркский салон, соеди-

С. Параджанов. Коллаж гербария
и металлической сетки. 1978 г.

S. Parajanov. Collage of dried herbs and wirenet.

няя в нем американскую элиту с наследными Романовыми. Читать у нее было трудно не только из-за присутствия великих теней, но и из-за смешанной — англоязычной и русской аудитории.

Она была музой серафического образца. В последние годы завсегдатаями в ее доме стали И. Бродский и М. Барышников. Мои ноги разъезжались, находясь одновременно в салонах двух полушарий.

Заболоцкий. 1991 г.

Poet Zabolotsky, prisoner of GULAG. The Russian letters stand for the Central Committee of CPSU.

OVO

На другом снимке вы видите ее на презентации книги-гиганта «Ностальгия по настоящему», которую мы автолитографически сотворили в соавторстве с известным художником Алексом Либерманом, супругом Татьяны. Случайно в кадр не попал стоящий за колонной А. Гинсберг.

Тут я отвлекусь, чтобы ответить на письмо Елены Марголиной, поклонницы Гинсберга, Борроуза и Керуака, присланное по поводу видеома «БИТНИКИ». Я передал Ваше приглашение Аллену. Думаю, Вас порадует, что, пожалуй, самым значительным событием сегодняшнего Нью-Йорка стал фильм «Голый завтрак» по книге У. Борроуза. Дело не только в сегодняшней мировой моде на «шестидесятников», не только житие любимых поэтов. Эта лента — антиголлиудский шедевр, американское интеллектуальное кино европейского плана.

Герой фильма, животное-механическая муза — пишущая машинка, похожая на «ИТ». Она бисексуальна, у нее роман с героем фильма, под ее чавкающую диктовку герой-писатель убивает свою жену. Но когда вы, Елена, увидите кадр, где идущий на иглу Борроуз равнодушно взирает, как Керуак овладевает его супругой, а Аллен в это время сидит на их кровати и ритмично декламирует свой «Вой», знайте, что это лишь возмутительная фантазия режиссера.

Вернемся к нашим берегам. Российские музы стоят сейчас среди снегопада, зажигают тонкую свечку от свечи в Переделкине, добывают с боем треугольные сливки, проскакивают на красный, досадуя на неотоваренные талоны, зажмурясь над пропастью гибельной страны, балдеют в дискотеках — наши аполитичные, насмешливые, героические музы — носительницы любви, именно от них зависит ход поэзии XXI века!

Отвозя эту рукопись в редакцию, я разговорился с таксисткой. Бывалая, цыганистая, назовем ее Марина, она отважно травила: «Везла я тут профессора по пересадке. Попросила: пересади мне груди за спину, чтобы всем удобнее держаться было, когда обнимают, а на жопу — уши.— Это зачем? — Чтобы опасность чують».

Ремарк. 1991 г.
Е.-М. Remarque.

ПРОЩАНИЕ С ХХ ВЕКОМ!

Прощание с ХХ веком. 1992 г.
Farewell to The Twentieth Century.

МОСКВА

Как найти в Москве СКВ?
How do you find Hard Cwrrency in Moscow?

Ну и таксистка! Как она дословно совпала с не читанным никогда ею интервью Сальвадора Дали, где мэтр предлагал дамам носить груди на лопатках!

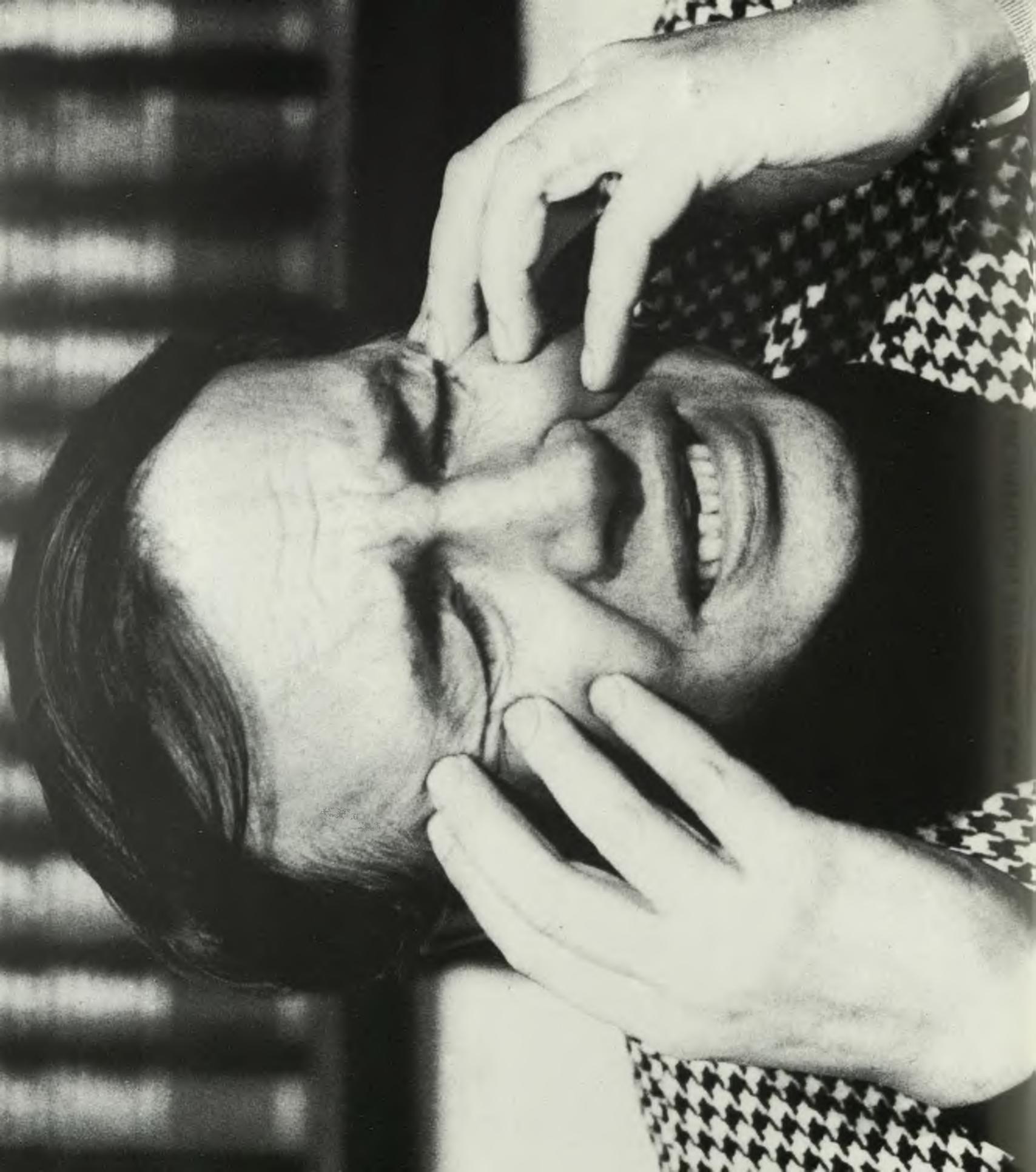
Слово за слово, оставив народный сюр, поглядывая на ментов в смотровое зеркальце, она поведала мне свою пронзительную исповедь. Многие годы она была музой талантливого, входящего ныне в известность поэта. В рассказе была достоевщина, кровь и такая боль, тревога за него, такое женское самозабвенье — ее, а не только его ранимость. И я понял, откуда в его стихах тоска быта, отважная незащищенность и зов неземного. «У поэтов тонкая психика, они живут в иллюзорном», — вздохнула она. Потом читала его тонкие ранние стихи. Ее лицо озарилось. Я увидел Музу. Или на нее падали отсветы от дорожного зеркальца?..

«Еще чашечку кофе?» Сидящая ню. Сумерки. Тонированная бумага. Кофейные зерна. 1992 г.

Sitting Nude Twilight "How about another cup of coffee?"

REHIBO

ХРОНИКА ИЗ ЖИЗНИ НОЛИКОВ И КРЕСТИКОВ

ПРОЛОГ

+ + +

Летели две палки. Одна — на Север, другая — на Запад. На асфальте их тени совместились — получился крестик.

- Палки, не разлетайтесь, пожалуйста, а то я исчезну!
- Извини, крестик, нам пора.

+ + +

Микроскоп открыл мир из микробов. Дисплей открыл, что мир состоит из крестиков.

+ + +

Шел крестик по дорожке.

Видит, толпа крестиков на ветке.

- Вы районное совещание крестиков?
- Нет, мы — сирень.

Загрустил крестик. Только развел руками. Пошел дальше.

+ + +

Идет видит — черные крестики встали друг на друга, гимнастическую фигуру составляют.

- Физкульт-привет, миру — мир! Можно, я с вами встану на минутку?
 - Пожалуйста! Мы — тюремная решетка. Присоединяйтесь.
 - Извините, я тороплюсь.
- Он только развел руками.

+ + +

Я чувствую, как кто-то передвигает меня. Иногда я даже ощущаю тепло движущей руки.

+ + +

Нолик проглотил Сатурн и все его не переварит.

+ + +

— Сколько стоит картошка?

- 7 руб.
- Когда к власти придет нолик, будет стоить 70.
- А если придет второй, будет стоить 700.

+ + +

Когда к власти придет крестик, он перечеркнет все достижения.

+ + +

Но мы забыли рассказать, что случилось с нашим крестиком за минувший год. Крестик развелся. От его брака с ноликом остались две дочери и сын. Вылитые родители. Особенно в профиль.

Старшая была зонтик. Она работала в уличном кафе зонтиком, а летом на пляже и после закрытия опускала юбочку. Младшая работала так же вазочкой для мороженого. В нее помещалась порция из четырех ноликов. В анкете дочки писали: «полукрестики-полунолики».

Сынок выходил на бульвар с заточенной спицей. Когда он протыкал спицей прохожих, те становились крестиками.

+ + +

Мимо проехал Большой крестик в «Волге». Неумещающийся кончик торчал как антеннка над крышей.

+ + +

Когда «Волгу» отобрали, Большой стал ездить на троллейбусе. Кончик загибался над крышей, как дуга. Искрило.

+ + +

Цены росли. К ним, как очередь, пристраивались нолики. Крестик все больше худел, нолик округлялся.

+ + +

Нолики катались на роликах. Крестик на одной ноге крутился по ледяному полю, расставив руки. Делал фуэте.

+ + +

Когда делили Черноморский флот, нолик предложил разделить якорь на крестик и полнолика. Разрубили. Корабли унесло к берегам Турции.

+ + +

О вечный бой двух начал! Структура мира состоит из крестиков и ноликов. Остальное — видимость. Есть и смешанные особи.

+ + +

Теннисная ракетка --- это нолик, стянутый сеткой крестиков. Нет нолика без крестиков. Кролики — это крестики плюс нолики. Уши — от крестика, хвост — от нолика.

+ + +

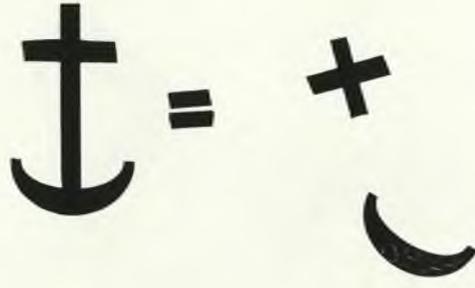
Зарплату выдавали одними нулями. Лифтер получил 0 руб. 00 коп., инженер 00 руб. 00 коп., главный инженер 000 руб. 00 коп., председатель — во гребет! — 0000 руб. 00 коп. Далеко пресловутым абсурдистам до нашей действительности.

+ + +

Диоген жил в нолике.

+ + +

Когда крестик работал бурильщиком, он добурился до центра земного притяжения. Вытащил центр из земли, как нерв из зуба. Система распалась. Земля распалась. Все

разлетелось в стороны, децентрализовалось. По камням скакал опустевший обезумевший экватор. Потом центр вернули, но не совсем на то место. Крестика наградили, но перевели диктором на ТВ.

СТРАСТЬ КРЕСТИКА

Когда крестик стал вести программу ТВ, он разделил собой экран на четыре части. Новинка! Он представлял одновременно четыре программы.

На левом его плече шли танки. На постаменте правого шли выборы мисс Таз—92. Под правой мышкой по 2-му каналу рвался к микрофону депутат, похожий на певца Мамонova из группы «Муки Му». Под левой мышкой митинговала партия сексменьшинств. Требовали передачи им Мавзолея.

+ + +

Вдруг правое плечо тяжело, как весы, поехало вниз. Танки взвились вверх, как по горной местности. Прицеленный депутат запел.

Как пушинку оттеснив плачущую мисс Экстаз—90, на постамент взошла Изольда Мешалкина.

+ + +

Восхищение! Хулахуп застрял на ней, как экватор. Незъяснимая печаль пространств охватила души.

Страна опустела. Остановились заводы, операционные, ракетеры, Полярный круг оттаял — все залезли в телевизор.

Нырни навек и не вынырни, москомсомольская мисс Бюст—92! Рейтинг Мешалкиной недосыгаем.

«МИСС ТАЗ МИР СПАСЕТ ОТ МЕТАСТАЗ» (ТАСС).

Правое плечо перекаливалось.

+ + +

Наутро крестик заболел. Все четыре градусника, воткнутые в него, пылали. Нижний лопнул.

Госпитализировали. Покрыли простыней. Раскаленные его кончики прокалывали простыню, как кладбищенская ограда в снегу.

Врач сказала: «Растяжение плеча». Профессор сказал: «Да он же влюблен!» «В Мешалкину, — сказала нянечка. — Все по ящику видели».

+ + +

«He!» — сказала Мешалкина. Несмотря на ее влажный прононс, это не утешало.

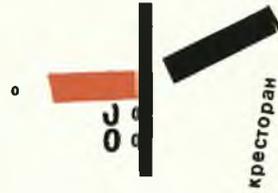
+ + +

Крестик пробовал повеситься, но веревка соскальзывала с его безголовой шейки. «He!»

+ + +

Он встретил Ее в лифте. Поблуднел. Вырвал себя из себя и преподнес, как лилию.

«He!» — сказала Мешалкина.

+ + +

В другой раз он еще более побледнел. Вывернул себя и подал Ей, как квадратный платочек с четырьмя заглаженными складками.

Мешалкина высморкалась в него.

+ + +

«Погляди на себя, они тощих не уважают», — сказал нолик и укатился.

Крестик купил гантели. Вступил в секцию «бодибилдеров». Накачивался в подвале. Через месяц он округлился, как туз трэф.

«Не!» — сказала Мешалкина.

+ + +

«Им валюты надо», — посоветовал нолик.

Завербовался в космос. Работал стрелкой компаса. Но где в космосе Север? Где Юг? Его сократили.

+ + +

— Бабы — они военных уважают.

Крестик пошел в армию. Никак ему не удавалось выполнить команду: «Смирно! Руки по швам!» Он все разводил руками. Обломали. Через 2 года Мешалкина ему ответила.
«Не!..»

+ + +

— Ты потанцевал бы...

Юные ленинцы плясали тяжелый рок, подняв два пальца, как перевернутое «Л». Крестик вошел в круг. Станцевал лезгинку. Потом вприсядку, выбрасывая в сторону руки.
«Не!» — сказала в нос Мешалкина.

+ + +

— Да ты послушай, как она, бедная, в нос произносит! Она всегда простужена. Ей профессионально поддувает. Подари ей колготки. Размер XXL (экстра-экстра ладж).

Ни одна отечественная фабрика не выпускала такого размера.

Вся страна стремилась улететь куда-то. Наверно, за колготками размера «S», «M», «L», «XL»...

Крестик улетел в Америку.

КРЕСТИК В АМЕРИКЕ

+ + +

Крестик улетел в Америку.

В Аэрофлоте билетов не было на десять лет вперед. Виз тоже. Запись на угон самолетов шла за полгода.

+ + +
ТОГДА ОН ПЕРЕДАЛ СЕБЯ ПО ФАКСУ.
+ + +

...случалось ли вам, читатель, перемещаться по факсу, чувствуя, как некая серафическая сила разъяла вас на точки — а вдруг не перегруппирует обратно?! — случилось ли вам нестись в иных измерениях, где «я» → «не я», нестись, холодея от ужаса, среди скорости мысли, запятых, обезумевших хромосом духа — не так ли и ты, Америка, как буйная, неудержимая факса, несешься, с гулом летят над тобой мос...

+ + +

— Ты?

Очнулся на 109-м этаже. Голубые продолговатые нолики в алой оправе усталились на него.

— Опять факс-заяц?!

Лакированный ноготь сощелкнул его с листа, как козявку, в окно. Падая, он слышал обрывок телефонной беседы:

«Хэлло! Оль слушает. Простите, я тут отвлеклась. ВСЕ ОК. Вот только наш 17-й нолик опять забеременел. Да, дистанционно. Наверное, от крестика из Гонконга.

+ + +

Под ним, мигая, приближались горящие перпендикуляры авеню и стритов.

О, Нью-Йорк, Нью-Йорк, мировая столица крестиков.

+ + +

Приземлился, как котенок, на четвереньки.

— Скажите, как пройти к Блюмингдэйлу?

— 6/42 → 5/44 → 4/64 → и вот вы уже на 3/64 → L/64!...

Не город, а кроссворд какой-то, мечта сумасшедшего шахматиста, партия Фишера. Ньюйоркцы, дети квадратов, мыслят ходом коня. Они и не знают, что уже играют в Рэндзю.

+ + +

По Центральному парку трусцой бежали тысячи крестиков — белые, черные, желтые, голубые, в безрукавках и шортах. Были среди них и нолики. Дети сверкали серебряными проволочками над зубами.

Крестик разделся и присоединился к цепочке. «Нюдисты нынче в моде», — сказали, обгоняя его, голубые очки. За ней на песке дорожки оставались крестообразные птичьи следы.

«Да она еще и птичка!» — подумал он.

+ + +

L/64! В витрине Блюмингдэйла пылала тыща швейцарских крестовых красных ножей. А мы-то думали, что у нас единственный!

Они шевелили лезвиями, лупами, антеннами. Из одного торчала черная швабра для прочистки трубки или унитаза. Он был похож на пурпурного вестминстерского гвардейца в мохнатой шапке.

+ + +

Соседнее стекло сверкало бриллиантами. В каждом прятались, ломались лучевые крестики. «Освободи нас, — молили, — разбей витрину!»

+ + +

Но нигде не было колготок XXL.

Проходя супермаркетом первого этажа, проголодавшись, он схватил со стенда сосиску и съел. Никто не заметил. Но на выходе — ой! — неоплаченная сосиска завылала внутри него сигналом сирены.

+ + +

Воя желудком, он побегал по Лексингтон. Погоня! За ним, тоже воя, неслись ноли полицейских «мерседесов» и мотоциклов. Аллюр 5 крестов!

+ + +

**ВСЕМ СЛУЖБАМ! НЕОПОЗНАННЫЙ ИКС ПЕРЕДВИГАЕТСЯ ПО ЛЕКС
ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ — ОБЪЕКТ ЧЕТЫРЕХПАЛЫЙ, ВЕРОЯТНО НЛО ЛИК.**

+ + +

На углу 42-й он применил одесский прием. «Брызнули в стороны, бля! Свинт на крыше Рок-хазы!» — крикнул своим палкам на непонятном преследователям языке и распался. Одна нога полетела на Север, другая — на Юг, врассыпную!

Сосиска тем временем спустилась в нижнюю ногу. Воя, неслась на Запад.

+ + +

«Бля» — это «леди по-советски», — перевел в мегафон черный оmonoвец. За убегающими палками неслись, как тени, черные дубинки и нолики наручников.

+ + +

**ИНТЕРПОЛ И МВД ВЗВОЛНОВАНЫ УЧАСТИВШИМИСЯ БЕЗВИЗОВЫМИ
ПЕРЕМЕЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН ПО ФАКСУ.**

+ + +

На крыше Рокфеллеровского центра встретились. Трое взлетели на лифтах. Ждали четвертую, которая с воем карабкалась по пожарной. Соединились. Свинтились. Оглянулись на все четыре стороны.

Над крышей в небе стоял желтый вертолет, винтообразно превращающий крестики в нолики.

+ + +

Но почему толпа с тротуаров и все кинокамеры глядят на крышу. И почему к крыше привязан трос, тянущийся к Эмпайр Билдинг? Видно, какой-то канатоходец собирается поставить рекорд Гиннеса?

+ + +

Наш крестик опередил рекордсмена. Апокалиптически воя внутри, он прошел, балансируя руками, над небоскребной пропастью, прошел над затаившими дыхание квадратами Нью-Йорка коронным ходом офицера или королевы!

+ + +

ВИЖУ Х ИДУ НА Х

+ + +

Ура! Наш герой уже на Эмпайр Билдинг. Аплодисменты! Крестик протянул всем руки.

Тут на него надели наручники.

+ + +

Ножницы — это крестик с кольцами наручников.

+ + +

Крестика посадили на электрический стул. К правой руке подсоединили плюсовую клемму, к левой подвели отрицательную.

Когда к его «плюсу» подключили «минус», он весь наполнился радостной энергией. По жилам побежал ток. «Еще! Ну, еще подбавьте току», — молил он электриков. Когда подвели «плюс», крестик ничего не чувствовал.

+ + +

Пинок! Его выбросили на улицу.

+ + +

Жильем не обеспечили. Советский божж привык и не к такому. Он складывал себя в тире, как складной зонтик, и спал на лавочке. Под лавочкой, свернувшись калачиком, спал нолик.

+ + +

Над собой в небе он считал звездочки. «Сегодня я в четырехзвездочном отеле ночью», — подумал и сладко заснул.

+ + +

Ему снились клеверные поля, где крестики, перелетая с цветка на цветок, погружают хоботок до предела и торчат вверх вибрирующими антеннками.

+ + +

Крестик первым открыл Америку. Он сидел на мачте.

+ + +

Говорят, что крестик сбросил бомбу на Хиросиму.

+ + +

Ему снился родной безразмерный окоем, неизъяснимая печаль пространств.

+ + +

Подшли две белые бестийки:

— Крестик, вынь из себя один из шприцев. Зачем тебе четыре? Поделись с товарищем.

Не трожьте человека, когда из его вены торчит кончик крестика.

+ + +

Иногда он залезал с ногами в дорожный пустой круг знака «стоянка запрещена», и знак превращался в «остановка запрещена». Глядя на спящий крестик в кружочке, машины, опустив ресницы, катили мимо.

В осеннем воздухе, как паутинки, носились узелки памяти. Кто завязал их? О чем они?

Порой сквозь чужое окно он видел экран ТВ.

Шварцкопф с Саддамом играли по клеточкам в «кораблики».

В это время их охранники, засучив рукава, мерялись силой, уперев сдвинутые локти на полированном столе. Они отражались в столе загорелыми крестовинами.

Он много глядел в небо. Из факса облака строились сообщения дождей. Из факса газонов в небо поднимались сообщения паров.

Самолет сначала был крестиком. Постепенно превратился в минус ракеты.

Однажды приснилась мама. Он плохо помнил ее. Тогда ему было года четыре. Она спала. Он нарисовал на ее левой половинке попки крестик, начал рисовать и на правой. Но едва начертил (-), как произошло короткое замыкание. Больше он никогда ее не видел.

Мимо катили нолики, первые миллионеры из совков. Они гребли зелень совковой лопатой. Эмблемами их «мерседесам» служили крестики с отпиленной ногой.

Наступили холода. Из факса облаков полетели на землю сообщения белых крестиков.

«Метель лепила на стекле кружки и стрелы».

Он заметил, что американцы замыкают квартиры на наборные ключи и их скважины имеют крестообразные сечения.

Так он стал проникать в пустые квартиры.

В одной спальне на тумбочке лежали голубые очки в алой оправе. На стуле джинсы «Леви-Стросс». В углу шелестел ФАКС. «Макинтош». Под дверь ванной вели просыхающие птичьи следы.

Так вот как ты живешь!

Он ждал. Буквы и цифры из ФАКСа рассаживались на майках. Куда бы факснуться, пока хозяйка моется? Стопкой лежали телефонные книги.

Он открыл наугад телефонный справочник «Петроград». Видно, новый. Значит, город только что переименовали. Какие перемены без него. Вот телефон какого-то Юсупова Ф. Набрал.

Очнулся в бороде Распутина. Старец почесался. Поймал. Прижал ногтем. «Ща мы тебя!»
Раздался выстрел. Потом еще. Пальцы разжались.

В панике он крутанул ручку телефона. В кабинете сидел вождь и курил труп.

Черные сапоги были скрещены под черным углом усов.

Закурив новый труп, он стряхнул крестика в пепел: «Фактически тебя нет»,
Фактически нет, но фактически...

— Кто это растягивал мои колготки?! Как вы смели!

Оль выпорхнула из ванной. — Ах, это опять вы, факс-заяц! Я так и думала. Не
глядите на мои ноги! Вы думаете, если я без халата, то так уж беззащитна. Подайте мне
газовый баллончик. Считайте, что я за ширмой.

Она вытянула перед собой горизонтально на уровне плеч поясok от халата. И
выглядывала из-за него, как из-за ширмы. Ничего, я плохо вижу. Что уставились?
Подотрите пол вокруг меня. Ой! Ну, нельзя же так, сразу. Ее нолик округлился от
удивления. Ой! ± —; о! — +хo++ ой о милый о... ой да у тебя их четыре... Я тебя по
всем факсам ищу. Все оказывались не ты. Пошли в ванную.

— А что это у тебя за кружок над левым локтем?

— В нашей стране врачи всех детей метят минусом. Потом этот минус воспаляется
в нолик. Это на всю жизнь.

А ты и правда из крестиков. Пока мы любил друг друга, сотни крохотных крестиков
высунулись из твоей щеки и подбородка. Ровные, как новобранцы. Целые полчища. Все
колются.

— Ща мы их под ноль сбреем!

На стене фото нолика. Муж? Нет, это моя мама. Мы все из нее вылупились. Ах ты, моя
птичка.

В коридоре висела шведская стенка из ее прошлых любовников. Ах, какие это были
крестики когда-то!

Я читала, что русские между любовью говорят про ГЭС. Расскажи мне про ГЭС...

СТАЛИНУРИСТАСОВПИСЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ

+ + +
Когда он утром чистил зубы ее щеткой, зубастая перекладинка его белела из зеркала, как шлагбаум.

+ + +
Он остался жить у нее. Помогал по хозяйству. Служил ей четырехлопастным ножом в мясорубке. Когда ее не было, путешествовал по факсу. Макинтош был ему по размеру.

+ + +
В кухне на сушке вертикально сохли нолики. «Не хотим в кофемолку!» — кричали черные нолики. Крестики сочувствовали, но перемалывали их. Белые нолики не хотели работать рисовой кашей.

+ + +
Ему нравилось в этой стране.

У стены стояла круглая ванная. «Джакузи» называется — последняя американская мечта! Едва он лег в эту ванную, как из бортов забила струя. Крестик завертелся. Голова закружилась. Он превратился в нолика. Джакузи превратилась в Мешалкину.

Просыхая на бельевой веревке, он услышал Олин голос: «Джакузи ваш русский нолик избрел. „Мы вам покажем джакузькину мать!“ — кричал ваш нолик в шляпе».

+ + +

Однажды из факса высочил чужой крестик. Ах, да это мальтиец! Выставил шпагу из нашего. Но проколотый насквозь нырнул в вечность факса.

+ + +

Ах, факс — Стикс XX века...

+ + +

Как-то он попал за кулисы к Мадонне. Суперзвезда молилась перед выходом на сцену. На черные кожаные брюки в обтяжку был надет бабушкин розовый пояс с четырьмя подвязками. Тупые полицейские пытались запретить ей мастурбировать на сцене. Народ скандировал: «По-дон-ки!», «Да здравствует Мадонна — Макдоналдс культуры!»..

+ + +

Оль выкрасила его верхний хохолок зеленой. Так он стал панком. Бритоголовые нолики били его.

+ + +

Порой они путешествовали вместе.

— Давай наберем Кремль, пообедаем?

— Знаешь, советские компьютеры крепко пьющие. Впустить-то впустят. А вот выпустить... Тогда слетаем к Факсимиле.

+ + +

Ездили к морю. Когда крестик катался на одной водной лыже, Оль плыла к нему, как спасательный круг.

+ + +

Но иногда она казалась ему похоронным венком. Он выходил на балкон, прислонялся к

перилам и глядел, взгляд его огибал землю, как дуга у старинного глобуса. Его тянула печаль пространств. Антеннка вибрировала.

Все его мысли были о доме: «Вдруг расстреляют?»

+ + +

— Милый, в прошлом году я была в Москве. Меня возили в автобусе в Троицкий монастырь.
— В Троицкий посад?

— Да, да, в Троицкий фасад. Тогда у вас был зимний праздник. Русские красят нолики в разные цвета. Красные, золотые, голубые! Я влюбилась в алые нолики на снегу.

+ + +

А почему вы всех своих лидеров ругаете? «Stalinobad, Leninobad». И этот плох, и тот «bad».

+ + +

ОБЪЕКТ ТРИЖДЫ ЖЕНАТ ПЯТЬ РАЗ РАЗВЕДЕН ЖИВЕТ НЕПРОПИСАН ПО ФАКСУ (212)
461208 СООБЩАЕТ НОЛИК.

+ + +

В этом году Америка страдает от эпидемии клещей. Клещ по-английски «тик». А может, это нашестие клещтиков?

+ + +

А ты, совок — ОК!..

+ + +

- НОЛИК ПРОНИК В НЬЮ-ЙОРК РАЗРУШИТЬ КРЕСТООБРАЗНУЮ СИСТЕМУ УЛИЦ И
ЗАМЕНИТЬ ЕЕ НА КОЛЬЦЕОБРАЗНУЮ -

+ + +

Когда он брился в ванной, из зеркала параллельно ему появился другой крестик, словно переплет второй зимней рамы двойного окна. В Нью-Йорке нет двойных рам, нет переплетов. Он вспомнил вторые зимние рамы своей родины. И заплакал.

Когда намылился кремом, второе окно покрылось белым, морозным узором. Он еще горше заплакал. Антеннка, куда ты завела?

+ + +

Ах, Россия, пройдешься по улице — изо всех окон на тебя выглядывают крестики. Америка к прохожему равнодушна — ни один крестик не выглянет из беспереплетных окон...

+ + +

± — ... o!! — + x0 + 1

+ + +

Кольца на оконных палках разинули рты от изумления, выпустили из зубов шторы. Шторы упали. Наступил день.

+ + +

Но однажды она забыла закрыть в ванной пробку. И его унесло с водой. Крестик и нолик, дежурившие в отверстии, зазевались и упустили гостя.

+ + +

Какая темень! Как мерзко и холодно нестись в потоке мыла, твоих запоздалых слез,

обескураженных хромосом, холерных палочек! Прощай, милая, абсолютный салют!

+ + +

Как-то в преисподней он встретил одинокую воющую сосиску.

+ + +

ОБЪЕКТ ПРОНИК В ПОДЗЕМНЫЕ КОММУНИКАЦИИ. ПЛЫВУ ПО СЛЕДУ — НОЛИК.

+ + +

Безнадежно носясь по inferнальным кишкам великого города, на стенке одной из труб он заметил проржавевшее пятно. Проколов ржавчину, он нырнул туда, попал в слой сырой штукатурки, процарапал дырку в том, что оказалось потолком, и весь белый, как призрак, от прилипших белил свалился в какой-то огромный подвал.

+ + +

Судя по сломанному мольберту, это была мастерская художника. Видно, тот разбогател и съехал. В углу валялся моток советской черной изоляционной ленты. Видно, художник был русский.

Сначала крестик заклеил лентой дырку за собой, чтобы подвал не затопило.

+ + +

Советская мазутная лента не чета безликому скотчу. Если у вас протерлись выходные вечерние брюки — заклейте черной изолентой.

Если в город приезжает Предсовмина, а проспект не заасфальтирован, протяните ленту вместо шоссе. Получите орден.

Если у вас свадьба и нет селедки, нарежьте ленту тонкими ломтиками и наклейте по центру на селедочницу. Вокруг декорируйте кружками моркови и лука по вкусу.

+ + +

Дверь подвала была закрыта снаружи. Окна не было. ФАКСА не было. Оставалось ждать.

+ + +

В эти недели ожидания он и создал свои ставшие потом знаменитыми картины из изоленты. Он лепил ленту на белые известковые стены. Получались автопортреты, скрещение судеб, тени XX века.

Как-то, еще живя в России, он видел эмблему рубрики «XX век в лицах» в газете «Известь». Художник нарисовал цель времен, ее разорванные звенья, в них крестик становился ноликом. Это смысл бытия.

В подвале на стенах он продолжал рисовать автопортреты, ибо он и был связующим элементом мира. Другого мира пока никто не создал.

Исследователи найдут много толкований Изоленте, но никто не знал, что в его изображениях присутствовала тоска по Изольде и прощание с ней.

Вскоре Изолента кончилась.

+ + +

Он почти ослеп и побледнел от темноты.

Вдруг дверь распахнулась. Ввалилась толпа репортеров, поклонников и сам художник, владелец подвала: «Вот в этой дыре я начинал!»

Тут все заметили картины на стенах.

«Шедевры! Почему вы от нас их скрывали, маэстро?»

Художник потупился, но не отрицал. Шквал восторга!

Крестика никто не заметил. Он улизнул в открытую дверь. Воля дорожке славы и авторства.

+ + +

К ней он не вернулся. Пошла ты крест-накрест! Абсолютный салют.

+ + +

ОБЪЕКТ ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ К СОХО ЦЕЛЬ НЕ ЯСНА — НОЛИК.

+ + +

Слонясь бездомный, как-то на уличной афише он узнал свой изопортрет. Зашел на выставку в Сохо.

Растолкал локтями толпу ноликов и пробился к картинам. Он был так грязен и плохо одет, что его принимали за миллионера. Как из зеркала, со стен на него глянули его отражения.

«Я знаю автора!» — блеснув в толпе, голубые нолики округлились от возмущения и восторга. Ах, ты тоже наткнулась на афишу и прикатила. «Я знаю — это Крестик рисовал. Вот его отпечаток на стене»... «Ой!» — сказала Оль. Оказывается, крестик нечаянно уколол ее. «Да вот он и сам. Явился. Запылился. Сравните!»

Эксперты сравнили.

— Да, это он!

Такое началось! Все кинулись к картинам.

Крестик протянул ей руку. В суматохе они выбежали на улицу.

+ + +

Он обнял ее за округлые плечи. Вон они идут по солнечной стороне Грин-стрит!..

Слившиеся крестик и нолик — собственно, ничего больше и не существует на свете. Хеппи-энд?

+ + +

«He!» — прогремел с небес до боли знакомый глас. Х...энд.

Все потемнело. Заслонив тазом солнце, с парашютом на них с небес

спускалась

Изольда Мешалкина.

Она была одета в тельняшку десантницы. Юбка-варенка, греза Рижского рынка, служила ей куполом. Колготок она, видно, так и не достала. Из нее угрожающе сыпались листовки, которые относилось в прерии и пампасы. Как бы она ни укололась о шпиль Эмпайр Билдинг!

+ + +

— He! — Изольда бросилась на Оль.

Та увернулась. Эмпайр покосился от промахнувшегося удара. Возник пожар в

лифтах. Новый разбег. Оль подсекла ее подножкой. Пробила до метрополитена — и снова в бой!

Изольда протянула к Оль свои справедливые руки. Двойной Нельсон. Оль применила «Леди Гамильтон». Но поздно!! Вот она уже не дышит в мощных славянских объятиях.

— Не...

...ненаглядная! — Изольда вlepила в ее испуганный нолик засосный поцелуй.

— Я люблю тебя. Давай дружить странами. Сыр. Дружба! Уимен либ. Махнемся колготками. Окажи мне гуманитарную помощь!

Полосы тельняшки покраснели от радости как полосы американского флага.

— «Долой стереотип врага!», «Да здравствует стереотип друга!», «Счастье — вне колготок», «Сыр Дружба» — это кружатся счастливые листовки.

Шурша по опавшим листочкам, две женщины уходят, взявшись за руки.

Оль + ИЗОЛЬДА = НАВЕКИ

Оль и Изольда уходят за горизонт. Их уже не видно. А крестик? О нем забыли?!

+ + +

Крестик опять остался один.

ДОКЛАД

Крестики везде! Мы нолики, должны быть бдительны. Учитесь распознавать.

Почему «Аргументы и факты» рассылаются неразрезанными?

Разверните, и вы увидите большой крестик, образованный из сгибов. Ежедневно тридцать миллионов крестиков проникают в наши квартиры.

Лучшая организация ноликов — танковая гусеница или БТР. Но не дай Бог, если за рулем окажется крестик.

Врага можно распознать по тому, как он шнурует кроссовки. В шнуровке таятся крестики, по четыре на каждой ноге. А что означает само слово «кроссовки»? «Кросс» — в переводе означает «крестик». Все вместе значит: «крестики — совки». Это оскорбляет Строй.

А футбольный матч? Вы видели, как крестики избивают ногами нолика?! (Если поймают.)

По телевизору при свете прожекторов под каждым из так называемых игроков видны темные крестообразные лучи. Вы думаете, это играют люди? Это крестики играют между собой.

Мне, например, вчера крестик шину проколот.

Помню Буденного. Два воина держали его за концы усов. Маршал

перекувыркивался через усы, как через перекладину. Вот это был крестик! Но когда крутился, становился ноликом.

+ + +

Мы помним, как тюремная решетка создавалась из крестиков. Мы считали, что она распадётся опять на крестики. Ан, нет! Она так срослась, что распалась кое-где на квадратики.

Квадратики низколобы, замкнуты, хорошо упакованы. С ними не поиграешь в Рэндзю. Они повторяют квадраты холодильников и телевизоров.

Я в детстве ловил крестиков и отрывал им крылышки и ноги.

Ловите крестиков и ноликов и распрямляйте их в прямую линию.

Душа имеет форму нолика. Поймайте человека. Утопите. На гладкой поверхности воды появится нолик.

ПОЛТЕРГЕЙСТИКИ

+ + +

Факс на Москву был перегружен. Грузили электронику, чемоданы с колготками, «Тойоты». Крестик прикинулся металлическими уголками на чемодане. Когда в Шереметьеве соскочил с чемодана, чемодан развалился.

+ + +

Пока он отсутствовал, все захватили нолики. На перекрестках полок лежали нолики, нолики были в карманах и головах сограждан, шланги на бензоколонках были завязаны в форме ноликов.

+ + +

Крестик основал партию поперечников. Он всегда имел перпендикулярное мнение.

Когда участники митинга прижимались к металлическим ограждениям, поставленным милицией на уровне пояса, они становились крестиками.

Нолики кокард.

+ + +

Крестик пил чай с сушками. Связка сушек на бечевке — прогулка заключенных ноликов.

+ + +

Нолики и крестики постоянно пакостят друг другу, устраивают розыгрыши.

+ + +

На углу ул. Горького стояла «Чайка» с нулями. Крестик решил, что это туалет. Зашел. Когда вышел, его арестовали. С тех пор он не доверяет ноликам.

+ + +

Крестик сидел на стуле. Вошел начальник. Из ноликов, конечно. Сел на стул. Укололся. «Как бы СПИД не подхватить!» Крестика выгнали.

+ + +

Ну, как ударишь нолика? Кулак проваливается.

+ + +

Решетку расформировали. Демобилизованные только разводили руками.

+ + +

Сколько минусовой энергии в нашем доме! Когда крестик поселился за стенкой, предметы пошли двигаться. Такой полтергейстик начался! (—) — это полкрестика. Вот плюс и минус и образовали полторакрестик...

+ + +

Крестики и нолики, подписывайтесь на журнал «Ю»!

«Ю» — это полукрестик + нолик.

+ + +

— Но ведь антенка не только принимает передачи, но и может посылать твои звуки в эфир. Спой, крестик, не стыдись!

Так он стал певцом. Нолик записывал его. Тексты песен крестика мы опубликуем в след. выпуске.

+ + +

Нолики решили осудить крестика, пришить ему дело об оскорблении собой Креста. Пришли к Старцу. Старец глядел в телевизор мировой чемпионат по Рэндзю — древней игре в крестики-нолики. Он пристыдил доносчиков: «Разве шахматы унижают сан Королевы или честь офицера? Разве вы сами не пользуетесь знаком крестика, когда приплюсовываете барыши? Не кощунствуйте, малограмотные! Разве четырехлучевой крестик на лесном паучке похож на православный Крест с перекладиной о шести завершениях? Вы по-большевистски и компьютеры хотите запретить? Будьте патристами. Чем доносы писать — тренируйтесь! Организуйте Национальную сборную по Рэндзю, древней игре умных и благородных. А то японцы нас и тут обошли».

Нолики укатились.

+ + +

— Играть в эту Рэндзю? В размазную? Вот в резню — с удовольствием.

— Зюзю поигрывает в Рэндзю.

+ + +

Невидимые игроки Рэндзю двигали фишки. Мы, фишки, понимаем удачные или ошибочные ходы, но смысл игры нам неясен.

Но все вокруг обретает смысл — и таежные просеки, пересекающие трассы, и кольца рвов вокруг древних замков, и вошедшие в нашу жизнь круги стадионов, и Южный крест, занесенный от нас за горизонт невидимой рукой, — все имеет тайное движение и неясный смысл.

+ + +

Рэндзю, или Рэндзю (японск.) — означает также нанизывание жемчуга, цепь ассоциаций,

особый жанр средневековой японской поэзии и обозначается крестообразным иероглифом.

+ + +

Крестик победил Наполеона. Тот скрестил руки на груди. Наполеона давно уже нет, а крестик остался.

+ + +

Крестики и нолики в бескозырках и со скрещенными пулеметными лентами взорвали храм и построили бассейн.

+ + +

Нолик сидел в кресторане. Крестик нес ему над головой бутылку шампанского на подносе.

+ + +

Баба сидела на чайнике. Чайник рифмовал. Он писал в стол. Она подтирала.

+ + +

Нолик пришел на стадион.

— Вы в ложу прессы?

— Нет, у меня постоянный пропуск на табло.

Счет оставался ничейным, пока он не спустился в буфет.

+ + +

Белая «Чайка» мылась в ванной. Золотые зубы сняла и положила на умывальник. Крестик тогда дежурил решеткой в сливном отверстии. Его заткнули пробкой.

+ + +

Не ставьте цилиндр вверх дном! Согласно квантовой магии, находящемуся в нем человеку придется стоять вверх ногами.

+ + +

Пушкин стоял за Макдоналдсом. Чтобы скоротать вечность, он читал Хераскова. «Merde, — думал он, — какое г..!»

Шла приватизация. По нитратопестицидным полям шел крестик за лошадю. Лошадка роняла ароматные нолики с золотыми чешуйками овса.

«Говно, — в слезах от счастья изумился крестик, — какое говно!»

+ + +

«Ишь, зеленый, как доллар», — подумал на Пушкина деревянный нолик и покатился дальше.

+ + +

Пришла эпоха рыночных отношений. Крестик пошел работать весами на Черемушкинском рынке.

Они с ноликом основали СП. Вступили в клуб миллионеров. Собирались в отеле «Маджестик». Воду в отеле пускали на полчаса в сутки. Поэтому ванную наливали шампанским. Миллионы пузырчатых ноликов щекотали кожу, голубели на татуировках. Закусывали яичным мылом. Мокрые полотенца досуха высасывали гости Клуба.

Во время игры в гольф нолику приходилось трудно — в него закатывали мяч, считая за лунку.

Ели на джинсовой скатерти. Гофрированные нолики венчали бутылки с «Жигулевским». Печень трески на блюде имела дистанционное управление. У скатерти урчало в джинсовом животе.

Обсуждали кандидатуры. Нолик попал в десятку. Крестик вошел в сотню.

+ + +

Он вошел в Сотню. В купюре было просторно. Огляделся. Вошел в коричневый деревянный Кремль, прошел по деревянному настилу набережной.

Дерево отсырело. Все кишело белыми водяными знаками. Чтобы не подожгли, наверное. Текла деревянная вода. По ней, как луна, глыл водяной профиль.

Крестик прыгнул с моста. Поплыл брассом. Когда перешел на кроль, наблюдающий нолик решил, что он изображает фашистский знак.

Мокрого, его привели во дворец. В дубовом кабинете за столом восседало пресс-папье. Да это же его младшенькая дочка. Помните, что работала вазочкой в кафе?

Полнолика-полкрестика. Теперь она перевернулась ножкой вверх. Стала полнотела, полнолика. Промокала в офисе важные бумаги. Здравствуй!

Не глядя, она промокнула крестика.

Он впрессовался в купюру, стал частью системы, прослужил в ней, проходил по людям, рассмотрелся всякого, пока купюры не обменяли.

+ + +

— Здравствуйте, мы — пружинка.

— Вы сестры?

— Нет, мы жены.

— У нас один диаметр, одна судьба. Он любил нас, переходил с одной на другую. Потом раскрутился, оторвался и улетел в Америку.

Мы могли бы работать в баре винтовой лестницей.

+ + +

Крестика поймали, как муху, в кулак. Он вылез кончиком в щель между средним и указательным. «Кукиш!» — закричали. А он просто свободы хотел.

+ + +

Чтобы хоть как-то окрасить их жизнь, он пытался хотя бы рассместить их. Он перекувыркивался: «Разберите, где у меня верх, где низ? А где у нолика?» Шутки были дурацкие, но у кого-то в уголках глаз шурились крестики смешинок.

+ + +

На углу ул. Димитрова стоял каменный полкрестика, в вытянутом перед собой кулаке он сжимал за горлышко невидимую бутылку. Хотел открыть без штопора, ударом дна.

+ + +

Крестик предложит разделить Союз писателей под прямым углом на четыре части: Союз—1, Союз—2, Пен и Союз—5, который еще не сгорел на орбите.

«С одной стороны, Красный Крест и Полумесяц утрачивают изолированные отношения, включаясь в некоторую стереотипную синтагму, с другой стороны, рождается парадигма...»
(Ролан Барт «Воображение знака», с. 249.)

Барта он купил случайно. На обложке в овале была фотография пародиста А. Иванова, который при рассмотрении оказался Бартом. Бартячейки распространились по всей стране.

У одного в наушниках звучало: «надежды маленький, о крестик...»

+ + +

Она прыгала ласточкой со средней площадки вышки. Он с верхней площадки — солдатиком. С пляжа казалось, что траектории их на мгновение крестообразно пересекались.

+ + +

Крестик встретил молодую березку. Обнял ее и свел пальцы за ее спиной, окаменев от восторга. Получился крестовик. Перстенек с продольным камнем. О жизни крестовиком мы расскажем в следующем выпуске.

+ + +

За круглым крестовиком — «нолик сверху и четыре ножки снизу» — приятно посидеть в кафе.

РОДОСЛОВНАЯ КРЕСТИКОВ

+ + +

Человек произошел от обезьяны. От кого произошли крестики? Из человека. Если покойника посадить в землю (и полить), вырастает крестик.

Но многие считают, что они внеземного происхождения.

+ + +

Если все крестики возьмутся за руки и встанут в цепочку, то шеренга их протянется не только от Вильнюса до Таллинна, но даже от Углича до Чикаго.

+ + +

Если мы прочитаем родословную крестика от сегодняшнего дня назад, налево, то мы обнаружим там поэта Китса и остатки какого-то фейерверка. Видно, его прадедушка Фейер сгорел, от него осталось «ерк». Другие считают, что это имя «рек». А фундаменталисты прочитали не «Китс», а «скит» и прорабатывают версию, что предком был поэт «К.Р.», великий князь.

+ + +

Когда на крестиков были гонения, крестик купил тросточку. И прикинулся пятиконечной звездочкой.

Тетя крестика была балерина.

Она стояла на одной ноге на углу ул. Горького на крыше над магазином «Армения» и, подняв под прямым углом другую, делала фузте. Потом, наверно, устала, вышла замуж и уехала в Эривань.

— Извините, я тороплюсь.

Он только развел руками.

Мы потом расскажем, куда он спешит.

+ + +

Нолик хохотал до колик.

+ + +

Крестики чистят пестики.

+ + +

Пара ноликов — параноиков.

+ + +

Толик сказал на фейерверк «Крестики писают».

+ + +

Когда Сталин давал клятву Ленину, слова на его усах замерзали как белые крестики.

+ + +

Дед крестика был драгун. Казак разрубил его наискосок, пополам, на два прямых угла. Крестик сколотил из них раму для портрета.

+ + +

Крестика-собачку можно отличать по одному кончику, загнутому колечком вверх.

+ + +

На все четыре стороны разрывает сердце центробежная сила любви. Прежняя тянет, семья тянет, Кристина тянет, а пуще всех — Неизвестная.

Закон тянет, рэкет тянет, ОБХСС тянет, знакомые тянут — себя не хватает.

+ + +

Мы валялись, утопая в дюнном песке.

— Ой, что-то трет спину.

— Посмотри, это меридиан и параллель...

+ + +

Когда женщина дает ему советы, он затыкает себя с четырех сторон.

+ + +

Три крестика сверху и один снизу. Мельницы и Дон Кихот.

Дон Кихот победил мельницу. Построил АЭС. Крестиков прибавилось.

+ + +

Повстречался крестикам шарик. Он съел их. Он съел их так много, что они кололись, высовываясь из пуза. Звали его крыжовник.

— Вы муж или жена?

— Нет, я само воссоединение, я знак «плюс». Например, Джон + Дарья, Владлен

+ Пегги...

— Им — да, а вам — не положено.

Заплакал крестик. «Зачем же я полгода отмечался?»

Только развел руками.

+ + +

Крестик вместе с Лениным несбревно на субботнике. Потом к их шеренге приплюсовалось так много крестиков, что на карточке не умещалось. Потом все разбежались.

+ + +

Взяли крестика в армию. Строевым шагом у него отлично получалось. «Строевым, кругом — арш!» Взяли крестика в кремлевские курсанты.

+ + +

Крестик испугался СПИДа. Пошел в аптеку. Купил.

— А на какой кончик надевать?

— А вы читали басню «Мартышка и очки»? Примеряйте экспериментальным путем.

+ + +

Когда крестики выбрали министра водного хозяйства, он стоял на трибуне и показывал, растопырив руки: «Во какую рыбу ловить будем!»

+ + +

Пришла к крестик в гости женщина.

— Крестик, можно я на тебя кофточку повешу, только ты не двигайся, а то кофточку сомнешь.

Разделась. Легла. Подождала. Уснула.

Крестик до утра простоял, боялся пошевелиться.

+ + +

Когда крестики объявили забастовку, все тетради «в клеточку» стали — «в линейчку».

Мало того. Все ткани распались, и все люди на улице оказались голыми. Только на одной женщине осталась красная кожаная юбка. О чем она очень жалела.

+ + +

Один крестик может одновременно:

пожать руки сразу четырем избирателям,

или

снять четыре телефонные трубки,

или

снять две трубки и пожать руки двоим,

или

на приеме взять виски, шампанское, бутерброд с колбасой и сосиску,

или

указать народу одновременно четыре направления пути вперед.

+ + +
Как-то ехал крестик по ул. Горького на белой «Волге». Поднял глаза на тетю. Увидел — смутился.

Крестик покраснел.
Так произошла «Скорая помощь».

+ + +
Крестики очень любили картину «Бурлаки на Волге». Они так долго изображали ее, что получилась колючая проволока.

+ + +
Напился крестик, пришел домой на руках.
— Ты что, знак умножения?!

+ + +
Враги у крестика — нолики. Это ему бабушка говорила.
Не послушался крестик. Женился на нолике.
Получился оптический прицел.

+ + +
Когда жена бросила крестика и уехала в Сочи, он глядел вслед из оконной рамы и плакал.

+ + +
Крестики не умели ни читать, ни писать, но они любили подписывать приказы. Известны три романа и семь мемуаров, подписанных крестиками.

+ + +
Когда нолики окружили крестиков, двое оставшихся встали спинами друг к другу с автоматами наперевес.

+ + +
Интеллигентные крестики рождаются из ротиков. Дамы крестят ротик, когда зевают. Одна женщина в день может произвести до трехсот мелких крестиков.

+ + +
— Вы крестик справа налево или слева направо? Польский или русский? Если да, то мы вас расстреляем.

+ + +
Белые крестики забили гол. Обрадовались, прыгнули друг на друга — «куча мала», обнимаются, руками машут.

От радости к небу полетели.
Снежинка.

+ + +
Есть летучие крестики, у них шесть конечностей. За счет двух крыльев.
Фундаменталисты создали крест-эталон.

Если крестик чуть короче эталона, это — масон.

+ + +
Приехал Кестлер в Россию. На таможне его не изъяли.

— Я хотел бы в Суздаль.
 — Пожалуйста. Наверное, политический изолятор посмотреть?
 — Нет, я переводил стихи «В России живу меж снегов и святых». Розовой такой. Жена молодая.
 И «Первый лед» перевел. Миллионы кристаллических крестиков замерзли на окнах телефонной будки.

— Да не Кестлер! Это приехал Роберт Конквист. Мы с ним знакомы по Вашингтону. И «Первый лед» переводил. И «Большой террор» написал. А все остальное правильно.

Когда нолики победили крестиков, они положили пленных парами, в затылок друг к другу, в два ряда. Получилась железная дорога. По ней ездил нолики.

Потом крестики победили ноликов. Они гуляли по платформе, ездили на ноликах, выглядывая из окон вагонов. Железную дорогу они оставили себе.

ПРИСНИСЬ, РЕСНИЧКА

(сценарий)

Летел крестик по небу. Навстречу — ресничка.

— Давай жить вместе.

— Только чур ножкой не дрыгать. И не подмаргивать всем встречным.

Смотрите! Летит по небу пятипалый крестик сирени.

Как летали они! Она часто вздрагивала, влажнела — но это были слезы счастья.

Два раза во сне они слышали мелодию из «Крестного отца».

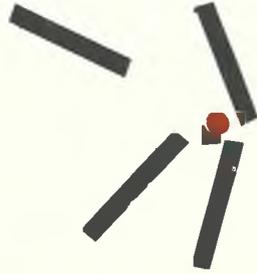
Она рассказывала ему свою жизнь. Как после школы пошла в пиьсмоноски. Как сорвалась, как падала, как, ее мелко-мелко перекрестив, кидали кому-то за пазуху.
 «К письму! К письму!» — и на зов ее летели крест-накрест клеенные синие конверты.

Он ревновал, но еще крепче срастался с ней.

Однажды он проснулся — нет реснички. Может, она в ванной?

Сликает избыточные слезы? Подождал — нет нигде. Слева болела ранка разрыва.

Журавли, вы не видели моей реснички? Кот на крыше, ты не видел реснички? Веник, ты не видел моей реснички?

Издали доносилось из «Крестного отца»,
Пошел крестик по стране.

+ + +

Он шел по городкам, которые кишели крестиками, как вязаные носки или муравейники, он шел по штопаным деревушкам, по полям, вышитым васильковыми крестиками, по нарядным толпам тротуаров, как шарфы «Адидас».

Он шел и только разводил руками.

«Выневиделимоейреснички?»

Но никто не знал о ресничке.

+ + +

Крестик пришел к Эрнсту Неизвестному. Скульптор разорвал ему грудь пополам, всунул нолик, а ноги закрутил плоскогубцами. И повесил его на стену в Ватикане.

— Ваши святейшества, я извиняюсь, но Вы не видели моей реснички?

+ + +

Крестик влетел в окно гостиной. Он запел, он взял самую высокую ноту. Он пел о ресничке. Люди бросились к нему, захопали в ладоши. Хлоп! Хлоп! «Малярный!»

«Аплодисменты опасны», — решил он. Полетел дальше.

+ + +

Крестик, как лунатик, залез на крышу. Там много крестиков стоит. Идет, руками балансирует. Навстречу влюбленный голубой кот.

— Крестик, я на тебе погадаю. Любит — не любит, плюнет — поцелует.

Оторвал руки-ноги. Осталась от крестика одна точка.

— Ничего, опять отрастешь. Зато ты помог другу.

+ + +

Пришел крестик к Ростроповичу.

— Маэстро, скажите, пожалуйста, почему я всю жизнь по пузу смычком вожу, а музыки не получается?

— А Вы пробовали натирать себя канифолью?

— Извиняюсь, кстати, авыневиделимоейреснички?

+ + +

На дубу сидели две черные «Волги». Хлопали дверцами, каркали.

— Крестик, иди к нам, будешь работать соединительной штангой на руле.

— Ну да, вы же обломаете мою четвертую ногу. Ведь вам для руля нужна трехлучевая перекладина. Извините, авыневиделимоейреснички?

— Кр! Кр! Жми по трассе до перекрестка, а там направо, в смысле налево, за ГАИ.

И засигналили ему вслед музыкальным клаксоном из «Крестного отца».

+ + +

Когда он очень тосковал, то вставал на перекрестке и играл на флейте. Из-за холма ему слабо отвечало эхо из «Крестного отца».

+ + +
 Джойс назвал женщину флейтой с тремя дырками. Крестик не считал. Балдел от музыки.
 + + +
 Крестика поймали. Завязали руки над головой. Сковали кисти рук и ног. Бросили на асфальт. Он пытался высвободиться, раздувал кольцеобразно локти и колени — и так до бесконечности.

Бесконечность — это скованный крестик.

+ + +
 В выпрезвителе крестик сломали руки и ноги. Загнули.

-- Мы докажем, что фашист!

Какой он фашист? Просто перебитый.

+ + +

После этого крестик стал икать. Он всю дорогу икал.

— Я крест-ик, — знакомился. — Вот те крест-ик...

+ + +

У подмосковного шоссе на постаменте стояли противотанковые ежи.

— Группенсекс крестиков, — сказал нолик. Он загрустил.

+ + +

Долго шел он. И он только разводил руками.

+ + +

В центре Вселенной возлежал Крестный Отец на красном складном швейцарском ноже. Под ним таились четыре лезвия из привилегированной стали, ножницы, крылья, пила, штопор, лупа и пинцет для ресниц.

В экстренных случаях КО вынимал из-под пурпурной полы отвертку для магнитофона (с крестообразным сечением), как корень воспроизводства.

Звучало из «Крестного отца».

+ + +

Если магнитофонную отвертку нашинковать мелко-мелко, то получатся отличные стальные крестики. Они годятся в пищу. Они не содержат пестицидов. Они сохраняются в организме человека 170 лет, не ржавея. И подают сигналы.

+ + +

КО возлежал и рассматривал в лупу ресничку, которая танцевала перед ним на хрустальном шаре, нет, на круглой слезе.

+ + +

-- Авыневи... Отдайте, пожалуйста, мою ресничку!

— А это еще кто? Крестьянка! Тоже мне сюрпринц! Мы уже давно завершили раскрестикование страны. Послать его на лесозаготовки.

+ + +

Привилегированные схватили. Последнее, что он видел, — ресничка поскользнулась и упала со слезы. Ее подняли щипчики для ресниц.

Вместе с ним миллионы крестиков пилили деревья. Крепчали морозы. Они превращались в кристаллы. 20 лет прошло. 20 зарубок оставил крестик на столбике.

Два раза видел, как в синем небе пролетал красный нож, растопырив лезвия.
Звучало из «Крестного отца».

Освободился. Пошел по стране. И только разводил руками.

КО возлежал на красном ноже. Перед ним плясала ресничка, окруженная хороводом из 18 дочерей. Ах, б...!

КО навел лугу на пришельца. Крестик почувствовал, что его руки гигантски стали расти, как лучи у прожектора или штанги у строительного крана. У него руки великана!

Бац! Это крестик ударил по красному ножу. Луна — вдребезги. Наш герой опять стал крохотным.

Сволочь! Ублюдук! Я лично раздавлю его. Посягнул на красную систему.

Поединок! Поединок! Сверкнули ножи, ножницы. Рев из «Крестного отца» в 100 децибелов. Все удары нашего крестика ломались о красную броню. Отсечены две конечности нашего героя. У КО есть коронный удар. Он ставит жертву к деревянной стенке, разбегается, выставляя главное лезвие, делает через голову мертвую петлю — и бьет насквозь, вбивая несчастного вместе с лезвием на ту сторону стенки.

Конец крестiku! Он вжат в стенку. Коронный!!!

Но что за голубая молния метнулась поперек броска?!

Ты, Гол, кот?! Ты заслонил собой товарища. Пол-лапы нету! Но удар ножа отклонился на каких-то два миллиметра. Крестик спасен. Нож по рукоять вошел в стенку, застрял.

Ресничка моя, что ты моргаешь мне? Понял! Собрав последние силы, крестик прыгает на пытающегося высвободиться КО и впиивается в его соединительный винт. Вывинчивает его! КО распадается на элементы.

— Ура! Мы всегда были за демократию и плюрализм! Тиран умер — да здравствует новый Крестный отец!

— Нет, друзья, я только крохотный крестик. Подойди, Гол, кот, обопрись на меня.

«Мы еще не квиты, — сказал Гол, кот. — Я тебе должен еще три лапы».

— Я только умею играть на флейте. Я отойду на минутку, успокоюсь. Я не крысолов, я крестик. Я сыграю вам и уйду.

— Возлюбленный, я была в плену, я всю жизнь любила только тебя. Я никогда ни с кем так не летала по небу, срстаясь в пятипалый цветок сирени.

— И я люблю тебя. Я только хотел, чтобы ты была счастлива. Я ни с кем так не летал, как с тобой, срастаясь в пятипалый цветок...

Он заиграл на своей флейте. Никогда я не слышал такой флейты. Когда звуки смолкли, все оглянулись, утирая слезы, и стали искать крестика.

Крестика нигде не было.

+ + +

Говорят, его видели в Ижевске. Иногда его флейту транслируют по радио.

+ + +

Когда крестик умер, его закопали в землю.

— А вдруг мы его вверх ногами закопали?

Выкопали, перевернули вверх ногами. Снова закопали.

— А вдруг мы его вверх ногами закопали?

Выкопали, перевернули вверх ногами. Снова закопали.

— А вдруг мы его вверх ногами закопали?

Выкопали, перевернули вверх ногами. Снова закопали.

— А вдруг мы его вверх ногами закопали? — Пусть живет!

КРЕСТОНОТЫ

+ + +

— Лягте на живот, расслабьтесь, ноги на уровне плеч. В вас вставят новогоднюю елку. Не двигайтесь. А то с нее крестики осыпаются.

+ + +

Бегут два крестика, взявшись за руки.

Навстречу четыре звездочки.

— Вы — коньяк?

— Нет, мы — четырехжды герой.

— Очень приятно.

+ + +

Крестики постоянны в любви. Крестик поднял возлюбленную на руки. И не знал, куда положить — все было недостойным ее. Так они и умерли — Она на руках у Него.

Крестик — памятник вечной любви.

+ + +

Крестик — это поза любви № 176 по хатха-йоге.

+ + +

Если раскрутить крестик пропеллером, получится нолик.

+ + +

В женщине начало начал. 0 — это не зеркало Венеры. Это поцелуй крестика и нолика.

Или Чарли Чаплина и, как заметил поэт, Великой Екатерины 0?

Казанский собор — крестовый паук архитектуры. В паутине проводов.

Если крестик в шляпе — значит, это огородное пугало.

Крестики любят играть в городки. Очень приятно, когда руки-ноги разлетаются.
Любимое их чтение — кроссворды.

Вы слышали — в лесу поют кресты?

Говорят, Керенский переодевался медсестрой. Нарисовал на лбу красный крестик. И убежал. Сам Александр Федорович отрицал мне это.

Говорят, он переоделся матросом. Надел нолик бескозырки. И убежал.
Но это тоже неправда. Почитайте Берберову.

— Крестик, где выход?
— Вон там!

Крестик встает из-за стола, показывая нам, что аудиенция окончена.

— Чемпион Икс переплыл Стикс.
— Крестик-с?

— Это все не поэзия, не проза — это бред какой-то!
Крестик только развел руками.

Крестикам разрешают выступать по телевизору. Но есть специальный редактор, который считает количество лучей у звезд на экране.
У кого шесть лучей — диверсанты.

Когда большой X кричал на крестика, он думал, что крестик — буква, а это был другой знак.

Летели два крестика навстречу друг другу. Встретились, схватились за обе руки — квадрат слиянья. Ногами болтают.

Ириска в целлофановом фантике?
+ + +

Полкрестика умеет делать «шпагат», верхняя половина на полу, нижняя — вниз головой.

УСТРИЧНЫЙ БАЛ

○ ○ ○

Вьюга, вьюга над нашим голодным городом, миллионы мятущихся крестиков — сплошная Варфоломеевская ночь!

○ ○ ○

В зале жар софитов. На концерте нолик взял самое верхнее «О-о-о!» Крестики повскакали с кресел. Объявили буфет. Все устремились к устрицам.

○ ○ ○

«Почему, — думал нолик, — спонсоры присылают нам небом эти сожмуренные веки моря, усладу римлян, а не сардельки, скажем?»

○ ○ ○

И над всем стоял гул опустевших поющих раковин, эхо влюбленных стонов, шепот волшебных кифар, III Рим, распадаясь, ловил позывные Рима дохристианского. Раковина Лужников была только створкой второй Галиполийского стадиона. Гул между ними наполнял и пространство и время. Вскроем черные ящики тайны!

○ ○ ○

60 000 замороженных ноликов на столах удлинненно лежали, женственно створки раскрыв.

○ ○ ○

Вскрывали консервными ножами, открывалками для пива, а то и об край стола. «Ишь, они на магнитках!» Были секретки. Пищали устрицы.

○ ○ ○

Вскрыли раковину. Из нее вылезла «Весна» Ботичелли. Съели.

○ ○ ○

Вустрицы — те же пельмени, но еще жестче на зуб. Тщательно пережевывали скорлупки! Не сглатывайте целиком.

○ ○ ○

Пара влюбленная в раковину залезла, словно босховский «Сад Услад». Створки дрожали ритмично. Ступней торчали две пары. Одна была в красных носках. Их тоже съели.

○ ○ ○

Она меня укусила! Ошпарила как медуза.

○ ○ ○

Писатели подоспели к столу прямо от жаркого боя. У одних скулы были накрест заклеены полосками пластыря. Синяк под глазом ноликов отличал. По загипсованной руке на белой привязи можно было узнать полкрестика.

○ ○ ○
Отвратный поэт, слев о страданы народа, дюжину доедал. Ешь, ешь, страдалец, они
абсорбируют химикал моря...

○ ○ ○
Парламентарии не уважают ТВ. Самый достойный из них во всех домах слизывал
телевизионные линзы. Видно, как «Вести» в печенке сидят у него.

○ ○ ○
Трибун стоял у стола в поддетом бронезилете. Скорлупки луца, как семечки, он зубы
сплевывал на пол, на тогу и в курчавые нолики бороды. Ах, устрицы, фряжские семечки!
Вернее, он был пол-Трибуна. Нижняя половина, скрытая под столом, уже без бронештанов,
еще не отделилась, но уже принадлежала Украине.

○ ○ ○
А рядом заглядывала белокурая вице-певица. С каждым глотком на шею ее появлялась
еще жемчужина. Южная половина ее тайно принадлежала демократии. Вилочкою-
трезубцем отделяя живые тельца, она ловко открывала хрящеобразные присоски,
которыми несчастные держались за раковины.

○ ○ ○
Вы глотаете вытекшие глаза Вечности, мадам!

○ ○ ○

«Устрицы страсти способствуют, — подкатывался Трибун. Тыфу, какая вкуснятина! Мы,
гуманисты, их не убиваем — мы их глотаем живьем. Помню, на флоте, — в Крыму, от римлян
остались колонии мидий».

○ ○ ○

Нолики считают, что крестик — индивидуалист. У него и в числителе единица, и в
знаменателе единица.

○ ○ ○

«Вот я и говорю, — соглашалась вице-певица. — Ой, стресс — продолжала она по-
английски. Я первый раз, я такая неопытная. Перед концертом обычно я яйца глотаю».

○ ○ ○

Нолик катился, как между урнами, между отделившимися нижними половинками. Как
запрограммировал Гоголь нас своим Носом! Головы, локти, пальцев фаланги суверенно
разгуливали по паркету.

○ ○ ○

С голодухи и устрицей осквернишься! Нолик давно не обедал. Он подкатился к беседующей
паре и привстал на цыпочки, рот восхищенно открыл. Вице-певица ласково глазом
стрельнула, капнув лимоном, вилкою ткнула в него. Она проглотила нолика.

○ ○ ○

«О-о-о!» Так глубоко не удавалось проникнуть ни одному отоларингологу. Он пролетел
мимо волшебного язычка, миновал серебряное горлышко. Он оказался в святая святых.

Видно, Сальвадор Дали уже побывал там когда-то — как он точно изобразил красно-темный внутренний мир дамы!

○ ○ ○

Нолик спустился вниз по экскалатору. Навстречу ему поднимались пузырьки шампанского, аромат кольцеобразного лука и темнота желаний. Переливались жемчужины любви. Нолика, Муза воспой! Ахиллесу такого не снилось...

○ ○ ○

Внутренняя жизнь насыщена. Он миновал митинг живых, ранее проглоченных моллюсков. Вот и переход.

○ ○ ○

В переходе торговали прессой. Газета «Попка Оля» — стала национальным достоянием.

○ ○ ○

Один крестик стоял с пустым лотком. Он продавал надежду. Подходили с целлофановыми мешками. Туго набивали. Отлетали, как на воздушных шарах.

○ ○ ○

Купите «Воздух СССР», запечатанный в консервные банки! Взят до декабря 1991 г.

○ ○ ○

Почем репродукция «Устрица нашей Родины?»

○ ○ ○

Бабу с яйцами затолкали.

○ ○ ○

Гознак выпустил никелированные нолики с золотой серединкой. Достоинством в 50 руб. Нолик нарезал крутое яйцо ломтиками. Объявил по 70 руб. Расхватали.

○ ○ ○

Другой нарезал ломтиками замороженную бутылку «Лимонной». Хорошо попить чай с лимонными дольками!

○ ○ ○

А третий, наоборот, прикрепил к ломтику лимона ремешок и продавал как золотые наручные часы. Время было кислым.

○ ○ ○

Нет поясам невинности! Приобретайте секретки для жен и Прекрасных дам!

○ ○ ○

Справа на прессу напирала пикетчики: «Долой клубниченку! Черниченку долой!» Слева подпирали: «Хотим клубниченку! Черниченку хотим!»

○ ○ ○

Пресса умирала на полу, как в больничном коридоре. «Цензуры бы», — стонали худеющие толстые журналы. Отвратный поэт торговал крестиками под названием «Аксиома». Ах, Сиона?!

○ ○ ○

Бабушка вынесла часы-луковицу и плачущую нитку жемчуга северных рек.

С вывески «Чебуреки» отвалилась буква «Ч». «Чего реки?» — не понял нолик. А может быть, это была контора по переброске рек?

○ ○ ○

— Или это валяются раскрывшиеся створки гробов, и покойники гуляют меж нами?

○ ○ ○

На лотках секс-шопа шевелились пневматические нолики.

○ ○ ○

На кафельном полу сидел товарищ и дул в раковину с надписью «Привет из Крыма», словно Тритон на мозаике «Триумф Амфитриты».

○ ○ ○

На бороздках раковин, словно на грампластинках, гул времен записался.

○ ○ ○

Конь-качалка стоял на полнолике. Всадники сменялись. Во время качки конь вздымался, как Медный всадник. Покачаться стоило жизнь.

○ ○ ○

Тут кто-то оценивающе взял нашего нолика за плечо: «Даю 500 деревянных!»

«500?! Никогда! Я не продаюсь!!» — завопил нолик.

○ ○ ○

«Что? Какие 500?! Разве я предлагал вам 500? — услышав, изумился снаружи Трибун. Я увезу вас в Усть-Рицу, дорогая».

○ ○ ○

«Ах, это я не вам. Это мой внутренний голос, — извинилась вице-певица. — А в Усть-Рицу первым классом?»

○ ○ ○

Чревоуцательница! Вокруг собиралась толпа. Трибун оттирал желаящих.

○ ○ ○

Нолик в испуге продолжал свое сентиментальное путешествие. В набитых коллегими вагонах он несся по Большому кольцу. Мелькали станции. Несясь прозрачными туннелями, он имел возможность оглядеть противоречивый внутренний мир певицы. Как цветная проводка, мелькали капилляры. Как много она заглотала!

Желудок Ее принадлежал Украине. Сердце с красными любовными зарубками, работающая локтями, бежало к центру. Сквозь сердце проходила трещина Империи. Печень тяготела к Джонни Уокеру, секс стремился к всеобщей демократии, мозги норовили утечь на Запад. Но почему-то никто не слал приглашения.

○ ○ ○

Пусто в желудке. Жуть! На сводах купола нацарапаны имена погибших узников. Дул промозглый ветер разочарования перестройкой. На стене висела красная схема разделки коровой туши. Москва была очерчена кружочком. Молдова была отмечена тремя крестиками.

○ ○ ○

Как слезы, бежали нолики, были еще живые. Пели о прошлой жизни.

○ ○ ○

Как там наверху жизнь без нас?

○ ○ ○

На потолке он заметил трещинку с точками по бокам. «Боже! И Ей тоже резали аппендицит», — ужаснулся нолик. «Ты моя раненая раковинка!» Он заплакал от жалости к женщине. Слезы капали на стены желудка.

«Видно, опять я переела соленого», — сказала снаружи вице-певица.

○ ○ ○

Сквозь завораживающую мелодию внутреннего голоса, снаружи, из-за стен желудка и иных стен, гулко и глухо доносились голоса прошлой жизни, простуженный мужской баритон и женский контральто, доносились обрывки светских речей, а дальше еще, из-за шатающихся стен роптал голодный город, гул катастроф, а за ним сперва неясно, но все отчетливей и неотвратимей вступал гул Судеб.

○ ○ ○

— С миром державным я был лишь ребячески связан. Устриц боялся...

○ ○ ○

— Вустрицы бывают разные — Белоны и Клэр. Белоны — плоские изумрудные аристократки. Они жили в устьях рек, устьяцы. Во Франции их классифицируют под номерами 00, 0, 1, 2.... Римляне занесли устричную науку на берега Бретани. Марены — гигантские, соленые от моря, идут под № 00. На Руси водились речные. С завороженым жемчугом...

— Колбаски бы...

— Пруст-устрица подознания. Прустрицы. Устмодернисты.

— Открываю футляр, а там две жемчужины.

— Читали, как «Огонек» разоблачил Мадонну? Оказывается, ее мать — нищенка на Савеловском вокзале. Вот из окна виден крестик с протянутой рукой.

— Для Запада все мы — страна нищих крестиков с протянутыми руками. А Запад для нас — нули в банке.

— \$ 25 000 000 000 : 315 000 000 = 80 долларов на рыло. Выдайте мне мои 80 зелененьких, и я пошел!

— Поэтому мы и не выиграли Зимнюю Олимпиаду. Все наши отечественные лыжные палки имеют на концах крестик в нолике. А на нынешних состязаниях нам дали палки без крестиков. Вот и результат. Ну, ничего, в Барселону мы со своими лыжами приедем.

— Трибун, Ваше сердце в броне. Дать Вам консервный нож?

— Veni, vidi, vici.

— Потом все Белоны заболели и вымерли. Наверно, после повышения цен на

нефть. Японцы стали искусственно выводить Клэров. Их раковины бугристы, цвета варенок. Устрицы содержат все ингредиенты.

○ ○ ○

Тут нолик вспомнил свое детство. Как его растили песчинкой в раковину. Как он рос в колонии, как ощутил себя жемчужиной. Как мечтал со сверстниками о будущем, присосавшись к столбу. Внимательные раскосые глаза склонялись над ним. «Рэндзю, рэндзю...» — запомнил он музыку таинственной речи.

УРКИ
СААЕ
ТСКР
РТ О
ИУ Г
ЦТ Л
Ы И
Ф
Ы

Прабабушка рассказала ему, как Клеопатра растворила ее в уксусе и выпила. Грабители вскрыли гробницу, жемчужину освободив.

○ ○ ○

— Схлебывая, не порежьте губ!
— Мадам, это не устрица, а писсуар.
— Сэр, это не писсуар, а устрица.
— А вы куда? У вас в паспорте нет буквы «Р». Вы — Май, и вы, Июнь, тоже. Вам не положено. Пропускаются только с буквой «р» в паспорте. Январь, апрель? Пожалуйста.
— Устин Устоевич, ваше здоровье.
— Надо же! Правый кабинет писатели опечатали ноликом, а левый скотчем, в виде крестика.

Нолик докатился до слепой кишки. Шеренга слепцов-крестиков брела гуськом, выставив перед собой вытянутые палки. Палки одних указывали налево, другие — направо. Обогнув их, нолик покатылся дальше. Но сквозь потолок доставали голоса.

○ ○ ○

— В скорлупу бы залезть. Схорониться бы.
— Я полагаю также, что Рим должен быть разрушен.
— Вы были в Прадо? Там в зале Гойи на стенке черные ружья расстреливают белого испанского крестика.
— Прости, Рим. Какая империя рухнула!

— В Риме заложена смерть — РИМРИМРИМРИ — МРИ...
— Крестики сдают свои шпаги на вытянутых руках.
— Ван Гог обожал устриц. Устрица — это ухо, наполненное слухом. Отрезав, он
схлебывал музыку из ушной раковины.
— Впросительные уши.

— Со стола и унести нечего.
— Среди них есть мини-мини. Я начал черную ножом вскрывать — как жажнет!
Шесть пальцев оторвало.

— Открой капот — закипает!..
— Как не стыдно! Я контейнер ветчины украл, а они моллюсками балуются...
— Устричный бал — это «белая собачка», чтоб отвлечь внимание возмущенной
общественности от главных преступлений либералов.

— Нолики и крестики, соединяйтесь в руль. Вырулим!
— Устричная зона объединяет страны вокруг раковины Черноморского бас-
сейна — Турцию, Кавказ, Украину и Балканы.

— Живу я ул. Устрицкого, д. 36 б. Жду.
— На сковородку их! На оладушки пустить. На белковый омлет.
— В Новом Орлеане их жарят с омлетом и сыром.
— О чем поют устрицы?

○ ○ ○

Смелее, нолик, вперед! А вот и сонная артерия. Ей снилась свадьба и крестик аиста над
крышей. «Сплюсплюсплю, — завораживал внутренний голос, — сплюсплюсплюсплюсплю...»
На глазах нолика родился жемчужный плюскрестик. Крестики рождаются из снов.

○ ○ ○

Вот почему издавна в Англии «Х» означает знак поцелуя. ХХ — ставят в конце письма
англичане. Больше их количество заставляют покраснеть адресата. Крестик — эмблема
любви.

○ ○ ○

Внутренний голос звучал все сладостней. Голова кружилась. Он понял, он постиг
внутренний мир певицы. Как Ты добра и несчастлива! Он полюбил Ее влажный, глубокий,
доносящийся снаружи голос. Нолик покрывал поцелуями стенки Ее живота.

○ ○ ○

— Ах, я уже чувствую вас в себе, я ощущаю вас в глубине души, ах, ах, — сказала
снаружи певица.

— Я еще не там, пошли на балкон, дорогая.

○ ○ ○

Живот прогнулся, завибрировал, начал продавливаться внутрь, чуть было не раздавив
нашего героя. Донесся лязг снимаемого бронезилета. «Сейчас начнется», — ужаснулся он.

○ ○ ○

Он едва успел выскочить наружу.

«О-о-о!».

Снаружи взору его открылась победоносная картина. Никого не было. Все были съедены. На перламутровых доньшках раковинок отпечатались отражения бывших лиц.

Проглотившие их устрицы захлопывали створки и, отяжелев, расплзались. Ползли, посвечивая фраками раковин. Они сухо шуршали крылышками, подобно тьме саранчи. Некоторые из них взлетали, но бились о стекло и со стуком падали.

Бедные крестики, нолики, раковины роковые!

Удар! Окно разлетелось вдребезги. В него из ночи съехала гигантская раковина маскировочной расцветки.

При ближайшем рассмотрении она оказалась гусеницей бронетранспортера.

— Товарищ Трибун, БТР подан!

КРЕСТИК В АДУ

Утром она сказала: «Заскучал ты чтой-то, отощал, в доме шаром покати. Взял бы банк, что ли...»

Он решил брать Банк памяти. Захватил с собой нолика вместо целлофанового мешка. Набрал факс.

Очнулся в банке нулевой формы. Она парила в пространстве — прозрачная, больше чем из-под томатного сока. Вся страна была под банкой.

Все было светло и прозрачно, но как во время белой ночи — тревожаще. Будто душа пыталась что-то вспомнить, но непонятно что.

Перед входом напирали толпы желаящих. С наружной стороны по стеклу над входом было что-то написано. «ВАТСО...Н» — прочитал он полустертые буквы. «Что-то сыскное?» — подумал.

Внутри в прозрачных сейфах Памяти, как стопки тарелок, лежали нолики. Крестики были сложены в поленницы.

Сбоку все они имели форму минусов.

«История в минусе», — пояснил в мегафон до боли знакомый внутренний Голос. Антенка, куда ты завела?

Все мучились чужой памятью. Ноликов мучили грехи крестиков, и наоборот. Нестерпимый свет познания. Тьма света.

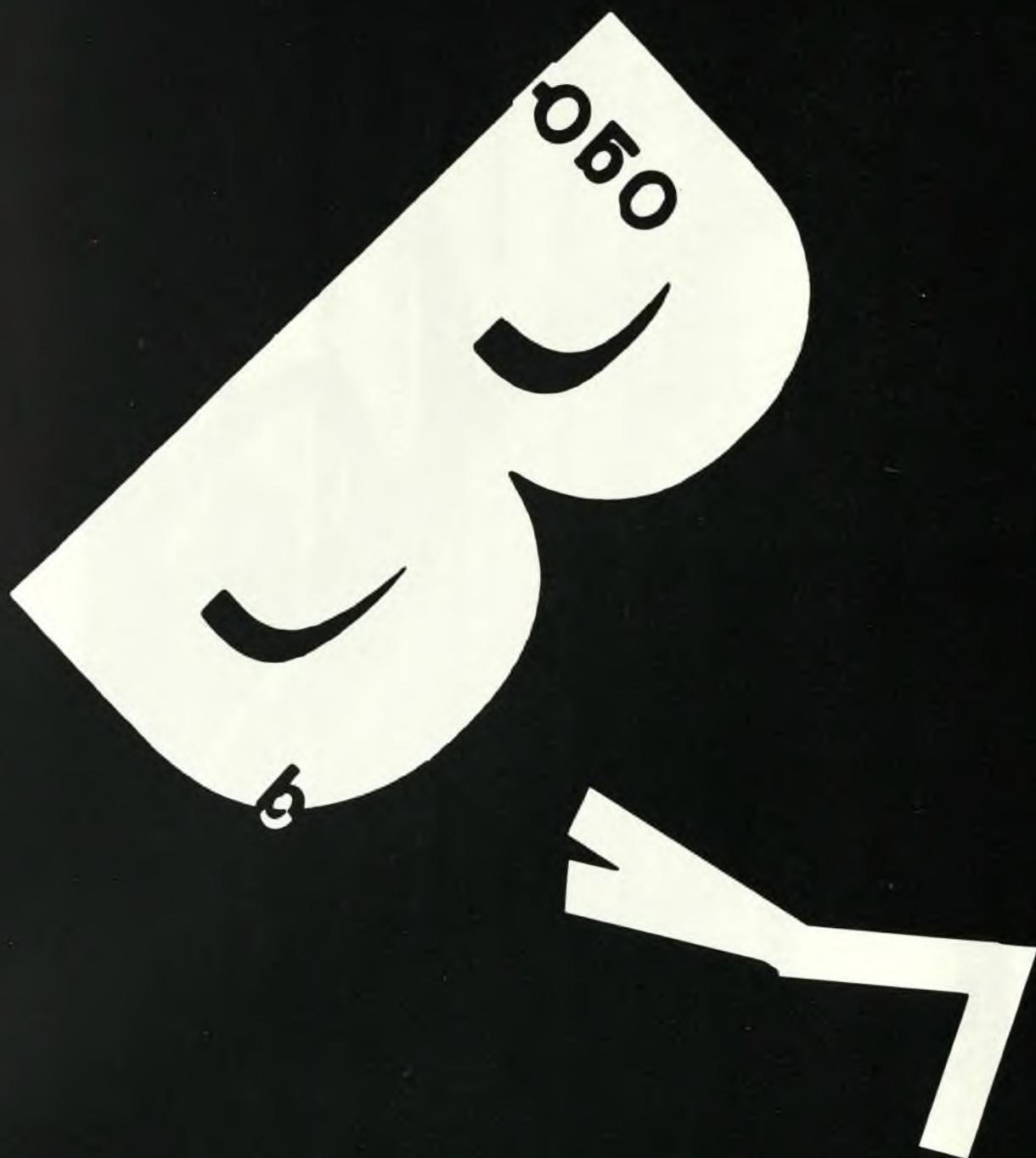
Дон Кихота мучило, что он круглый, как ветряные мельницы. Санчо Панса каялся в избытке духовности.

Один минус метался под углом 40°. Два микроскопических нолика прилипли к нему с боков.

— Это тростиночка в «Зубровке» с пузырьками воздуха? — подумалось.

— Нет, это старушка процентщица, — пояснил Голос, — она не спит, все мечется, мучается, что она убила Раскольникова.

Другой минус оказался Министром пестицидов. Он лежал в виде рта со столовой ложкой. Он поедал натуральные удобрения и выделял химические. Потом поедал и те, осуществляя круговорот в природе.

Плакал Смех. Скучала Судьба.

Крестик, уже хорошей, растягивал гармошку. Он пытался делать это параллельно Земле. По мере того как он нажимал на кнопки клавиатуры, видно дистанционной, на Земле взлетали города и корчились землетрясения. Он плакал от ностальгии.

Снаружи толпа перла к входу. У одного в наушниках звучало: «надежды маленький, о крестик...». Охранник показал на надпись над входом «ОСТАВ...Н», — прочитал буквы наоборот крестик. — «Оставь надежду...»

— Боже! Так значит, я в Аду! — понял он. — Но я же набирал Банк памяти!

— У вас ошибка в наборе, вы набрали лишний ноль. Это Ад, вернее, Чистилище. (Ах, зачем я брал с собой нолика, он опять сунулся и разыграл меня...) Видите, светло, как в Аду.

— Но я читал, что Ад имеет винтообразную форму, — продолжал он защищаться.

— Вон твой Дант, глуп как пробка. Ад, как и мысль, не имеет формы. Мы ежедневно вкручиваем штопор в твоего флорентийского дезинформатора. Ад — это духовная субстанция. Души и судьбы клиентов закодированы в имена.

Вокруг зевала Постистория. Постпустота. Рефлексировали нарцизисы. «О, лбы», — бубнил новый философ.

НЛОлики готовились к отлету в Воронеж. Улыбки у них были дужками вверх, что наводило на жутковатые мысли.

Шулера Рэндзю готовили очередной чемпионат. Нолики тренировались делать переворот. Но как ни перевертывались, все оставалось прежним. Они были круглы и одинаковы со всех сторон. Рядом тренировались крестики.

— А ты что тут делаешь, Постирушкин? — Он увидал сына тети Иры, их школьной библиотекарши. Тот был в адидасах.

— Я работаю здесь администратором. — Это и был знакомый Голос. — Когда информация переполняется, я вырубая ток, стираю память. И все превращается в точку. Ад — это точка. Хочешь, покажу, как это делается?

На стене царил крестообразный Рубильник. В лунном аду пахло «Черемухой».

«Поступательная история завершилась. В Постистории «я» «не я». Наступила высшая свобода — свобода от себя. Больше ничего не произойдет. Пастбища постбудущего. Единственно, что здесь запрещено, — это поступки.

— По стопке?

Выпили по нолику. По небу за стеклом гуськом летели крестики. Не понять куда. Сюда? Отсюда? Постутки.

— Вдумайся: «Пост, пост, СТОП!» Это одинаково на всех языках. Время перестало существовать. Привет, абсолютный салют!

- Дттчк!..
- аазооа...
- Да, ад — это точка. Но он может быть бесконечно большим, безразмерным...
- А на Мешалкину налезет?
- Думаю, да, но не уверен. Давай примерим?
- Позвали Мешалкину. «Не!» — вздохнула Мешалкина. Но примерить согласилась. Ад лопнул.

Все нолики полопались со смеха. — «Свобода!» Но через мгновение их окружил новый ад, еще краше, еще светлее.

— Вот видишь, — продолжал Постирушкин. Ничего не может произойти. Все во власти Рубильника. Стоп, история! XX век завершил ее. Происходит Ничего. Спираль кончилась. Это уже не Ад, но и не Рай — я бы назвал «Рад». Идем по кругу, по нулю. Ваша постстрана повернула к капитализму. Потом вы начнете опять готовить социалистическую революцию.

НЛОлики вернулись из Воронежа. Улыбки их были дужками вниз, что навевало на жутковатые мысли.

— СССР — страна полуноликов, когда полунету всего.

Моделируем эволюционный переход к Апокалипсису. Без лошадей. Одни ищут аномальные центры в космосе над нами, другие в земле под нами. Но ад внутри нас.

Приглядись к градуснику напротив Центрального телеграфа. Это крестики, нанизанные на кровавый шампур ртутного столба.

— Так, значит, в аду все, как у нас? — Нет, это у вас все, как в аду. Ваши постпартии лишь пародируют постидеи. Нет да и не может быть новой мысли.

«Было, было», — долбил философ.

— А как же «Теория крестиков и ноликов»? — обиделся наш герой.

— Не знаю. Не проходили. А ты, крестик, еще в школе с парты всегда тянул руку с каверзными вопросами.

— Но я же живой! Смотри, мои антенки отросли по полмиллиметра, пока мы беседуем. Где у вас парикмахерская?

○ ○ ○

За стеклом небесные ангелы обстругивали лучи и сплетали из них нимбы. Демоны обстругивали тени и плели черные дыры.

○ ○ ○

— И взгляни — там на Земле девочка с косичками, туго заплетенными в золотые крестики, рисует мелом на асфальте нолики. Это новые нолики...

Тут умная их беседа прервалась. Услышав живой голос, страдалицы чистилища бросились к ним.

— Спаси нас, Гости! — кричали и Дант, и старушка, и утки, и заплаканные народы, все молили «Спаси!»

Крестик стало мучительно больно за их бесцельно прожитые годы. Я вам покажу, как ничего не происходит!

«СТОП, ПОСТ!» — заорал он, бросился к рубильнику и выломал его.

И тут он услышал Голос, это не был тембр Постирушкина или Мадонны — это был тот Голос, что звал его всю жизнь. Не понимая слов, он понял смысл. Смысл сводился к состраданию и еще к чему-то, что мгновенно сложилось в подсознании в песнь-молитву. «Спой, крестик, не стыдись!!» — шептали спасаемые народы. Вера без дел мертва. Не только слушать небо, но и петь небу. Перестроив антеннку, он запел. По мере того как пел он, судьбы преобразались. И звуки его голоса...

Постирушкин хихикнул и нажал дистанционную кнопку. И все — и Дант, и старушка, и все, что жили раньше и собирались жить после, и эта история, и постистория, и печаль странств, и песнь-молитва, и все народы, и автор, и вы, милый читатель, и даже верный страж Постирушкин — все превратились в точку.

Точка. Только точка в беспредметной пустоте.

○ ○ ○

Точка шевельнулась. Из нее вылезли антеннки.

Крестик проснулся и побежал делать зарядку. Он пел.

С горы катился нолик.

ЭПИЛОГ

Сладко спишь, не снявши майку-сетку.
Ангел вас венчает или черт?
Женщина к тебе прижалась крепко.
В дверь стучат. Пора в аэропорт.

Что ты вспомнишь, мчась по беспределу?
Краткость жизни? Голо? что еще?
Крестики, впечатанные в тело.
Вафельное теплое плечо.

Переделкино, апрель—май 1991 г.

Падение III Рима.

Асфальт с отпечатками танковых гусениц взят в августе 1992 г. с проезжей части ул. Качалова, где Радиокomitee был окружен танками.

The Fall of The Third Rome. Pieces of asphalt, imprinted with tank tracks, removed from Kachalov St. near Moscow Radio Committee after the hard-liners' coup in August, 1992.

СТРАНА

СТРАДАНИЯ

* * *

Духовной жаждою томим,
несмотря на паспортные данные —
не читайте! не завидуйте! —
я гражданин
страны страдания.

Я гражданин
метафизической империи,
страны страдания.
Поздно выбирать свободу в Либерии
или Иордании.

Мне не интересен рейтинг..
Боль бомжа равна боли первой дамы.
ГУЛАГ и одинокий замок Рединг
соседей в стране страдания.

Она поет в моих невидимых наушниках.
Не рифмы слышу, а парный скрип.
250 тысяч наручников —
тираж ее поэтических книг.

Самые красивые женщины живут в стране
страдания.

Некрасивые становятся в ней красавицами.

Я хотел бы, чтоб ты выбрала свободу —
не для тебя отечество, где отключают воду.
Но мы зарегистрированы тайно
в стране страданья.

Скорлупа материалистической империи
взрывается по Нострадамусу...
Я слышу писк, беспомощный, без перьев,
рождающиеся птицы Состраданья.

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ЛЕНИНГРАДА В ПЕТЕРБУРГ

На берегу пустынных волн
стоял Он. Дум великий порн
перед ним струился. Слово дюны,
повсюду шевелились думы.
Санкт-петербургский петеушник
кайф ловил через наушник.

*Мы ехали из Ленинграда в Петербург.
И всюду были Его мысли.
Но Он в них себя не узнавал.*

Дом дум
транслировал депутатский ум.
У набережных тумб
мыслила критическая масса:
«Масла вместо Марса! Мяса!»
Санкт-петербургских думы дам
шли от очередей к домам
в Европу прорубать окно
размером в видеокино.
Но
под милицейские сирены

играл по думам перепуг —
шло тысяч душ переселенье
из Ленинграда в Петербург,
которые неслись назад
из Петербурга в Ленинград.

Тот на Петра напялит кепку.
Тот памятник, как зуб, дерет.
В троллейбусы, прикрепленные к небу скрепкой,
лез с кринолинами народ.

*Мы ехали из Ленинграда в Петербург.
В метафизическом, конечно, смысле.
Не мысли мчались в нас. Мы — в мыслях.
И всюду мысль Его присутствовала.
Он в ней себя не узнавал.
И горизонтом вслед бежала
мысль о падении Державы.*

Стоял санкт-петербургский урка.
Спросили, опустив стекло:
— Далёко ли до Петербурга? —
— До Петербурга далеко!

Стрельцы в подвалах ленинградских.
Сквозь страшных лет перетерпург
радищевски нам добираться
из Ленинграда в Петербург.

Неужто мы в ослепших ралли —
(Звезда — как карлик пятирук)
путь к Петербургу потеряли,
потеряли Петербург?

Навстречу ехал «мерседес»,
приют убогого чухонца.

Шла осень. Падали червонцы.
Лез к микрофону мракобес,
что будет город заложен
за виски, диски и бекон.

Сан Петербурга без Империи?
В обломках рухнувших колонн?
Жизнь пела, красно-сине-белая.
И думал он.

Вкусив отсутствующий поридж,
в кафе прочел он «Коммерсантъ»,
«ебал я ваш Конгресс,
сказал Ростропович...»
Как тут оспоришь?
Сей гениальный музыкант
был эротический гигант.

На мысы набегали мысли.
Командировочные мыслись.
Светало. Выплывал утопленник.
Томимы светом изнутри,
на берег выходили topless,
как белой ночью фонари.
Как Он почувствовал, пригубя
советскую мадам Клико,
дистанцию до Петербурга —
до Петербурга далеко!
И голосуя, хорошела
кровь царскосельских кастелянш —
студентка с ключиком на шее,
как крестик ранних христиан!..

Навстречу мост. И город близко.
Взошел на мост. Был ветер груб.
Мост оказался — «Сан-Франциско —
Санкт-Петербург».

Туда неслись мыслители из Петербурга!
В снегу желтели, далеки,
как будто «Мальборо» окурки,
ампирные особняки.
Он помнил белизну колонн,
но Он
уже был над океаном.

*Под ним, мигая красным пунктиром,
проносились мировые иноязычные мысли.
И каждая шептала: «мисс ю!»
На кремовой «Волге» Он даже различил
номер «СПБ-1836» — как гриф
прижизненного издания «Онегина».
Мысль отнекивалась.
Все мысли были о России.
И каждая программировала,
разрабатывала маршрут —
«Ленинград-Петербург».*

*Сомнительная мысль бежала —
о рождении метафизической державы.
И пел лемур, как Винни-Пух:
«Да здравствует Санкт-Петербург!..»*

Есть строчки старые в тетради,
застрявшие в моей судьбе:
«Проснись! Припомни Бога ради
ту дрожь священную в Тебе,
как проступает в Ленинграде
серебрянейший СПб».

Теперь проступит в Петербурге
им пережитый Ленинград —
в консерваторской партитуре,
вздохи прошедшие звучат.

Люблю на туче тень иглы,
на душах строгий след офорта,
бардов студенческих аорты
и баночки из-под икры
над крышею аэропорта,

шофера в поисках искры,
и полный тяги и игры
сырой твой голос сквозь ворота.

И апельсиновую шкурку
дубленки, сброшенной тобой...
И ключик от Санкт-Петербурга
горит на шейке, золотой!

Как нам вернуться в первородство?
Как нам вернуться в Петербург?
Зачем в года переворота
Мы Пушкина встречаем вдруг?

Он, помню, по телемосту
шел в эту сторону. Мы — в ту.

Косы смерти или поворот истории.
Гипсовый оттиск снят с асфальта набережной Свободы в августе 1992 г.
Scythe of Death or Turn of Freedom. A cast made of asphalt removed from Ka-
chalov St. near Moscow Radio Committee in August 1992.

МОЛИТВА

Спаси нас, Господи, от новых арестов.
Наш Рим не варвары разносят грозные.
Спаси нас, Господи, от самоварварства,
от самоварварства спаси нас, Господи.

Как заяц, мчимся мы перед фарами,
но не чужие за нами гонятся!
Мы погибаем от самоварварства.
От самоварварства спаси нас, Господи.

У нас не Демон украл Самару,
не панки съели запас, не гопники.
В публичных ариях, в домашних сварах
от самоварварства спаси наш госпиталь.
Не о себе сейчас разговариваю,
но и себя поминаю, Господи.

Избави любящих от свар сафаристых.
Проснись красивая, как с Божьей росписи!
Как мы измучены самоварварством —
индивидуальные две пропасти!

От мракобесья обереги нас,
от светлобесья избавь нас, Господи.
Новой победе самофракийской
не только крылья оставь, но — голову!

Переключи же, Господь, прожектор.
Наш апокалипсис проходит фарсово.
Спасло Россию самопожертвование.
Спаси нас, Господи, от самоварварства.

P.S.

Я помню, бабушка чай заваривала,
топила шишкой, студила пальцы.
Лишь электрические самовары
могут распаиваться!

Мне все же верится, Россия справится.
Есть просьба, Господи, еще одна —
пусть на обломках самоварварства
не пишут наши имена.

* * *

Сопят две дырочки-розетки
в безносой плоскости стены.
Не луноликие ли предки
из тьмы, куда уходим мы?

ПОКАЯНЬЕ

Ю. Карякину

— Не скифы мы, не азиаты с вами,
мы — ямы,
великие умы, прекраснейшие дамы,
мы — Янусы,
сменивши «я» на «мы» бессмысленной программы,
мы в анусе.

Мы прямо на псалмы писали на кассетник
плач Донны Саммер.
Россия — маскировочная сетка
над волчьей ямой.

Когда Урал, как страшный нос, провалится,
затянет все Нью-Йорки и Майями.
И новый Блок не выкрикнет: «Товарищи!»
Вы, яппи, дайте займы!..
Мы — ямы.

Шел не Христос пред вьюгою проклятою —
столб телеграфный в белых изоляторах
за венчик роз мы приняли по пьяни.
«Салями!..»

Вожди наши над ямою стоят,
встают в дни празднеств на могильный камень.
Мы — амен.

Но почему же именно над нами
обрывами, черемухой, грехами,
встает звезда пророческого неба
самоубийственными соловьями?

Поэзия. Россия. Покаянье.

А может, ангел провалился в сеть
и плачет, падший, из воздушной ямы?
— Когда Господь захочет миру спеть,
мы — ямбы.

Хватают воздух шестерни Кремля.
Сознанием двинусь.
История достигла в нас нуля.
Теперь она летит со знаком «минус».

Поэт не понял. Мы никак не щит
между Европою и Азией.
Мы — шов нутра, который не расшить.
Мы связи

густой восточной крови с рок-детьми.
Политику мы спишем в «разное».
Щека из света. И щека из тьмы.
Евразия.

Евразийка не спит, светая мочкой.
Проколота бусинка на свет.
Твою метафизическую точку
не разумеет Архимед.

Наш стон любви — на языке татар.
В нас Дездемона плачет по-российски.
Ужель пойдет на мясо наш кентавр
Евразийский?

* * *

Нигде не живут хуже нашего.
Над странами носишься ты,
земную одежду донашивая,
горящие видишь кресты.

Но сердце колотится сильно,
когда полетит под тобой
трассирующая Россия
посадочной полосой.

* * *

Россия, нищая Россия,
ни разу в муке вековой
ты милостыни не просила.—
Теперь с протянутой рукой.

ДРУГУ

Твои вздохи нечисты,
У тебя в душе глисты.
Меня трижды продал ты.
Твоей мукою унылой
окисляются кресты.
Похристосуемся, милый.
Прости.

ГАЛИНА

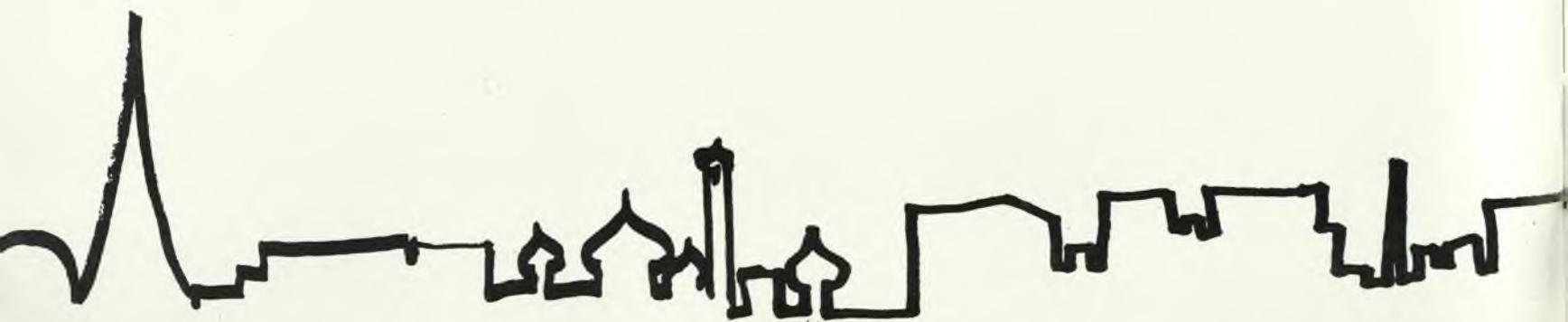
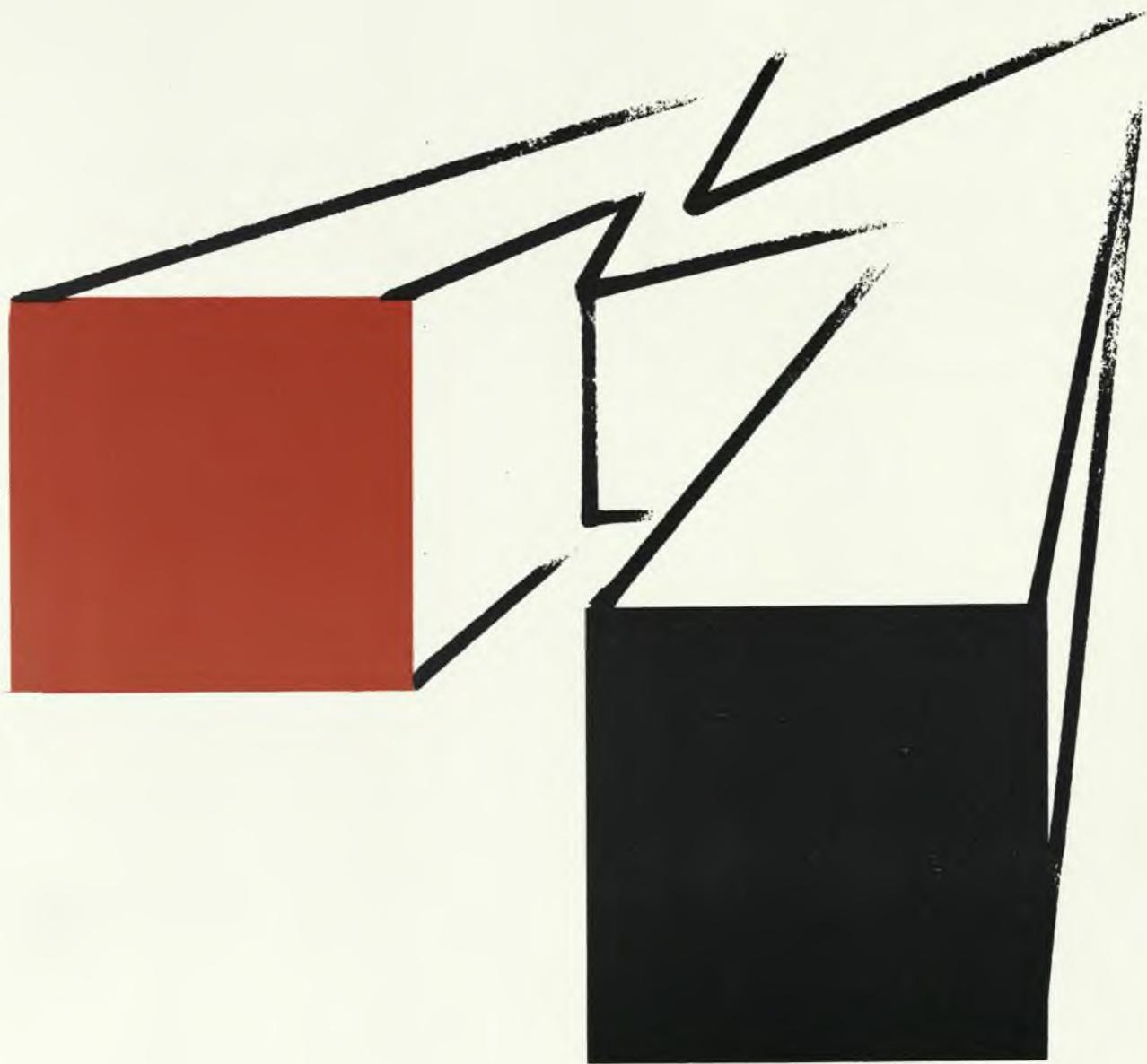
15 тысяч стоит, Галя,
на Вас билет.
Плюс 18 лет изгнания
и травли вслед.

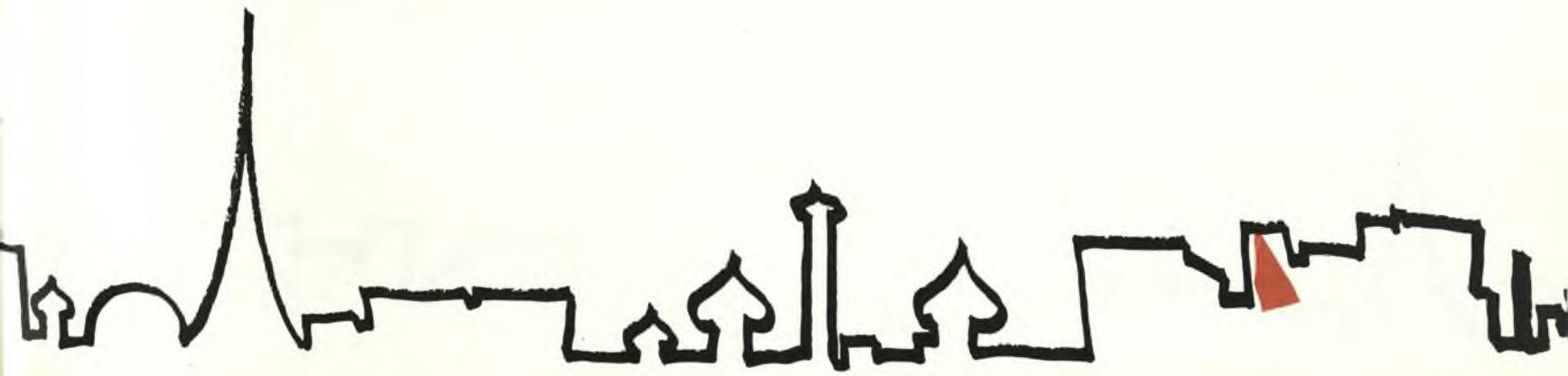
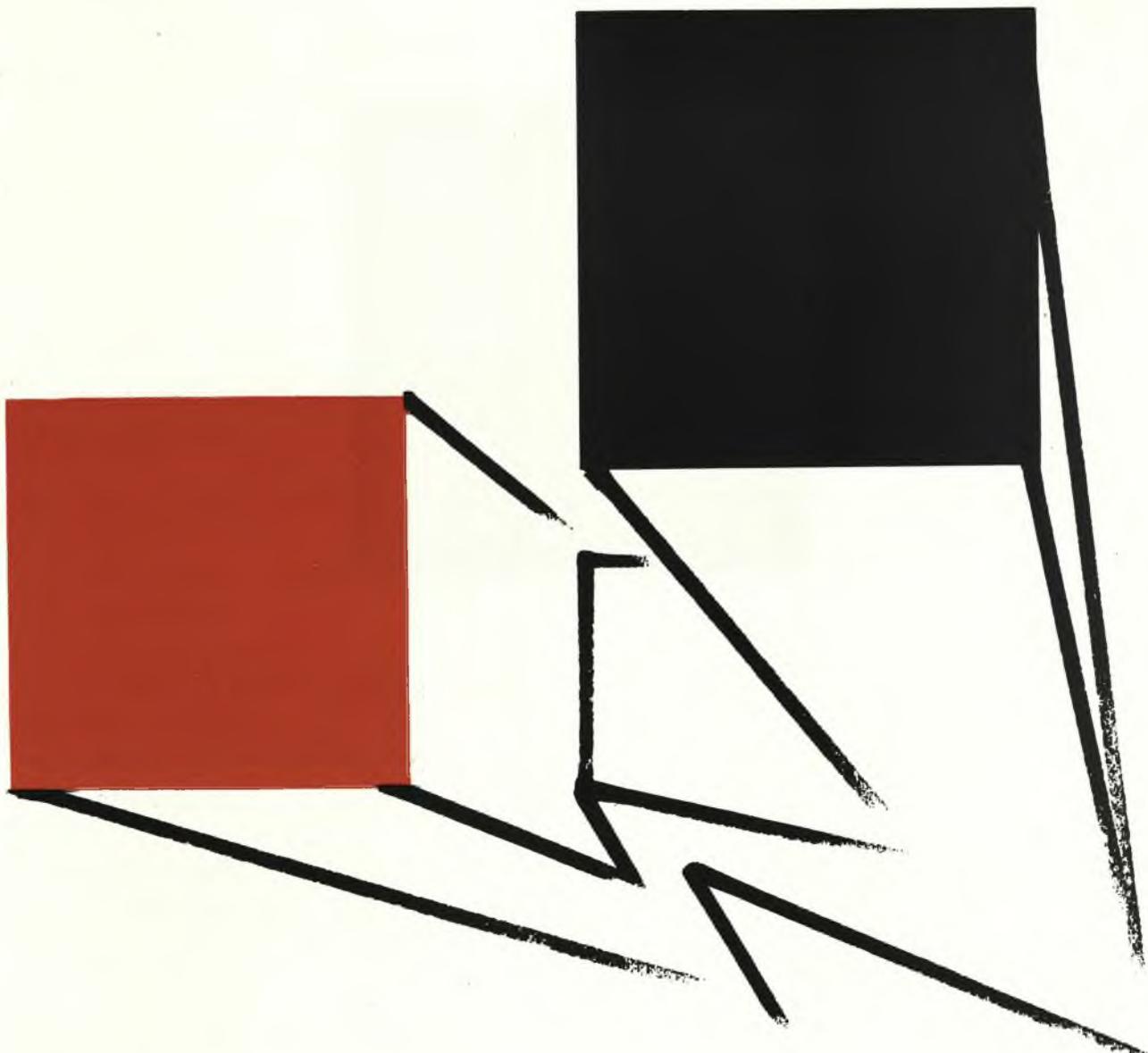
Цена такая твоей сцены,
Большой театр,
Над барахолкой храм священный,
Больной театр.

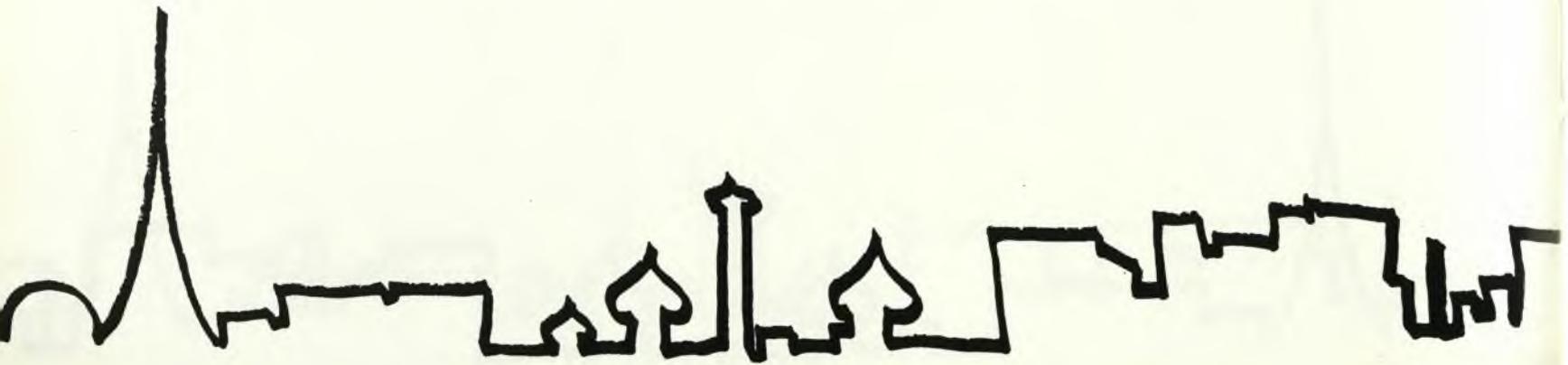
Нет над фронтоном Аполлона,
театр Большой —
там целлофаный, пропыленный
мешок пустой.

Я вырос на твоей галерке.
Твой юный рой
по-русски узнают в Нью-Йорке:
«Bolshoi, Bolshoi».

Ты треугольником фронтона,
как стрелкой, храм,

указываешь убежденно
путь к небу нам.

Что нас спасет? Не месть, не корысть
и не сапог,
а Божий голос, белый голос,
в котором Бог.

Меж красных полос, черных полос,
кровавых склок,
художник — это белый голос,
в котором Бог.

Спасибо, гневная Галина,
что в беспредел
крамольный и неуголимый
нам голос пел.

Давно проспекта нет Калинина,
и флаг другой,
судьба гонимая Галинина
берет Большой.

Достаточно поразорили.
Хватит терять.
И, может, мы спасем России
Большой театр.

P.S.

Вернулись Вы, простив красиво,
отринув месть.
Есть еще женщины в России.
И вместе с тем — в Париже есть.

15 марта, 1992

TWO-SOVKA

Кроссовки —
два куска.
Ту-совка —
два совка.

Неинтересно
ту-
соваться
одному.

Ты с улицы?
Дурдом.
Тусуемся
ту сон.

Туз оф
судей Садков.
Труп шока.
Кабаков.

Искусство —
простыня
потусто-
ронняя.

— *Постмодернист это модернист,
получивший пост.*
— *Вот потс!*

Чьи трусики
туз пик?
Вы трусите
ту спик?

Туристка
Катманду,
Ту риска?
Твенти ту!

Льет с крыши
аквосуть.
Услышьте
кто-нибудь!

ТАССОВКА:

*Малевич тусуется с Макаревичем.
Тутанхамон тусуется с конфеткой
«Тузик» через щелки
уголков обертки.*

Ты, Софка,—
не Лорен.
Усохла
до соска.
Тускла.
Манит в ок-
не Москва
малинкой
туеска.
Льет с неба
аквосуть.
До стеба
все. Забудь.

— Дост. придумал слово «тушеваться»,
а кто — «тусоваться»?
Она — такой достоевский!..
— А когда я спросила панка
у Юго-Западной:
«На что же
похожи танки?»

*Он ответил:
«На запонки» ...*

Ту сока
туристке!
Ту сода,
ту виски.
Тур ССОДа?
Тут тоска.
Ту Сохо?
Ту Сокол?
В ЗЛК!

*Все подмосковные
зел. насаждения пропитаны
тяжелым металлом.*

Ту Ссора.
Ты козел!
Ты совок!
Ты казен-
ный сапог!

Тусовка
ту Склифосовка.

Ту-104 доставит Вас прямо в рай.

Два срока.

До звонка.

Бог на иконах пишется БГ.

Звон. Зовы.

Далека

часовня.

Два венка.

А в небе

свысока

Медведиц

два совка.

Туснитесь

в Млечный Путь.

Проснитесь

кто-нибудь!

Там, снизу,

аквосуть...

Забудь. Забудь.
Забудь.

Кусково.
Лебеда
подковой
вкруг пруда.

Сон. Совы.
Ты. Века.
Тусовка.
Два совка.

* * *

таша говорю я на
низм ты говоришь кому
ыкант наливает муз
иноактриса пошла к
сотка улыбнулась кра
вать советует уби
лам сломалась жизнь попо

* * *

Не разлюбите без взаимности!
Еще Вас любят по инерции.
Но телефон уже с заминкою,
самой Вам этому не верится.
И в шарфе афтершейв жасминовый
висит в шкафу и не выветривается.

Не позабудьте без взаимности,
в себе на ключик запирайте
провинциальную гостиницу
с сухими иглами в кровати,
где совы ухают совминовские,
Ваш шарф, продлив полоску Млечную,
от подоконника до плинтуса
бежит дорогой подвенечною,
Вы в нем всегда, как под инъекцией —
красивая — глазам не вынести!

Не девственница Книги Гиннеса,
но и не ветреница,
не напивайтесь без взаимности
с ним и счастливою соперницей.

Ну, хоть бы ненависть взаимную!
«Не спи, неспинеспинеспинес...» —
в мозгу классическое вертится.

Не изменяйте без взаимности
себе. Взаимности добейтесь.
Верните его в ту гостиницу.
Когда же он наивно двинется —
тарелки об него разбейте,
пусть брызнут батарейки Сименса!
Набейте морду без взаимности.
А так — не вынести.

* * *

белый котенок в макушке сосны
в зимних потемках белые вопли
слезть не умеет просит сними
воет утопленник

пришла аварийка
он окружен
в «кошках» не влезешь
ствол сверху тонок
сон коротенок
двое с ружьем
воет котенок

может быть вызовем вертолет
ветер гуляет меж наших картонок
совесть поселку спать не дает
спилим сосну
в небе воет котенок

он переходит с сосны на сосну
совести мерзкий комок непутевый
клонит ко сну
еще спилим одну
спилен весь лес

в небе воет котенок

МОЦАРТ

Мы от музыки проснулись.
Пол от зайчиков пятнист.
И щеки моей коснулись
тени крохотных ресниц.

Под навесом оргалита,
нажимая на педаль,
ангел Божий алгоритмы
нам с Тобою передал.

БЛАГО ТВОРИТЕЛЬНОЕ РОНДО

Над пасхальной Москвою,
вопреки нашим дилеммам,
в низшей стадии живое
размножается деленьем.

С инфузорным вождельем
все вокруг от страсти спятели.
Размножаются деленьем
государства и писатели.
Президенты размножаются
в ужасающей прогрессии.
Дайте визу до Можайска,
как в Америку и Грецию!
Гоголь, Гоголь, что ты сделал!
Режет палец виртуоз.
Отделился Крым от тела
словно гоголевский Нос.

Посылая нас в секс-шопы
повышать образование,
нам единая Европа
кажет спину розоватую...

Но христосуются звезды.
В церкви чокаются яйца.
И кристаллы «Виртуозов»
не хотят разъединяться.
(Общий кодекс «спи в оковах» —
не закон для Спиваковых).
И забыв разлад тряпичный,
как смычок и струны, мы
тайной нотой скрипичной
с Богом соединены.

А. МЕНЬ

I

Кто поднял топор на священника?
Кто шел за ним в раннюю стынь?
И как найти в сердце прощение
тому, что сейчас творим?
Кто поднял топор на священника,
тот проклял себя. Аминь.

Неужто страна в деградации
болеет так тяжело,
когда не до святотатства —
до святотопорства дошло?!

Красивый. Сердца участием
смягчал. Темны времена.
Убитый домой стучался.
Его не узнала жена.

С его позвонками шейными
диспут провел топор.
Страна, убивая священника,
пишет себе приговор.

Памяти А. Меня. 1991 г.
In Memorial of Father Alexandre Men.

А.МЕНЬ

А.МЕНЬ

НЕМ

Они беззащитной аортой
с Тарковским были близки,
пятьсот пятьдесят четвертой
школы ученики.

Мы вместе учились в чертогах
пятьсот пятьдесят четвертой.
На панихиде твоей
от имени нашей школы
зажгу тебе свечку скорбную,
опальный протоиерей.

Приход посреди России.
Афганцы. Маковок синь.
И девушка вслед литургии
вздохнула: «А. Мень... Аминь...»

А в небе кровавым довеском
над утренней нашей тропой
с космической достоверностью
предсказанный Достоевским,
как спутник, летит топор.

II

Прокатилось до Армении от московских деревень:
«Мень,мень,мень...»

И афганцы парашютные шепчут исповедь с колен,
автоматами прошитые, точно в дырочках ремень:
«Мень,мень,мень...»

Отвечает эхо: «Мень —
нем».

Новая Деревня
Храм Сретенья.
10/IX/90 г.

ВЗРЫВ

שאלת האדם

13

ОТВЕТ НА ЗАПИСКУ

Все пишут — я перестаю.
О Сталине, Высоцком, о Байкале,
Гребенщикове и Шагале,
о Гавеле и о Вишневской Гале,
Литве или Мемориале
писал, когда не разрешали.

Я не хочу «попасть в струю».

ДЕФИЦИТ

В магазин зашел: «Алло!
дайте неба полкило».

Продавцов сказали двое:
— С небом перебои.
Нету черного, ночного,
белого нет, облачного,
ни розового, ни голубого,
ни серого — ну никакого,
нету неба бородинского!..
«Тоже мне — князь Андрей».
«Гражданин, не надо диспутов!
Не толпитесь у дверей».

«Дома глазки голубые
Ждут, чтоб неба им добыли.
Если неба не давать —
они будут затухать.
Отпусти, небена мать».

Продавщица ответила: «Сочувствую,
вместо хлеба нам насущного

по талону за июль
отпущу один буль-буль.
Отпустить могу вам смога.
Но немного».
«Мне хотя бы без изюма,
и без звезд.
Я ее люблю безумно!
Разрешите встану в хвост».

«Ваши бы заботы мне бы.
В мировой голубизне
строить общество без неба
нелегко в одной стране.
В Марксе нет социализма.
Вода кончилась в воде.
Бензина самоубийце
Нету. Неба нет нигде.
Если будут все, как ты,
будут небные бунты.
А авоська — как кроссворд.
Угадай, из чего торт?»

«Нашенским без неба — финиш.
Даже в тюрьме
пайки синенькие видишь
четвертушками в окне.
Мне хотя бы ломтик надо,
чтобы глазки зацвели.
Мне сказали, из Канады
тонну неба завезли».

Продавец сказал любезно:
«Страна наша безнебесна.
Где работаешь, debil?
Сам ты небо задымил».

Человек ушел без неба.
В безнебесные места.
У моста слепые требуют:
«Подайте неба, ради Христа».

И Большой театр без Феба
подтверждает: «Нету неба».

ЕЕ ПОВЕСТЬ

Я медлила, включивши зажиганье.
Куда поехать? Ночь была шикарна.
Дрожал капот, как нервная борзая.
Дрожало тело. Ночь зажгла вокзалы.
Все нетерпенье возраста Бальзака
меня сквозь кожу пузырьками жгло —
шампанский возраст с примесью бальзама!

Я опустила левое стекло.

И подошли два юные Делона —
в манто из норки, шеи оголены.
«Свободны, мисс? Расслабиться не прочь?
Пятьсот за вечер, тысячу — за ночь».

Я вспыхнула. Меня, как проститутку,
восприняли! А сердце билось жутко:
тебя хотят, ты — блядь, ты молода!
Я возмутилась... Я сказала: «Да».

Другой добавил, бедрами покачивая,
потупив голубую непорочь:
«Вдруг есть подруга, как и вы — богачка?
Беру я тоже — тысячу за ночь».

Ах, сволочи! продажные исчадья!
Обдав их газом, я умчалась прочь.
А сердце билось от тоски и счастья!
«Пятьсот за вечер, тысячу — за ночь».

* * *

Ты мне никогда не снишься.
Живу Тобой наяву.
Снится все остальное.
И это дурные сны.

Спишь на подушке ситчика.
Вся загорела слишком.
Дышит, как чайное ситечко,
выбритая подмышка.

Набережная Софийская!
Двери балконной скрип.
Медвяная метафизика
пахнущих Тобой лип.

* * *

Над темной молчаливою державой
какое одиночество парить!
Завидую тебе, орел двуглавый,
Ты можешь сам с собой поговорить.

1978

ИПАТЬЕВСКАЯ БАЛЛАДА

Морганатическую фрамугу
выломал из оконного круга,
чем сохранил ее дни.
Дом ликвидировали без звука.
Боже, царя храни!

Этот скрипичный ключ деревянный,
свет заоконный, узор обманный,
видели те, кто расстрелян, в упор.
Смой фонограмму, фата моргана!
У мальчугана заспанный взор...
— Дети! Как формула дома Романовых?
НС!

Боже, храни народ бывшей России!
Хлорные ливни нам отомстили.
Фрамуга впечаталась в серых зрачках
мальчика с вещей гемофилией.
Не остановишь кровь посейчас.

Морганатическую фрамугу
вставлю в окошко моей лачуги
и окаянные дни протяну
над этим взглядом, расширенным мукой
неба с впечатанною фрамугой.
Боже, храни страну.

Да, но какая разлита разлука
в формуле кислоты!
И утираешь тряпкою ты
дали округи в раме фрамуги
и вопрошающий взор высоты.

Рахманинов. 1990 г.
S. Rakhmaninov.

Handwritten signature or text, possibly 'Рахманинов'.

%

* * *

Где ваша могила, хотя бы холм,
Всеволод Эмильевич Мейерхольд?

Профильным провидческим плоск лицом —
сплющен историческим колесом.

Всеволод Эмильевич Мейерхольд —
на висках мучительный мельхиор.

Что за текст вы пишете, Мейерхольд?
К чуткому затылку приставлен кольт.

Фантастичней сюра и сатаны
Божья режиссура родной страны.

Все в Нью-Йорк намылились, в культисход,
Всеволод Эмильевич Мейерхольд!..

Ставили Отелло. Реквизит:
на зеленой сцене платок лежит.

Скомканный платочек от слез сырой...
Всеволод... Эмильевич... Мейерхольд...

В НЬЮ-ЙОРКСКОМ РЕСТОРАНЕ

Моей жизни часть эмигрировала.
Здесь жила. Пустила корня.
С интересом сейчас игривым
рассматривает меня.

Ты алмазно сияешь — краешком
глаза, носа — как в нашу рань.
Но сейчас ты — граненый камушек.
Как далась тебе эта грань!

Расшибалась всмятку, в восьмерки.
Пропасть пробовала на боках.
Держишь русский кабак в Нью-Йорке
на отчаянных каблучках.

В этой темной шикарной яме
я узнаю — тебя потом —
неполоманное твое сиянье,
словно малый алмазный фонд.

Узнаю, что никто не знает,
что таю, от себя храня.
Вышибала, тобою нанят,
усмехается на меня.

Якиманкой бежала шибко,
в мировой провал сорвалась,
И сияешь. И не расшиблась.
Доказала, что ты алмаз.

* * *

Гарь, гарь, гарь...
Над страной — «карр! карр!»
За стеной — «Дай, Галь...»

Запаркуй кар.
Стол. Хмарь харь.
На душе — гарь...

Подгорел сухарь?
Или жгут орех?
Гарь, гарь, гарь...
Это пахнет грех.

Пей или ругай,
но в сознание всех
Гарь, гарь, гарь...
Это пахнет грех.

Угорелые народы.
Угорелая свобода.
Некуда открыть окно.

Август 1992

* * *

Читаю ль тягомотину обычную
или статьи завистливую рвотину —
я думаю не об обидчике —
что будет с родиной?

И анархист, чье знамя черный космос,
и эмигрант в парижской периодике
одним одолеваемы вопросом —
что будет с родиной?

Москвич последний, среди белых пятен
я выхожу без шапки и пальто.
Мне дым Отечества и сладок и приятен,
когда это не дым от ВТО.

Я не хочу, чтобы кричала к небу
чета берез, как беженцы в исподнем.
Отец и мать в моих проснулись генах:
«Что будет с родиной?»

ПЕСНЬ ПЕНСИЛЬВАНСКАЯ

Что вы спросите
с поселянина
University
of Pennsylvania?

Унавозите
мной познания
University
of Pennsylvania?

Прилетел я
не пофилонить —
а постигнуть,
что не достиг
архитектор из Вавилона —
поэтический надъязык.

Осы Осипа,
«Си» Северянина
в University
of Pennsylvania?

Вслед пружинки
летят золотые —
осы мертвые
из России.

Семинар осенний мой.
Люди из шрифта.
Yes, Есенин!
Деррида — да!

Сыплю нотным семенем
липы на форда.
Yes, Есенин.
Данкен — да?

Мы — тени супертекста
Езда в бездну, — но
Yes, Достоевский!
А г...но — по!

Колесо, версти
Селифаново,

в University
of Pennsylvania

Музы носятся —
Pants off
Над University
of Pennsylvania

Дай мне, Господи,
образования
в University
of Pennsylvania.

ПЯТЬ КАПЕЛЬ НЕБА

I

России — крах? Демонтаж сфинкса.
Свобода, демоны и прах...
Святой Андрей Филадельфийский
светает в синих куполах.

Ты не был взорван, не был засран,
не стал ты хлевом под свиньей,
сюда необъяснимо заслан
предчувствующей синевой.

Храни, тайник филадельфийский,
взор нерасстрелянных веков
и зубчики филателийские
Кремля под сургучом орлов.

Но почему не успокоит
души странноприимный храм?
Как две коробки упаковки,
стоят два дома по бокам.

Свет реставрирован отверстием,
я так души не починю.
Но почему, отец, ответствуй,
так ранит синий, почему?

Зачем строители «Варяга»
куски андреевского флага
наклеили на купола?
Чьи звездочки на купол сели
с погон морского офицера?
С кем эмигрировала вера
пока страна еще — была?

Детей, почуя преисподню,
как в сейф, вложила в край чужой...
Что там с тобой сейчас, сегодня?
Господь, безумных успокой!

II

Синь, избежавшая ГУЛАГа,
сестра «Варяга», что на дне.
Неужто вариант «Варяга»
сужден стране?

III

Филадельфийская портниха,
что о России знать могла?
В необъяснимое проникла,
мисс Бетси Росс, ваша игла.

Как штопают на ложках бабки,
на звездно-синих куполах
Троице-Сергиевой Лавры
натянут звездно-синий флаг.

Рисуя звездами на синем
по флагу, древний Джаспер Джонс
неужто купола России,
увидел, ими поражен-с?

В закате пашни полосные,
то белые, то огневые —
лежали борозды в снегу,
и звезды купола в углу
по голубому — золотые...

IV

Молись, дитя в джинсах овчинных,
молись за родину, малыш,
за Язу и за Пречистенку,
за потопляемых пучиной
первопричины помолись.

Молись за горстку, что над рыком
наладить пробует ладью...
С двумя свечами, как с обрывками
веревки лестницы, стою.

V

Не луковки, а капли сини
с крестов набухли, как печаль.
Нам Ты от жизни депрессивной
пять капель неба прописал.

Четыре синие набрякли.
А пятою полны глаза,

а с пятой роковою каплей
пока что медлят небеса.

Россия рвется в Апокалипсис,
Мы не спасем — ни я, ни вы,
А вдруг спасет церковка-капельница
в слезах целебной синевы?

* * *

Изгони из себя себя!
Тень, сутулясь вроде серпа,—
из меня на асфальт, как тать,
душа выбежала погулять.

Тротуар
кишит, как ЮАР.
В нем сливаются души теней
необщающихся людей.
Кто в испуге сломал каблук,
на смиренный ступив клобук?

Мы — телесные тени теней,
и Монтень, и Ты, и тиней —
джер...
Твоя белокурая тень
гасит окурки в тарелках антенн.
Темь.

— Как живете?

— Нормально.

Но живем — аномально.

ЦЫГАНЕ СОЦИАЛИЗМА

Пожертвуйте что-нибудь бедствующим!
Обрежешься об их лица.
Есть новая нация — беженцы,
цыгане социализма.

Нет песен у этой нации.
И Нансена для них нет.
Погром, не посаженный на цепь,
в их душах оставил след.

Россия бежит из Прибалтики,
бежит из Баку Армения,
на Запад интеллигенция.
Бог покидает храмы —
пожертвуйте нации беженцев!

А ты идешь по столице
с плакатом: «Мерси, Баку!» —
цыганочка социализма
с детишками на боку...

Пока мы в домах с этажерками
и не стряслось неизбежное,
беженцам хоть рубль пожертвуйте!
Пока мы сами не беженцы.

МУМИИ МЫСЛИ

На камнях волна, отжавшись,
откувыркивается назад.
Длинноногие иглы аджарские
на бережных лежат.

Вы сосновые иглы видели
сантиметров в тридцать длины?
Словно рихтеровские измерители
сверху сцепкой соединены.

Парно сжавшись, летят в наш мизер
силуэты Ромео-Джульетт.
Золотые мумии мысли
опускаются на парашют.

Словно кто-то иносказательно
меж кровавых земных начал
золотым мелком указатели
в темном воздухе написал.

Бродит женщина в Кобулету,
в угасающий входит свет,

собирает тысячелетья,
эти иглы в сухой букет.

Меж кошачьих глаз малахитовых,
меж империй, летящих в мрак,
монархических анархистов,
захвативших партособняк.

Длинноногие сосен дети!
И в скользящем свету гора.
И вельветовы Кобулету,
как поддетая кобура.

«Ты зачем собираешь иглы?» —
я спросить ее подошел.
И ее спортивные икры
напряглись сквозь черный подол.

«Я сплетаю из них корзинки
Под печенье и под цукат».
И добавила по-грузински,
указывая на закат.

Жизни смысл летит по касательной!
С неба падают в страшный век
непонятные указатели —
золотые, головкой вверх.

РАСПЯТИЕ

В минуту сегодняшней скверны —
не плоскость с двухмерных холстов —
явился мне многомерный
Христос.

Шли муки, подобно мосту,
перпендикулярно кресту.

Распинали Его не в одной плоскости, тело Его
было раздираемо во все стороны, как стрелки
указателя на перекрестке дорог или крестовина,
в которую вставляют елку, так Его видели с неба.

И мук этих веерный вектор,
сменив плоскостное бревно,
На Юг, Восток, Запад и Север
растягивали Его.

Мужчины, и бабы, и леди,
Сменяющаяся толпа,
второе тысячелетье
Мы тянем Его на себя.

И, как медицинские банки
иль тянет рогатку дитя,
вытягивались лопатки.

Мы тянем Его на себя.
Тянули Его вертолеты,
крюком за губу зацепя,
суда, уходящие в море,
тянули Его на себя,
и рокер в пылице желторотый,
и баба, от мужа уйдя.

Не на деревяшках же Его распинали — сквозили
поперечники боли, растяжение истории, вот по-
чему художники никогда не изображали распя-
тие в профиль, иначе бы им пришлось давать по-
перечное сечение, где
ребра, как новые руки,
стояли креста поперек,
указывающие муки
непонятых нами дорог.
И крест, разогнувшийся тайно
из молота и серпа,
голодной страны испытанья,
прервав Иоганна Себа-
стиана, гудят окаянно
бастующие таксисты.

Толпа, депутаты, путаны,
все тянут Его на себя.
Ступни Его вдовы доили,
Впивалась в раскаянье бля,
Тянула ладонь экстрасенса,
Покойники в автомобиле
тянули Его на себя.
Кто любит — сильнее тянули,
кто продал — тянули вдвойне,
тянули, кто в жизни тонули,
тянул, кто давно на дне.

Будучи в состоянии шока, я не понимал смысла
виденного, когда распятие отвернулось от меня
темным силуэтом, я увидел за ним толпу —
глаза, глядящие в упор, и в каждом зрачке
впечаталось по маленькому эмалевому крестику
вверх ногами, ибо каждый распинал Его в
собственных зрачках.

Но главное — втягивал вакуум
души, что покинула нас,
чья тайна забыта за кваканьем.
Как тянет сейчас!

И вытянутое сердце,
где вздутые жил провода,
как третья ладонь разжималась,
просила гвоздя.
Терновые новые ветки
Ты ставила, кровь соскребя.
Шипы двадцать первого века
тянули Его на себя.
«Прощаю, садисты невольные! —
я слышал.— Печаль утоли.
Страшней направление боли,
которое изнутри».

Дальше не помню, не стирайте память, разум не отнимите!
Меж толпами злых идиотов я видел себя самого,
что натягивал на стадионы
перепонки ушные Его.
Летя над Иерусалимом,
я видел, что смертным нельзя,
над бьющимся компасом боли,
что видят лишь небеса.
Там ангел и клин журавлиный
кричит и отводит глаза.

Ужель меж писательских профи
я был на Голгофе в бистро —
потягивать черный свой кофе
из чашек коленных Его?!..
«Прости,— повторяю над пропастью,—
незрячие годы мои,
что видел
в одной только плоскости
безмерные муки Твои».

ЛИМОННЫЙ КЛЕМЕНТИ

Лимонный Клементи? Ментоловый запах цвета — как чай, заваренные из натуральной розы, жасмина, кадмия, мы сидим, наверное, в Гринвидж Виллидж, в доме номер 92—94, в доме художника Франческо Клементи, ранее принадлежавшем Бобу Дилану, которому вчера стукнуло 50, мы сидим во внутреннем зеленом садике, за спиной бетонного, загазованного города, где садик этот — внутренний зеленый мазок, так вот, мы сидим внутри этой маленькой зеленой революции, мы — ее мысли, растительное сознание, белеет параллелепипед Аллена Гинсберга, который по-тибетски смотрит в пуп своей камеры-зеркалки, чернеет квадрат безворотниковой рубахи по-буддийски бритого хозяина, каторжника цивилизации, лиловееет майка Майкла Маклюа, в которую втекает белая полоска спутницы, алеет смех итальянки, джинсовый Раймонд кидает шар близнецам над черным треугольником Альбы, подсаживается недодуманная мысль Дилона в очках, визжит оранжевый на газоне, и есть еще цвета, наверное, но уже,

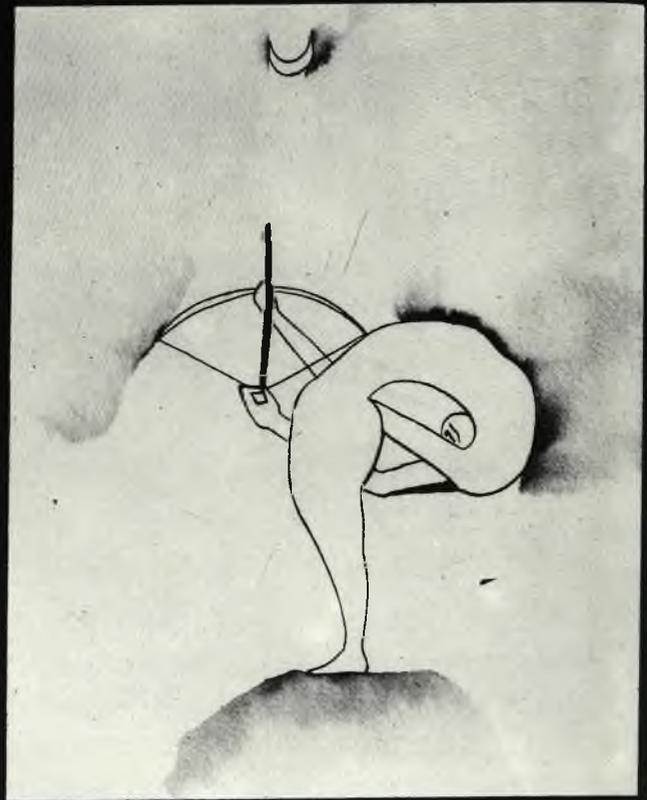
видно, 8 часов, ибо темнеет, цвет затекает в цвет, запретная марихуанка-самокрутка 60-х годов подомашнему переходит по кругу из губ в губы, 60-е отраженно затекают в 90-е, 90-е — в 06-е, следующего, наверное, века. Время и бытие имеют свойства акварели — цвет затекает в цвет, мысль в мысль, жизнь в нежизнь — я говорю, конечно, о внутреннем цвете, которым и привлекли акварели Клементи — не только моментальный, акварельный цвет акварели, но ментальный цвет Клементи. Какой водой пишет Художник? Водопроводной, гераклитовой, каспильской, Evian, гангской, фрейдовской, затраханной битнической, святой? На его бумаге корчится, умирая, наша смертельно больная вода — отравленная пестицидами, очистителями, идеями вода-91, наша опасная и от этого еще более хрупкая, мгновенная вода.

Никогда раньше вода не давала такого чистого, предсмертного сияющего цвета.

На бумаге стены умирает от жажды скелет воды. Это высохшее цветное русло Анри

Мишо, акварель, написанная поэтом, когда тот экспериментировал с наркотиками. Дактилоскопия воды... Он писал водой подсознания.

Единственная непрозрачная безводная вещь дома — это писанный недужным маслом, серый прекрасный лик Падшего ангела, демона по-нашему, доврубелевского еще, чьи волосы по-панковски уложены в форме крыльев Гермеса, портрет этот кисти Фузли, учителя и друга Вильяма Блейка. Блейк, поэзия — главный источник Клементи. Космогония — огонь, земля, вода, метафизика — элементы Клементи. Конечно, затекают абстрактно импрессионисты, и клинопись мешает, как уже виденное, конечно, де Кунинг, скульптура Энди Уорхола — не больше, чем клеймо неоимпрессионизма, видится в нем поэзия, на ней он разводит краску — Блейк, Паунд и битшестидесятники... Конечно, не публицистическая, левая или правая моментальность влияет на него, а духовная суть, спиритуализм ежедневности, искренность, обращение к тексту, да и сам материал художника — бумага,

Francesco Clemente. Illustrations to poems Dead Still, Nose
A Man Put On His Trunks, Lovers.

все идет от поэзии, к этому привел нас итог нашего столетия: поэзия плюс видео, духовное через визуальное, цвет затекает в Слово, и все явственнее проступает тантра бытия. Не клеммы важны — Восток или Запад — а энергия между клеммами.

Не покупайте билетов на КЛМ! Хотите в «Индию духа купить билет»? Купите билет на Клементи.

Запад затекает в Восток.

«Чтобы подняться к вершине, где Рерих, я прошел пешком уйму км,— это уже Клементи,— в деревне Камгра у меня украли сумку со всем, что было... Я был еще молод, беден. Я собрал их, сказал: «Вы не можете так поступать с художником. Отдайте». Утром девочка принесла сумку. Сказала — собака утащила. Собака, видать, у них клептоманка. Я понял — они непредсказуемы. Вчера украли, сегодня вернули. Завтра убьют. Я ушел».

Голубой скульптурный Будда-дитя выставил глиняные коленки, глядя на нас, поедая краденые сладости, еще не застигнутый матерью. Что скажет художник после поездки в Москву? Что различит он? «Аварию, дочь мента»? Субкультуру лимиты?.. Глаза нашего бумажного голода, жрущие ассортимент роскошных сортов бумаги? Уловит ли он сейсмические сдвиги России?

Среди новой лжи нам так необходима живая вода, чистота цвета, непестицидная искренность, нужна зеленая, чуть было не оговорился, «революция». Надо оклематься.

Рим и Мадрас затекают в Нью-Йорк. Куда затекает Россия? «Самое страшное,— шепчет он мне, приближая лицо к лицу,— это ожирение души. В Нью-Йорке душа не жиреет».

Каждый раз Нью-Йорк преподносит вам нечто новенькое. Когда-то — поп-арт, концептуалистов, минималистов, теперь натуральную школу и в ней ментальный цвет Клементи...

Художник современен, суперироничен,

конечно. «Мне не мешает, что Ваши стихи иллюстрировал Шагал,— сказал он.— А даже помогает сделать по-своему». Большая вода времени, вода-92 моментально просыхает на его акварелях.

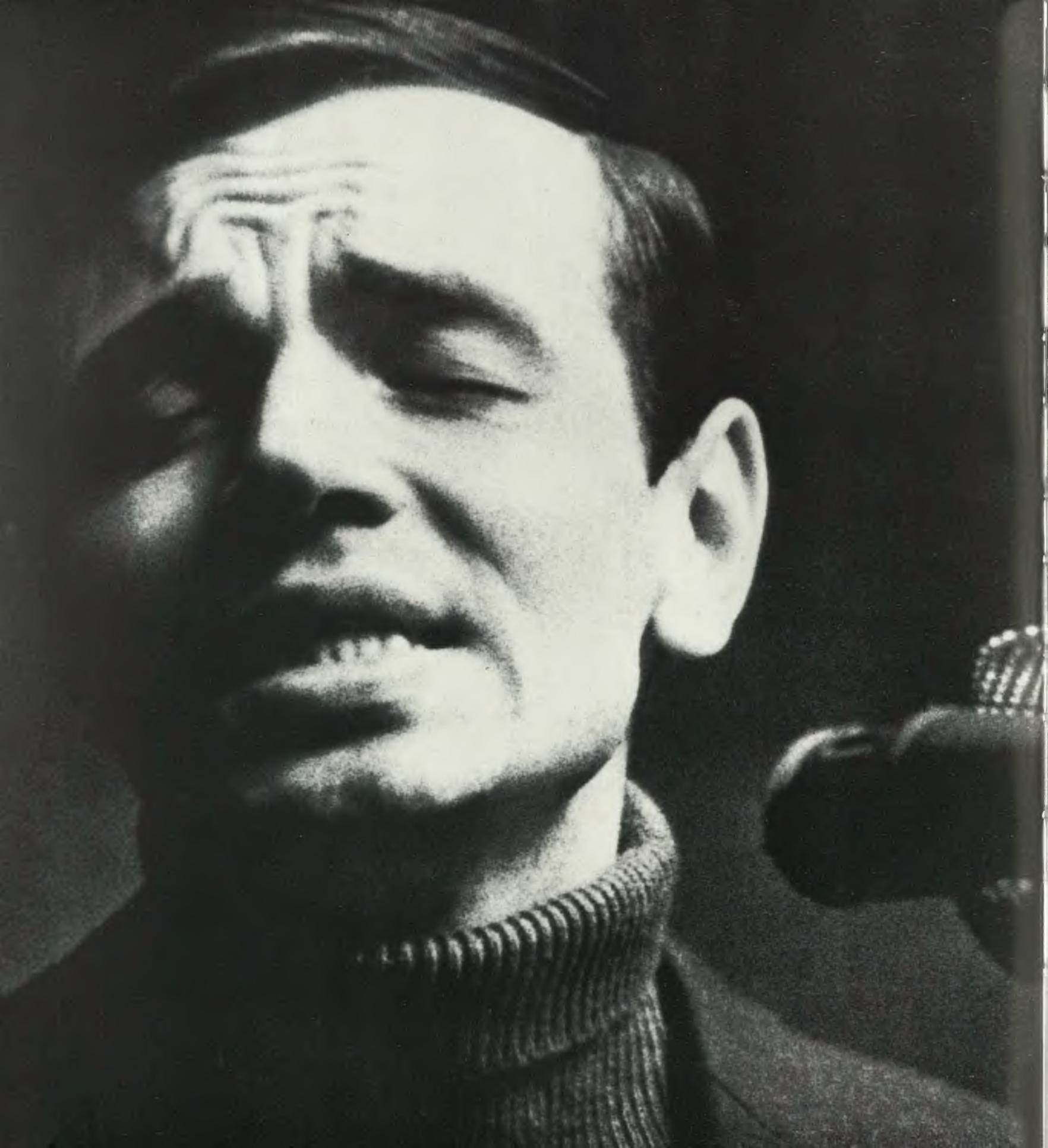
Что-то он скажет завтра, макая кисти в воду 93, 94?

Клементи не лимитирован.

Челси-Отель
3 июня 1991

* * *

Верблюды пишут верлибры
Нимфы рифмуются с отражением
В полусвете воска вокзалов
вязнет моя судьба

РОМАНС

Запомни этот миг. И молодой шиповник.
И на Твоем плече прививку от него.
Я — вечный Твой поэт и вечный Твой любовник.
И — больше ничего.

Запомни этот мир, пока Ты можешь помнить,
а через тыщу лет и более того
Ты вскрикнешь, и в Тебя царапнется шиповник...
И — больше ничего.

1975

Камин мой
 в комнате
 Тебя отсюда и не ждал
 совсем
 мой мертвую душу
 Зажечь
 мою душу жаль

ИЗ ВСЕХ ИСКУССТВ ВАЖНЕЙШИМ ДЛЯ НАС ЯВЛЯЕТСЯ КАМИН
 КН. МЫШКИН

КАМИН

КАИН

с U me in
КАРМЕН

по IV ИНКЕ
ИНКУ

А. МЕНЬ

А. МЕНЬ

А. МЕНЬ

КАМИНЬ

КАМИНОТАВР

КАМИНОТАВР

КАМИН

КАМИН

КАМИН

ГОРИМ!

НИМФИН
МИНФИН

КАМИН

МАТЕМАТИКА

СКУЛЬПТОР СВЕЧЕЙ

Скульптор свечей, я тебя больше года
вылепливал.

Ты — моя лучшая в мире свеча.
Спички потряхиваю, бренча.
Как ты пылаешь великолепно
волей создателя и палача!

Было ль, чтоб мать поджигала ребенка?
Грех работенка, а не барыш.
Разве сжигал своих детищ Коненков?
Как ты горишь!

На два часа в тебе красного воска.
Где-то у коек чужих и афиш
стройно вздохнут твои краткие сестры,
как ты горишь.

Как я лепил свое чудо и чадо!
Весны кадили. Капало с крыш.
Кружится разум. Это от чада.
Это от счастья, как горишь!

Круглые свечи. Красные сферы.
Белый фитиль незажженных светил.
Темное время — вечная вера.
Краткое тело — черный фитиль.

Благодарю Тебя и прощаю
за кратковременность бытия,
пламя, пронзающее без пощады
по позвоночнику фитиля.

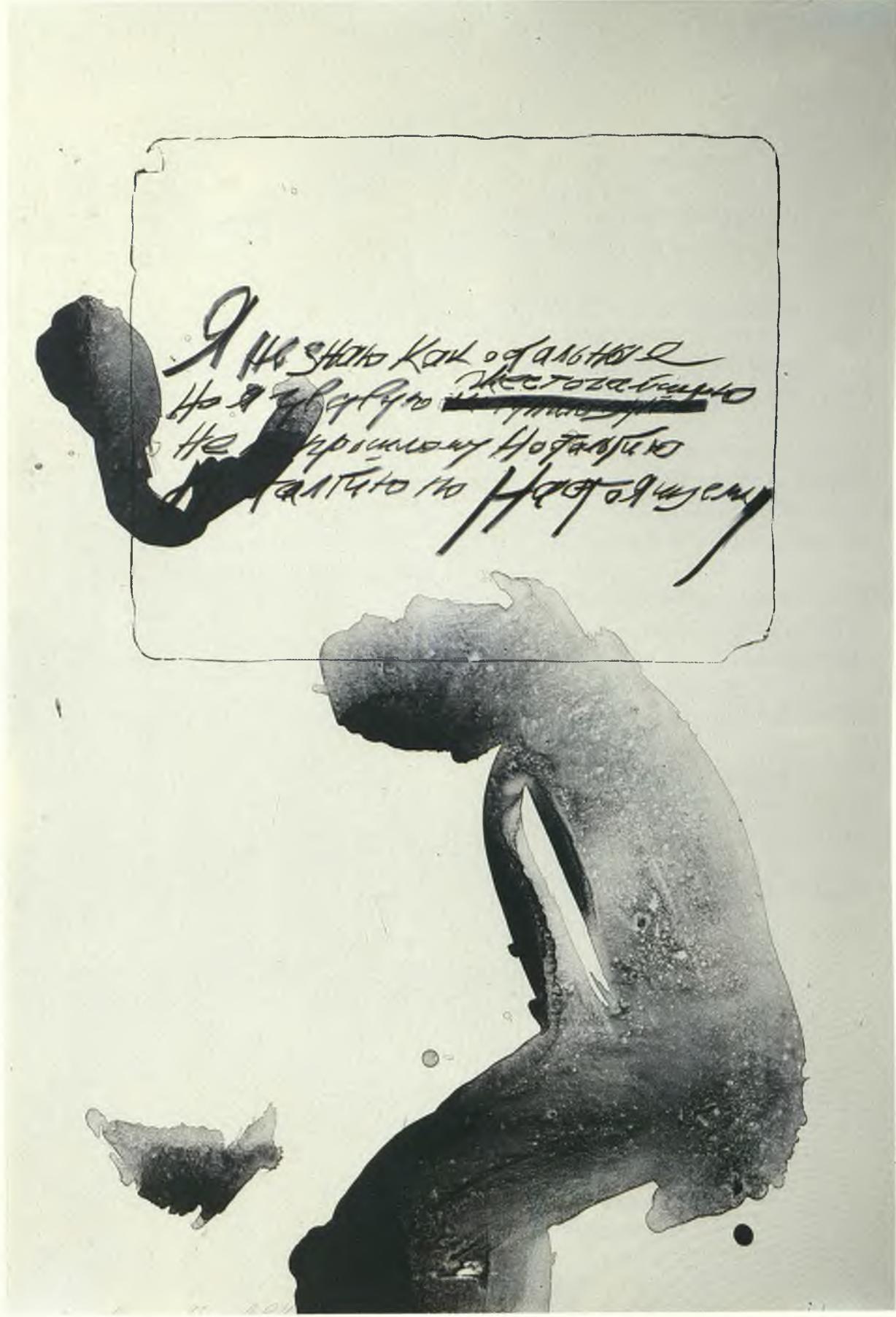
Благодарю, что на миг озаримо
мною лицо Твое и жильё,
если Ты верно назвал свое имя,
значит, сгораю во имя Твое.

Скульптор свечей, я тебя позабуду,
скутер найму, умотаю отсюда,
свеч наштампую голый столбняк.
Кашляет ворон ручной от простуды.
Жизнь убывает, наверное, так,
как сообщающиеся сосуды,
вровень свече убывает в бутылке коньяк.

И у свечи, нелюбимой покуда,
темный нагар на реснице набряк.

1977

А. Либерман совместно с Вознесенским. Ностальгия по настоящему. 1978 г.
Nostalgia For The Present (in collaboration with A. Liberman).

ХУДОЖНИК И МОДЕЛЬ

Ты кричишь, что я твой изувер,
и, от ненависти хорошея,
изгибаешь, как дерзкая зверь,
голубой позвоночник и шею.

Недостойную фразу твою
не стерплю, побледнею от вздору,
Но тебя я боготворю.
И тебе стать другой не позволю.

Эй, послушай! Покуда я жив,
жив покуда,
будет люд тебе в храмах служить,
на тебя молясь, на паскуду.

1973

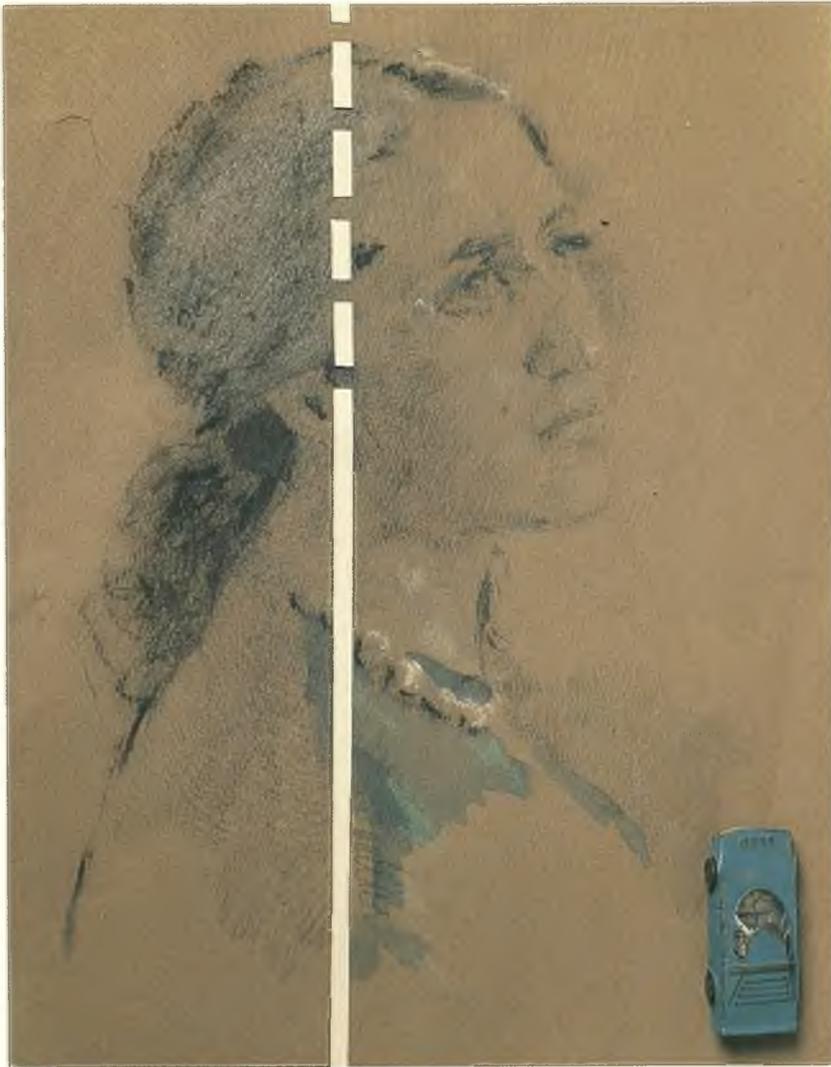

«Книжная палата» — 1952 г.

Отмычка слезой — техника архитектурной графики, когда тени покрываются до 40—50 раз слабым раствором тертой туши. Этим достигается воздушность. «Книжная палата» — работа автора в бытность его студентом I-го курса Московского архитектурного института. Амбирный особняк князя Гагарина (арх. И. Бове) — один из сгоревших шедевров московского зодчества. Платочек прилагается для ностальгических слез.

Chamber of Books. Washing-off in Tears.

In architectural graphic a method of washing off is employed whereby shadows are covered 40 to 50 times by light ink solution in order to get the effect of airiness. The piece is made by the author as the first year student of Architecture Institute, Moscow. Empire mansion, once belonging to Prince Gagarin, has been destroyed by a fire. The handkerchief is meant to dry nostalgic tears.

Дорога на Сенеж. Портрет дочери художника Фрих-Хара.
Уголь, акварель, белила. 1956 г.

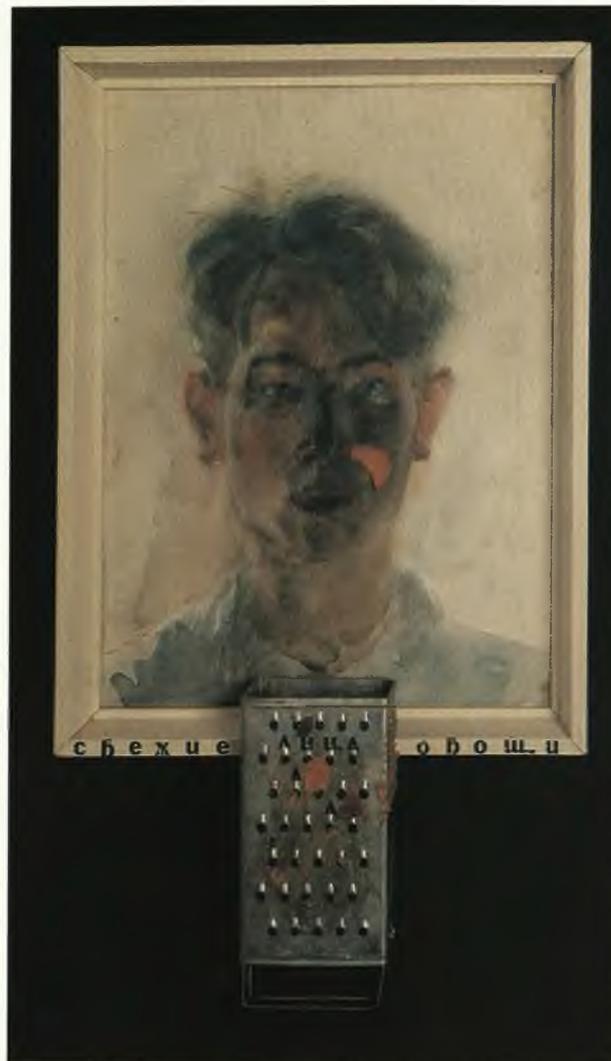
Road To Senezh. Black ink, water-color, whiting.

Portrait of Artist Frih-Har's Daughter.

Мороз. Акварель по-сырому,
замерзшая на морозе. 1954 г.

Frost. Water-colour frozen in subzero temperature.

Свежие овощи лица.
Акварель, терка, морковь, свекла. 1956 г.
Fresh Vegetables of the Face. Water-color.

Воспоминание о вкусе. Акварель 1954 г.

Возьмите натюрморт из двух рыб, томата и головки лука, очистите от стекла и рамки, залейте водой в кастрюле — думайте, думайте о вкусе рыбы. Вода зарядится вашей памятью. Добавьте соли по вкусу. Осторожно разлейте по тарелкам. Зелень по вкусу.

Taste's Memory, water-color.

Take a still-nature depicting two fish, tomato and an onion, peel off the glass, put into a casserole, pour water in — and go on thinking of fish' taste so that your memory charges the water. Add a pinch of salt, chopped herbs to suit your taste and serve carefully.

Ну что тебе надо еще от меня?
Чугунна ограда. Улыбка темна.
Я музыка горя, ты музыка лада,
ты яблоко ада, да не про меня!

На всех континентах твои имена
прославил. Такие отгрохал лампы!
Ты музыка счастья, я нота разлада.
Ну что тебе надо еще от меня?

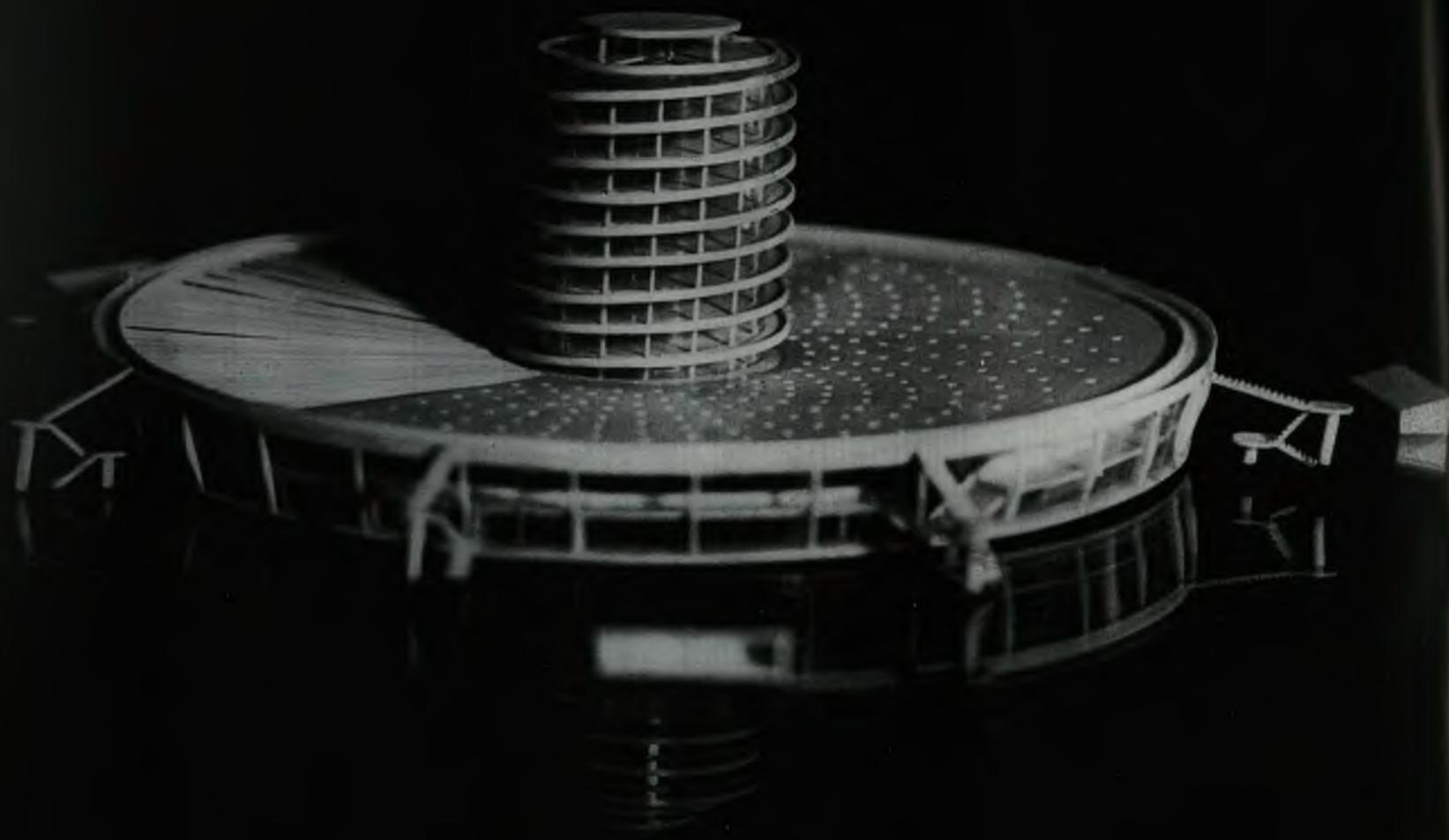
Смеялась: «Ты ангел?» — я лгал, как змея.
Сказала: «Будь смел» — не вылез из спален.
Сказала: «Будь первым» — я стал гениален,
ну что тебе надо еще от меня?

Исчерпана плата до смертного дня.
Последний горит под твоим снегопадом.
Был музыкой чуда, стал музыкой яда,
ну что тебе надо еще от меня?

Но и под лопатой спую, не вина:
«Пусть я удобренье для божьего сада,
ты — музыка чуда, но больше не надо!
Ты случай досады. Играй без меня».

И вздрогнули складни, как створки окна.
И вышла усталая и без наряда.
Сказала: «Люблю тебя. Больше нет сладу.
Ну что тебе надо еще от меня?»

1971

Дипломный проект строительной выставки в Москве. 1957 г.
Diploma design for Civic Engineering Expo in Moscow.

№ 1:1000

ноэтарх

ДИАМЕТР ШАРА ≈ 25 м.

-ФУАЛЕРГ ТОЧКИ ОПОРЫ - 3.
ПРИНЦИП КОМУЮЩЕГО МОНУМЕНТА
НА 3-х ПОДУВАХ ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ.
ТРОССЫ С БУКВЕННЫМ ОПЕРЕНИЕМ,
ПОДУВНОМ ПОДНИТМЕ, ПАРЯТ,
ПО ФОРМЕ ВОСХОДИТ К ЦВЕТКУ РЕПЕЙНИКА
(ПОВЕСТЬ ТРАСТОВОГО „ХААЖИ МУГАТ“)

№ 1:150

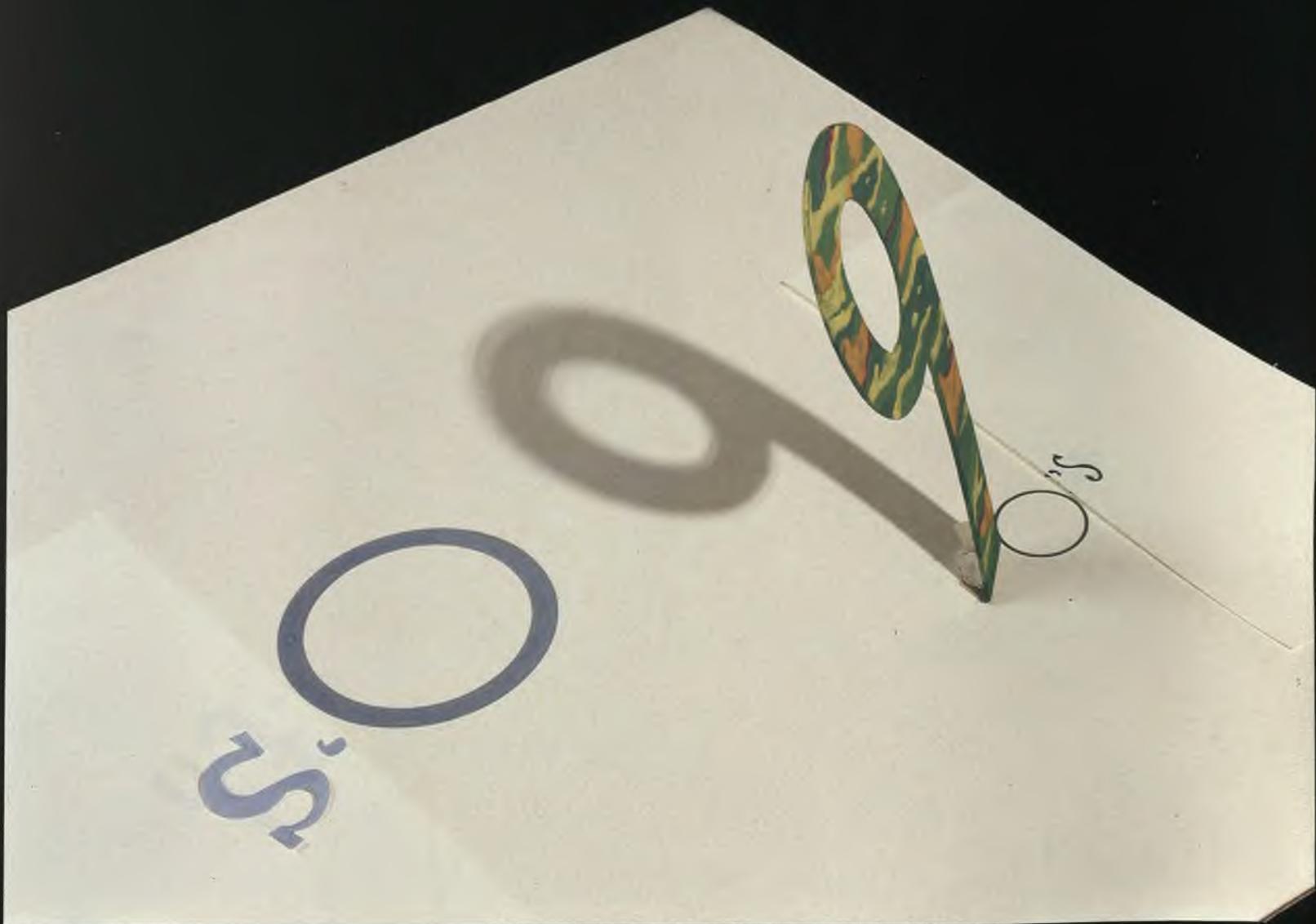
150 0 150 300 450 600 750 900 1050 1200

АРХИТЕКТОР ПРОЕКТА

АРХ.

Андрей Вилков

Проект «Поэтарха». Для Парижской выставки. 1980 г.
Architectural project for Paris Expo.

Девяностые — эхо шестидесятых. 1990 г.
Подготовка экспозиции выставки видеом в галерее
«Спероне-Вестуотер». Нью-Йорк 1992 г.

The 90s Echoing the 60s.
Preparing for Videoms' Exhibition at Sperone Art Gallery, West Water, New
York.

В ТОПОЛЯХ

Эти встречи второпях,
этот шепот торопливый,
этот ветер в тополях —
хлопья спальни тополиной!

Торопитесь опоздать
на последний рейс набитый.
Торопитесь обождать!
Торопитесь, торопитесь!

Торопитесь опоздать
к точным глупостям науки,
торопитесь опознать
эти речи, эти руки.

Торопитесь опоздать,
пока живы — опоздайте.
Торопитесь дать под зад
неотложным вашим датам...

Господи, дай опоздать
к ежедневному набору,
ко всему, чья ипостась
не является Тобою!..

Эти шавки в воротах.
Фары вспыхнувшим рапидом.
У шофера — второй парк.
Ты успела? Торопитесь...

1982

Родился в Москве. А в детстве жила у бабушки под Владимиром. Владимирский собор и собор на Нерли я видел раньше, чем все остальное. Мой прапрадед был архимандритом в Муроме. Его светская фамилия — Андрей Полисадов. Я нашел его могилу. Отец мой и мать не говорили мне до смерти Сталина, кто был мой предок, — боялись, что я протреплюсь в школе и у отца будут неприятности на работе. Имя Вознесенский означает, что человек окончил духовную семинарию.

Может быть, поэтому меня с первых стихов тянуло писать о Покрове на Нерли, Василии Блаженном, влекли темы Нового Завета, православный словарь, за который меня попрекали, литургические ритмы — все это само проступало сквозь нашу приклатненно научно-техническую феню, все это помимо моей воли, все время хотелось разобраться с Богом, понять его в себе, это в генах, наверное...

* * *

Можно и не быть поэтом,
но нельзя терпеть, пойми,
как кричит полоска света,
прищемленная дверьми!

* * *

Суздальская Богоматерь,
сияющая на белой стене,
как кинокассирша
в полукруглом овале окошечка!

Дай мне
билет,
куда не допускают
после шестнадцати...

МАСЛИЧНАЯ ВЕТВЬ

На склоне
лет земных
гляжу с горы Масличной.
Это я, Господи!
Петуший крик
стал куполом яичным,
это Ты, Господи.
Облаянный,
в парах бензина —
это я, Господи.
В кофейных парусах
Ерусалима —
это Ты, Господи.
Отцовский голос слышу
над долиной.
И чаша пропасти
неотвратима —
это Ты, Господи.

Я выполнил, Отец,
твою программу,
Но сколько во мне теплого
и костного ...
Я мел душою,
как метлой поганой,
Прими, Господи,
социалистического пилигрима.
Это мы, Господи,
с моим народом

веру погребли мы
и сорим в космосе.
Маслины
слепли от машины.
И куполами
в сумерках круглы
объятья русской Магдалины
сомкнулись
над коленями горы.

И страшный путь
шел в небо прогибаясь,
как ванты Крымского моста.
И въелась в камни, спотыкаясь,
тень от креста.
Путь жизни близок
к высшей точке.
И листики маслин,
размером точно в эти строчки,
записывали за ним.
Я — ветка Божья
северной долины,
где избы горбятся.
Присутствие любви
неодолимой —
это Ты, Господи.

Где ошибался, волком жил
с волками —
это я, Господи.

Все, что я спел
от «а» до «я» стихами,—
это Ты, Господи.

*Иерусалим
Масличная гора
26 октября 1989 г*

Камин
Мое
настроение
в кошмарной ситуации
Тедд оживает и не скрывает
своего
моего мертвого духа
Закрывает
моего духа снова

ИСКУССТВО ВАЖНЕЙШЕЕ ДЛЯ НАС ЯВЛЯЕТСЯ КАМИН
КН. МЫШКИН

САГА

Ты меня на рассвете разбудишь,
проводить необутая выйдешь.
Ты меня никогда не забудешь.
Ты меня никогда не увидишь.

Заслонивши тебя от простуды,
я подумаю: «Боже всевышний!
Я тебя никогда не забуду.
Я тебя никогда не увижу».

Эту воду в мурашках запруды,
это Адмиралтейство и Биржу
я уже никогда не забуду
и уже никогда не увижу.

Не мигают, слезятся от ветра
безнадежные карие вишни.
Возвращаться — плохая примета.
Я тебя никогда не увижу.

Даже если на землю вернемся
мы вторично, согласно Гафизу,
мы, конечно, с тобой разминемся.
Я тебя никогда не увижу.

И окажется так минимальным
наше непониманье с тобою
перед будущим непониманьем
двух живых с пустотой неживою.

И качнется бессмысленной высью
пара фраз, залетевших отсюда:
«Я тебя никогда не забуду.
Я тебя никогда не увижу».

1977

Не возвращайтесь к былым возлюбленным,
былых возлюбленных на свете нет.
Есть дубликаты — как домик убранный,
где они жили немного лет.

Вас лаем встретит собачка белая,
и расположенные на холме
две рощи — правая, а позже — левая —
повторят лай про себя, во мгле.

Два эха в рощах живут отдельные,
как будто в стереоколонках двух,
все, что ты сделала и что я сделаю,
они разносят по свету вслух.

А в доме эхо уронит чашку,
ложное эхо предложит чай,
ложное эхо оставит на ночь,
когда ей надо бы закричать:

«Не возвращайся ко мне, возлюбленный,
мы были раньше, нас больше нет,
две изумительные изюминки,
хоть и расправятся тебе в ответ...»

А завтра вечером, на поезд следуя,
вы в речку выбросите ключи,
и роща правая, и роща левая
вам вашим голосом прокричит:

«Не покидайте своих возлюбленных.
Былых возлюбленных на свете нет...»

Но вы не выслушаете совет.

1974

СОН

Мы снова встретились. И нас
везла машина грузовая.
Влюбились мы — в который раз,
Но ты меня не узнавала.

Меня ты привела домой.
Любила и любовь давала.
Мы годы прожили с тобой.
Но ты меня не узнавала!

1972

ОГЛЯНИСЬ ВПЕРЕД

Мы летим вперед,
а глядим назад.
Какой раньше рай!
Какой раньше ад!

Мой родной народ,
оглянься вперед!

БЕЗОТЧЕТНОЕ

Изменяйте дьяволу, изменяйте черту,
но не изменяйте чувству безотчетному!

Есть в душе у каждого, не всегда отчетливо,
тайное отечество безотчетное.

Женщина замешана в нем темноочевая,
ты — мое отечество безотчетное!

Гуси ль быстротечные вытянут отточие —
это безотчетное, это безотчетное,

осень ли настояна на лесной рябине,
женщины ль постукают четками грибными,
иль перо обронит птица неученая —
как письмо в отечество безотчетное...

Шинами обуется, мантией почетною —
только не обучитесь безотчетному.

Без него вы маетесь, точно безотцовщина,
значит, начинается безотчетное.

Это безответное, безотчетное
над рискованной пропастью вам пройти нашептывает...

Когда черти с хохотом вас подвешат за ноги,
«Что еще вам хочется?» — спросят вас под занавес.

— Дайте света белого, дайте хлеба черного
и еще отечество безотчетное!

1979

НОСТАЛЬГИЯ ПО НАСТОЯЩЕМУ

Я не знаю, как остальные,
но я чувствую жесточайшую
не по прошлому ностальгию —
ностальгию по настоящему.

Будто хочет послушник к Господу,
ну а доступ лишь к настоятелю —
так и я умоляю доступа
без посредников к настоящему.

Будто сделал я что-то чуждое,
или даже не я — другие.
Упаду на поляну — чувствую
по живой земле ностальгию.

Нас с тобой никто не расколлет,
но когда тебя обнимаю —
обнимаю с такой тоскою,
будто кто тебя отнимает.

Одиночества не искупит
в сад распахнутая столярка.
Я тоскую не по искусству,
задыхаюсь по-настоящему.

Все из пластика — даже рубища,
надоело жить очерково.
Нас с тобою не будет в будущем,
а церковка...

И когда мне хохочет в рожу
идиотствующая мафия,
говорю: «Идиоты — в прошлом.
В настоящем — рост понимания».

Хлещет черная вода из крана,
хлещет ржавая, настоявшаяся,
хлещет красная вода из крана,
я дождусь — пойдет настоящая.

Что прошло, то прошло. К лучшему.
Но прикусываю как тайну
ностальгию по настоящему
что настанет. Да не застану.

1975

ЯБЛОКОПАД

Я посетил художника после кончины
вместе с попутной местной чертовкой.
Комнаты были пустынные, как рамы, что без картины.
Но из одной доносился Чайковский.

Припоминая пустые залы,
с гостьей высокой в афроприческе,
шел я, как с черным воздушным шаром.
Из-под дверей приближался Чайковский.

Женщина в кресле сидела за дверью.
40 портретов ее окружали.
Мысль, что предшествовала творенью,
сделала знак, чтобы мы не мешали.

Как напряженна работа натурщицы!
Мольберты трудились над ней на треногах.
Я узнавал в их все новых конструкциях
характер мятущийся и одинокий —

то гвоздь, то три глаза, то штык трофейный,
как он любил ее в это время!
Не находила удовлетворенья
мысль, что предшествовала творенью.

Над батареею отопленья
крутился Чайковский, трактуемый Геной
Рождественским. Шар умолял его в небо
выпустить. В небе гроза набрякла.
Туча пахла, как мешок с яблоками.

Это уже ощущалось всеми:
будто проветривали помещение —
мысль, что предшествовала творенью,
страсть, что предшествовала творенью,
тоска, предшествующая творенью,
шатала строения и деревья!

Мысль в виде женщины в кресле сидела.
Была улыбка — не было тела.
Мысль о собаке лизала колени.
Мыслью о море стояла аллея.
Мысль о стремянке, волнуя, белела —
в ней перекладина, что отсутствовала,
мыслью о ребре присутствовала.

Съезжалось общество потребления.
Мысль о яблоке катилась с тарелки.
Мысль о тебе стояла на тумбочке.
«Как он любил ее!» — я подумал.
«Да», — ответила из передней
недоуменная тьма творенья.

Вот предыстория их отношений.
Вышла студенткой. Лет было мало.
Гения возраст — в том, что он гений.
Верила, стало быть, понимала.
Как он ревнует ее, отошедши!
Попробуйте душ принять в его ванной —
душ принимает его очертанья.
Роман их длится не для посторонних.

Переворачивался двусторонний
Чайковский. В мелодии были стоны
антоновских яблонь. Как мысль о создателе,
осень стояла. Дом конопатили.

Шар об известку терся щекою.
Мысль обо мне заводила Чайковского,
по старой памяти, над парниками.

Он ставил его в шестьдесят четвертом.
Гости в это не проникали.
«Все оправдалось, мэтр полуголый,
что вы сулили мне в стенах шершавых
гневным затмением лысого шара,
локтями черными треугольников».

Море сомнительное манило.
Сохла сомнительная малина.
Только одно не имело сомненья —
мысль о бессмысленности творенья.

Цвела на террасе мысль о терновнике.
Благодарю вас, мэтр современный!
Что же есть я? Оговорка мысли?
Грифель, который тряпкою смыли?
Я не просил, чтоб меня творили!
Но заглушал мою говорильню
смысл совершаемого творенья —
ссылка на Бога была б трафаретной —
Материя. Сад. Чайковский, наверное.

Яблоки падали. Плакали лабухи.
Яблок было — гребни лопатой!
Я на коленях брал эти яблоки
яблокопада, яблокопада.
Я сбросил рубаху. По голым лопаткам
дубасили, как кулаки прохладные.
Я хохотал под яблокопадом.
Не было яблонь — яблоки падали.
Связал рукавами рубаху казнимую.
Набил плодами ее, как корзину.
Была тяжела, шевелилась, пахла.
Я ахнул —
сидела женщина в мужской рубахе.

Тебя я создал из падших яблок,
из праха — великую, беспризорную!
Под правым белком, косящим набок,
прилипла родинка темным зернышком.
Был я соавтором сотворенья.

Из снежных яблок так во дворе мы
бабу слепляем. Так на коленях
любимых лепим. Хозяйке дома
тебя представил я гостьей якобы.

Ты всем гостям раздавала яблоки.
И изъяснялась по-черноземному.

Стояла яблонная спасительница,
моя стеснительная сенсация.

Среди диванов глаза просили:
«Сенца бы!»
Откуда знать тебе, улыбавшейся,
в рубашке, словно в коротком платьице,
что, забывшись, влюбишься, сбросишь рубашку
и как шары по земле раскатишься!..

Над автобусной остановкой
туча пахла, как мешок с антоновкой.
Шар улетал. В мире было ветрено.
Прощай, нечаянное творенье!

Вы ночевали ли в даче создателя,
на одиночестве колких дерюжиц?
И проносилось в вашем сознании:
«Благодарю за то, что даруешь».

Благодарю тебя, автор творенья,
что я случился частью твоею,
моря и суши, сада в Тарусе,
благодарю за то, что даруешь,
что я не прожил мышкой-норушкой,
что не двурушничал с тобой, время,
даже когда ты мне даришь кукиш,
и за удары остервенелые,
даже за то, что дошли до ручки,
даже за это стихотворенье,
даже за то, что завтра задуешь,—
благодарю тебя, что даруешь
краткими яблоками коленей!

За гениальность твоих натурщиц,
за безымянность твоей идеи...

И повторяли уже в сновиденье:
«Боготворю за то, что даруешь».

В мир открывались ворота ночные.
Вы уезжали. Собаки выли.
Не посещайте художника после кончины,
а навещайте, пока вы живы.

1981

НОЧЬ

Сколько звезд!
Как микробов
в воздухе...

1963

ТИШИНЫ!

Тишины, хочу тишины!..
Нервы, что ли, обожжены?
Тишины...

чтобы тень от сосны,
щекоча нас, перемещалась,
холодящая, словно шалость,
вдоль спины, до мизинца ступни.

Тишины...

Звуки будто отключены.
Чем назвать твои брови с отливом?
Понимание —
молчаливо.

Тишины.

Звук запаздывает за светом.
Слишком часто мы рты разеваем.
Настоящее — неназываемо.
Надо жить ощущением, цветом.

Кожа тоже ведь человек,
с впечатленьями, голосами.
Для нее музыкально касанье,
как для слуха — поет соловей.

Как живется вам там, болтуны,
на низинах московских, аральских?
Горлопаны, не наорались?

Тишины...

Мы в другое погружены:
В ход природ неисповедимый.
И по едкому запаху дыма
мы поймем, что идут чабаны.

Значит, вечер. Вскипает приварок.
Они курят, как тени тихи.

И из псов, как из зажигалок,
Светят тихие языки.

1963

Камин мой
в ~~каминной~~ ^{подруге} ~~ситуа~~
Тех ~~орудия~~ ^{и не сжигу}
сжигу
мой ~~метелю~~ ^{душу}
Закле
мой ~~душу~~ ^{сжигу}

ИЗ ВСЕХ ИСКУССТВ ВАЖНЕЙШИМ ДЛЯ НАС ЯВЛЯЕТСЯ КАМИН
КН МЫШКИН

КАМИН

КАМИН

с Ume In
КАРМЕН

по IV ИЖЕ
ИЖЕ

КАМИН

КАМИН

А.МЕНЬ

КАМИН

КАМИН

КАМИНОТАВР

КАМИН

КАМИН

КАМИН

ГОРИМ

НИМФИН
МИНФИН

КАМИН

ОСЕНЬ В СИГУЛДЕ

Свисаю с вагонной площадки,
прощайте,

прощай, мое лето,
пора мне,
на даче стучат топорами,
мой дом забивают дощатый,
прощайте,

леса мои сбросили кроны,
пусты они и грустны,
как ящик с аккордеона,
а музыку — унесли,

мы — люди,
мы тоже порожни,
уходим мы,
 так уж положено,
из стен, матерей и из женщин,
и этот порядок извечен,

прощай, моя мама,
у окон
ты станешь прозрачно, как кокон,
наверно, умаялись за день,
присядем,
друзья и враги, бывайте,
гуд бай,
из меня сейчас
со свистом вы выбегаете,
и я ухожу из вас,
о родина, попрощаемся,
буду звезда, ветла,

не плачу, не попрошайка,
спасибо, жизнь, что была,

на стрельбищах
в 10 баллов
я пробовал выбить 100,
спасибо, что ошибался,
но трижды спасибо, что

в прозрачные мои лопатки
вошла гениальность, как
в резиновую перчатку
красный мужской кулак,

«Андрей Вознесенский» — будет,
побыть бы не словом, не бульдиком,
еще на щеке твоей душной —
«Андрюшкой»,

спасибо, что в рощах осенних
ты встретила, что-то спросила
и пса волокла за ошейник,
а он упирался,
спасибо,
но вот ты уходишь, уходишь,
как поезд отходит, уходишь...

из пор моих полых уходишь,
мы врозь друг из друга уходим,
чем нам этот дом неуютен?
ты рядом и где-то далеко,
почти что у Владивостока,

я знаю, что мы повторимся
в друзьях и подругах, в травинках,
нас этот заменит и тот —
«природа боится пустот»,

спасибо за сдутые кроны,
на смену придут миллионы,
за ваши законы — спасибо,

но женщина мчится по склонам,
как огненный лист за вагоном...

Спасите!

Не узнаю окружающего.

Вещи остались теми же, но частицы их, мигая, изменяли очертания, как лампочки иллюминации на Центральном телеграфе.

Связи остались, но направление их изменилось.

Мужчина стоял на весах. Его вес оставался тем же.

И нос был на месте, только вставлен внутрь, точно полый чехол кинжала. Неумещающийся кончик торчал из затылка.

Деревья лежали навзничь, как ветвистые озера, зато тени их стояли вертикально, будто их вырезали ножницами. Они чуть погромыхивали от ветра, вроде серебра от шоколада.

Глубина колодца росла вверх, как черный сноп прожектора. В ней лежало утонувшее ведро, и плавали кусочки тины.

Из трех облачков шел дождь. Они были похожи на пластмассовые гребенки с зубьями дождя. (У двух зубья торчали вниз, у третьего — вверх.)

Ну и рокировка! На место лады генуэзской башни встала колокольня Ивана Великого. На ней, не успев растаять, позвякивали сосульки.

Страницы истории были перетасованы, как карты в колоде. За социалистической революцией следовало нашествие Батыея.

У циклотрона толпилась очередь. Проходили профилактику. Их разбирали и собирали. Выходили обновленными.

У одного ухо было привинчено ко лбу с дырочкой посредине вроде зеркала отоларинголога.

«Счастливец,— утешали его.— Удобно для замочной скважины! И видно и слышно одновременно».

А эта требовала жалобную книгу. «Сердце забыли положить, сердце!» Двумя пальцами он выдвинул ей грудь, как правый ящик письменного стола, вложил что-то и захлопнул обратно.

Экспериментщик Ъ пел, пританцовывая.

«Е9-Д4,— бормотал экспериментщик.— О таинство творчества! От перемены мест слагаемых сумма не меняется. Важно сохранить Систему. К чему поэзия? Будут роботы. Психика — это комбинация аминокислот...

Есть идея! Если разрезать земной шар по экватору и вложить одно полушарие в другое, как половинки яичной скорлупы...

Конечно, придется спилить Эйфелеву башню, чтобы она не проткнула поверхность в районе Австралийской низменности.

Правда, половина человечества погибнет, но зато вторая вкусит радость эксперимента! ..»

И только на сцене Президиум сохранял полный порядок. 16 его членов сияли, как яйца в аппарате для просвечивания яиц. Они были круглы и поэтому одинаковы со всех сторон. И лишь у одного над столом вместо туловища торчали ноги подобно трубам перископа.

Но этого никто не замечал.

Докладчик выпятил грудь. Но голова его, как у целлулоидного пупса, была повернута вперед затылком. «Вперед, к новым победам!» — призывал докладчик. Все соглашались.

Но где перед?

Горизонтальная стрелка указателя (не то «туалет», не то «к новым победам!») торчала вверх на манер десяти минут третьего. Люди продолжали идти целеустремленной цепочкой по ее направлению, как по ступеням невидимой лестницы.

Никто ничего не замечал.

НИКТО

Над всем этим, как апокалипсический знак, горел плакат: «Опасайтесь случайных связей!» Но кнопки были воткнуты острием вверх.

НИЧЕГО

Иссиня-черные брови были нарисованы не над, а под глазами, как тени от карниза.

НЕ ЗАМЕЧАЛ.

МОЖЕТ, ЕЕ НАЗЫВАЮТ ОЗА?

БОЙ ПЕТУХОВ

Петухи!
Петухи!
Потуши!
Потуши!
Спор шпор,
ну-ка-рехнулись!
Урарь!
Ху-ха...
Кухарка
харакири
хор
(у, икающие хари!)

«Ни фиги себе Икар!»

хр-ррр!

Какое бешеное счастье,
хрипя воронкой горловой,
под улюлюканье промчатся
с оторванною головой!

Забыв, что мертв, презрев природу,
по пояс в дряни бытия,
по горло в музыке восхода —
забыться до бессмертия!
Через заборы, всех беся, —
на небеса!

Там, где гуляют грандиозно
коллеги в музыке лугов,
как красные аккордеоны
с клавиатурами хвостов.

Таганка. Генеральная репетиция запрещенного спектакля «Берегите ваши лица». 1975 г.
Dress Rehearsal of Save Your Faces! (subsequently banned)

О лабухи Иерихона!
Империи и небосклоны.
Зареванные города.
Серебряные голоса.

(А кошка, злая, как оса,
не залетит на небеса.)

Но по ночам их кличет пламенно
с асфальтов, жилисто-жива,
как орден Трудового Знамени
оторванная голова.

1968

ПРОЩАНИЕ С МИКРОФОНОМ

Театр отдался балдежу.
Толпа ломает стены.
Но я со сцены ухожу.
Я ухожу со сцены.
Я, микрофонный человек,
я вам пою век целый,
Меня зовут — XX век.
Я ухожу со сцены.

Со мной уходят города
и стереосистемы,
грех опыта, цвета стыда,
науки «нотабене»,
и одиночества орда —
вы все уходите туда —
и в микрофонные года
уходит сцена.

На ней и в годы духоты
сквозило переменой.
Вожди вопили : «Уходи!»
Я выходил на сцену.

Я не был для нее рожден.
Необъяснима логика.
Но дышит рядом стадион,
как выносные легкие.

Мы на единственной в стране
площадке без цензуры
смысл музыки влагали в не-
цензурные мишуры.

Звучит сейчас везде она,
Пой, птица, без решеток!
Скучна
мне сцена разрешенных.

К тебе приду еще не раз —
уткнусь в твои колена.
Нам невозможно жить без нас!
Я ухожу со сцены.

Люблю твоих конструкций ржу,
как лапы у сирены.
Но я со сценой ухожу,
я ухожу со сценой.

Мчим к голографий рубежу.
Там сцены нет, что ценно.
Но я со сценой ухожу,
я ухожу со сценой.

Благодарю, что жизнь дала,
и обняла со всеми,
и посадила на крыла.
Они зовутся Время.

Но в новых снах, где ночь и Бог,
мне будет сцена сниться —
как с черной точкою желток,
который станет птицей.

1990

30 ноября 1962 года поэзия впервые в истории вышла на стадион Лужников. Это стало датой рождения стадионной поэзии. Помню, как трудно было «взять» этот не приспособленный для поэзии зал, с неотлаженными микрофонами.

Захотелось набрать полные легкие и крикнуть, 60-е годы нашли себя в синтезе слова и сцены, хепенинга.

★ ★ ★

В. Шкловскому

— Мама, кто там вверху, голенастенький —
руки в стороны — и парит?

— Знать, инструктор лечебной гимнастики.
Мир не может за ним повторить.

1972

Стихи не пишутся — случаются,
как чувства или же закат.
Душа — слепая соучастница.
Не написал — случилось так.

1973

МАТЬ

Охрани, Провидение, своим махом шагреновым,
пощади ее хижину —
мою мать — Вознесенскую Антонину Сергеевну,
урожденную Пастушихину.

Воробьишко серебряно пусть в окно постучится:
«Добрый день, Антонина Сергеевна,
урожденная Пастушихина!»

Дал отец ей фамилию, чтоб укутать от Времени.
Ее беды помиловали, да не все, к сожалению.

За житейские стыни, две войны и пустые деревни
родила она сына и дочку, Наталью Андреевну.

И, зайдя за калитку, в небесах над речушкою
подарила им нитку — уток нитку жемчужную.

Ее серые взоры, круглый лоб без морщинки,
коммунальные ссоры утишали своей беззащитностью.

Любит Блока и Сирина, режет рюмкой пельмени.
Есть другие россии. Но мне эта милее.

Что наивно просила, насмотревшись по телику:
«Чтоб тебя не убили, сын, не ездил в Америку...»

Назовите по имени веру женскую,
независимую пустыenniцу —
Антонину Сергеевну Вознесенскую,
урожденную Пастушихину.

1978

С. Аверинцеву

С иными мирами связывая,
глядят глазами отцов
дети —
широкоглазые
перископы мертвецов.

1975

М. Шагал.
Иллюстрация к стихотворению «Живое озеро». 1972 г.
M. Chagall. Illustration to poem Holocaust Lake.

ЖИВОЕ ОЗЕРО

*Певзнер 1903, Бирман 1938,
Бирман 1941, Дробот 1907 ...*

Наши кеды как приморозило.
Тишина.
Гетто в озере. Гетто в озере.
Три гектара живого дна.

Гражданин в пиджачке гороховом
зазывает на славный клев,
только кровь
на крючке его крохотном,
кровь!

Не могу,— говорит Володька,—
а по рылу — могу,
это вроде как
не укладывается в мозгу!

Я живую водой умоюсь,
может, чью-то жизнь расплещу.
Может, Машеньку или Мойшу
я размазываю по лицу.

Ты не трожь воды плоскодонкой,
уважаемый инвалид,
ты пощупай ее ладонью —
болит!

Может, так же не чьи-то давние,
а ладони моей жены,
плечи, волосы, ожидание
будут кем-то растворены?

А базарами колоссальными
барабанит жабрами в жесть
то, что было теплом, глазами,
на колени любило сесть...

— Не могу,— говорит Володька,—
лишь зажмурюсь — в чугунных ночах,
точно рыбы на сковородках,
пляшут женщины и кричат!

Третью ночь, как Володька пьет,
И ночами зовет с обрыва.
И к нему
является
рыба
чудо-юдо озерных вод!

«Рыба,
 летучая рыба,
 с гневным лицом мадонны,
 с плавниками, белыми,
 как свистят паровозы,
рыба,

Рива тебя звали,
 золотая Рива,
 Ривка, либо как-нибудь еще,
с обрывком
 колючки проволоки или рыболовным крючком
 в верхней губе, рыба,
рыба боли и печали,
 прости меня, прокляни, но что-нибудь ответь...»

Ничего не отвечает рыба.
Тихо.
Озеро приграничное.
Три сосны.

Изумленнейшее хранилище
жизни, облака, вышины.

Бирман 1941, Румер 1902, Бойко оба 1933...

1965

Стихотворение «Живое озеро» иллюстрировал М. Шагал. Изд-во «Галлимар» поместило этот рисунок на обложку моей книги «Скрытымным». Стихи эти были написаны во время обязательной после института военной стажировки, там, под городом Ивано-Франковском, бывшем Станиславе, во время войны нацисты расстреляли Гетто.

В Штатах после чтения этих стихов в Ричмондском университете ко мне подошла женщина, чудом уцелевшая ребенком во время расстрела. Теперь она там профессор истории. Эта тема геноцида эхом продолжилась в поэме «Ров» — в Крыму сегодняшние мародеры разрывали захоронения убитых фашистами 12 тысяч евреев — разбивали черепа, забирали золотые зубы. После публикации пришло более тысячи потрясенных писем. Приходят и другие письма —

угрожают, поминают мне устройство выставки Шагала и т. д.

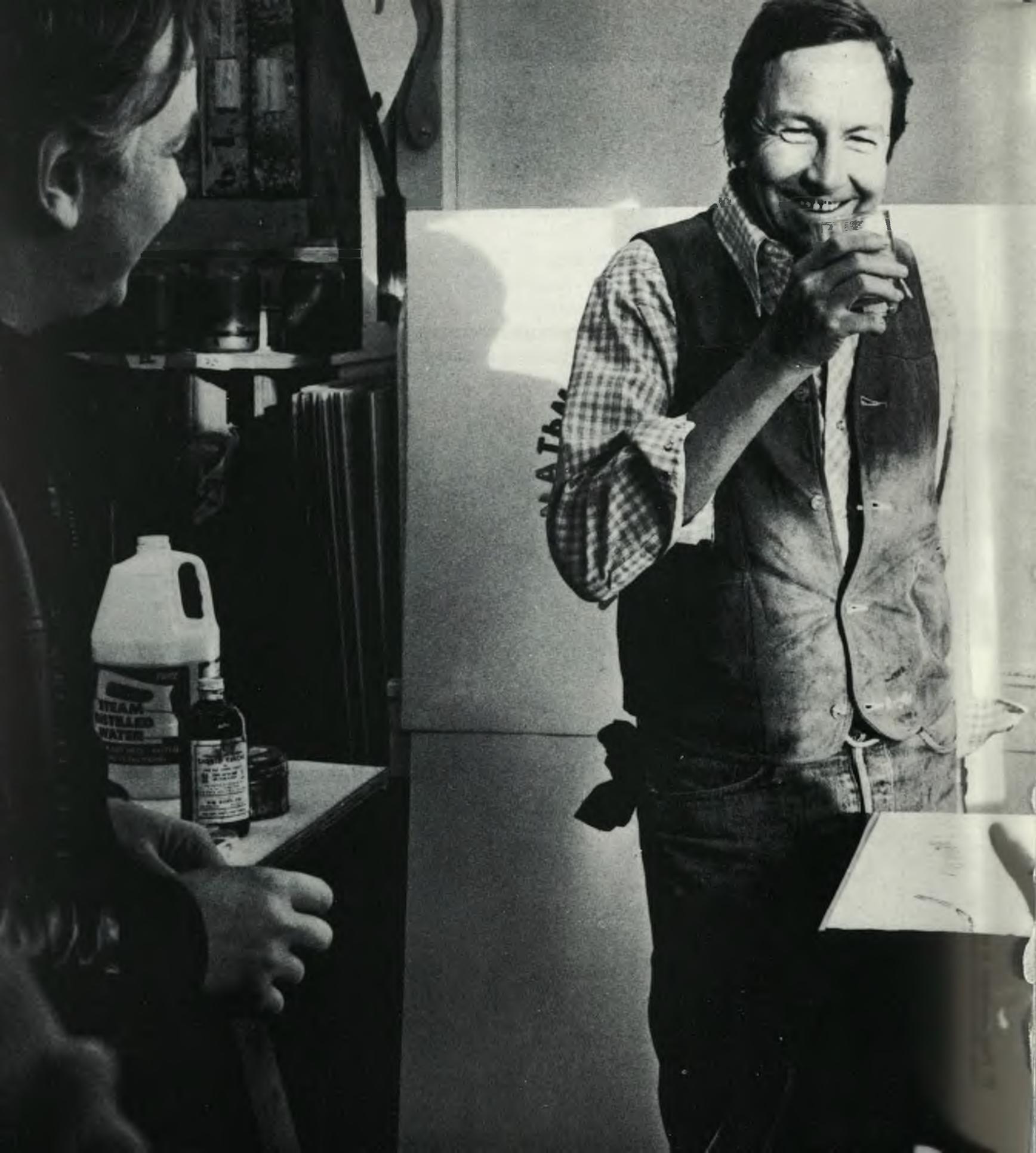
Однажды я приехал в концертный зал «Октябрь» читать поэму «Ров».

На вечере я получил много записок. В самой первой, извините, было написано: «Андрей, пососи х... удохлого раввина». Имелся в виду раввин, расстрелянный нацистами. Через некоторое время пришла еще одна записка, уже с рисунком — могучий мужской предмет разрывает звезду Давида. И тоже надпись. В меня вселился какой-то дух антитолпы, и я с особым подъемом читал. Зал скандировал, а эти молчавшие ряды были мне видны. И я сказал: «Друзья мои. У нас демократия на сцене, а у вас демократии нет. Вы не подписываете записок».

Они стали орать, чтобы сорвать вечер. Не знаю, были ли они из «Памяти» или откуда еще, но директор кинотеатра мне потом говорил, что они закупили сразу двести билетов. Я показал залу рисунок. «Ну, кто автор? Пожалуйста, покажитесь, встаньте», — сказал я.

Установилась тишина. Прожектора в лицо — и темный зал. Напряжение жуткое. Так никто и не поднялся.

Помню, как взведенный до предела, я закричал: «Труссы! Труссы! Труссы!» — шквал аплодисментов. В зале все-таки две тысячи человек. Немного спустя поднялась на сцену женщина и сказала: «Андрей, чтобы вы не считали нас трусами, мы даем вам свой манифест» — протянула нац. брошюру. А я-то думал, что это она нарисовала рисунок, поэтому и поднялась на сцену.

АВТОЛИТОГРАФИИ

Т. Гроссман родилась в России, эмигрировала в 20-х годах. Когда Гитлер занял Европу, она из Франции, через Испанию, перебралась в Штаты. Муж ее что-то изобрел, разбогател, и все свое состояние Таня, как все звали ее, вложила в эксклюзивное издательство. Она принадлежала к породе Русских муз, повлиявших на мировое искусство. С тишайшим фанатизмом она произвела маленькую революцию: ее уникальные отпечатки, книги, изданные ею, расхватывались галереями и музеями мира, ими упивались снобы — автолитография вошла в моду.

Невесомая, как тень, Таня подошла ко мне после моего чтения в салоне Татьяны Яковлевой, ныне Либерман по мужу, известному художнику и скульптору, оставившему Чикаго и другие города гигантскими композициями из алых труб. Имение Либерманов расположено рядом с усадьбами Колдера, Артура Миллера, Стайронов.

Так вот, Таня с ее деликатной магией уговорила меня самого заняться литографией. В тот год я в течение месяца находился в Смитсоновском институте в Вашингтоне. Работал над темой «Эзра Паунд, Т. С. Элиот в сравнении с Пастернаком и Мандельштамом». По условиям приглашения всю рабочую неделю надо было проводить в кабинете института и библиотеке. Но на свободные уик-энды я летал в Лонг-Айленд, где увлекся литографией.

На том же станке, рисуя на той же неподъемной известняковой плите, что и Раушенберг, я проделал его каторжный путь. Как трудно наносить рисунок, где левое становится правым, где все наоборот и надо проверять себя в зеркало.

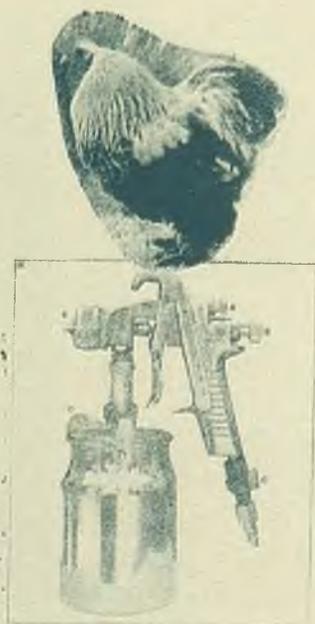
Тьмать. Автолитография. Лонг-Айленд. 1977 г.
Dazkness-Mother Autolithography

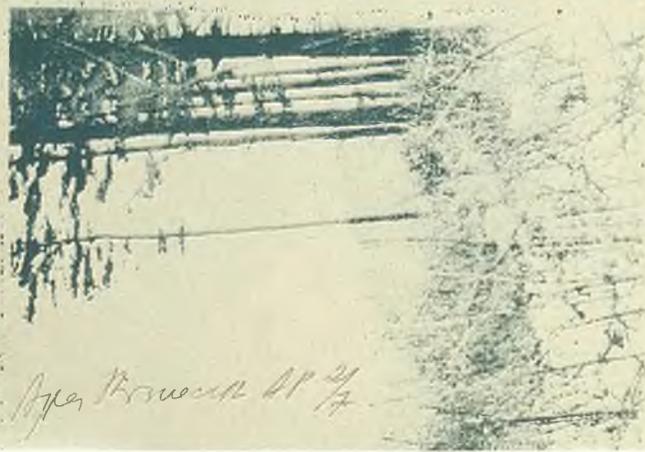
Раушенберг совместно с Вознесенским. Автолитография. 1978 г.
Autolithography — in collaboration with R. Rauschenberg.

Раушенберг совместно с Вознесенским. Автолитография. 1978 г.

“ МАМА КТО ТАМ ТАНОЙ ГОЛЕДАСТЕРЬКИМ
РУКИ В СТОРОНЫ И ПАРИТ ?
“ ЗНАТЬ ИНСТРУКТОР ЛЕЧЕБНОЙ
ГИМНАСТИКИ

МИР НЕ МОЖЕТ ЗА НИМ ПОВТОРИТЬ

Раушенберг 11/78

RAUSCHENBERG 78

Как нежно проступают оттиски на рисовой бумаге! Печатаю свой плакат о бедствии в Гайане, я оттиснул на камне клочок «Нью-Йорк таймс» с моими стихами об этой трагедии. Техника печати была столь высока, что отпечаталась прозрачность газетной страницы с проступающим шрифтом обратной полосы.

Тогда же я написал элегию «Автолитография».

Однажды, когда я трудился у станка, некто с острыми ироническими скулами встал у притолоки и, потягивая виски из цилиндрического сосуда, долго стоял, прислонившись к плечу Джин Стайн, стройной летописицы авангарда. Они следили, как русский вкальвает. Я нервничал. Потом вдруг я понял, что это и есть великий RR.

А он смотрел на мои мучения и решил, что это некий новый метод русских. Мы подружились с Раушенбергом. Когда мне потом приходилось несладко, он крикнул через океан по «Голосу»: «Андрей, как ты там?!»

Раушенберг совместно с Вознесенским. Автолитография. 1978 г.
Autolithography.

Robert Rauschenberg 1978

EVGENY YEVSEYEVICH VOZNESENSKIY 1978

РАЗВЕ МЫ СЛИМО БЫЛО ПОДУМАТЬ
 ЧТО В НЬЮ-ЙорКЕ КАК НЕКОГДА ВСТАРЬ
 РАЗМЕТАВШИ НАСНЕМ НА ПОДУШКЕ
 СЛОВАМИ ИЗ РУССКОГО СЛОВАРЬ

МИРОВЬЕ ГРАНИЦЫ ОТРИНЕМ
 БУДУ СТУЛВЯ В ДЖИНСОВОМ ТРЯПЬЕ
 ЗАБЫВШАЯ ТЫ СКАЖЕШЬ МНЕ

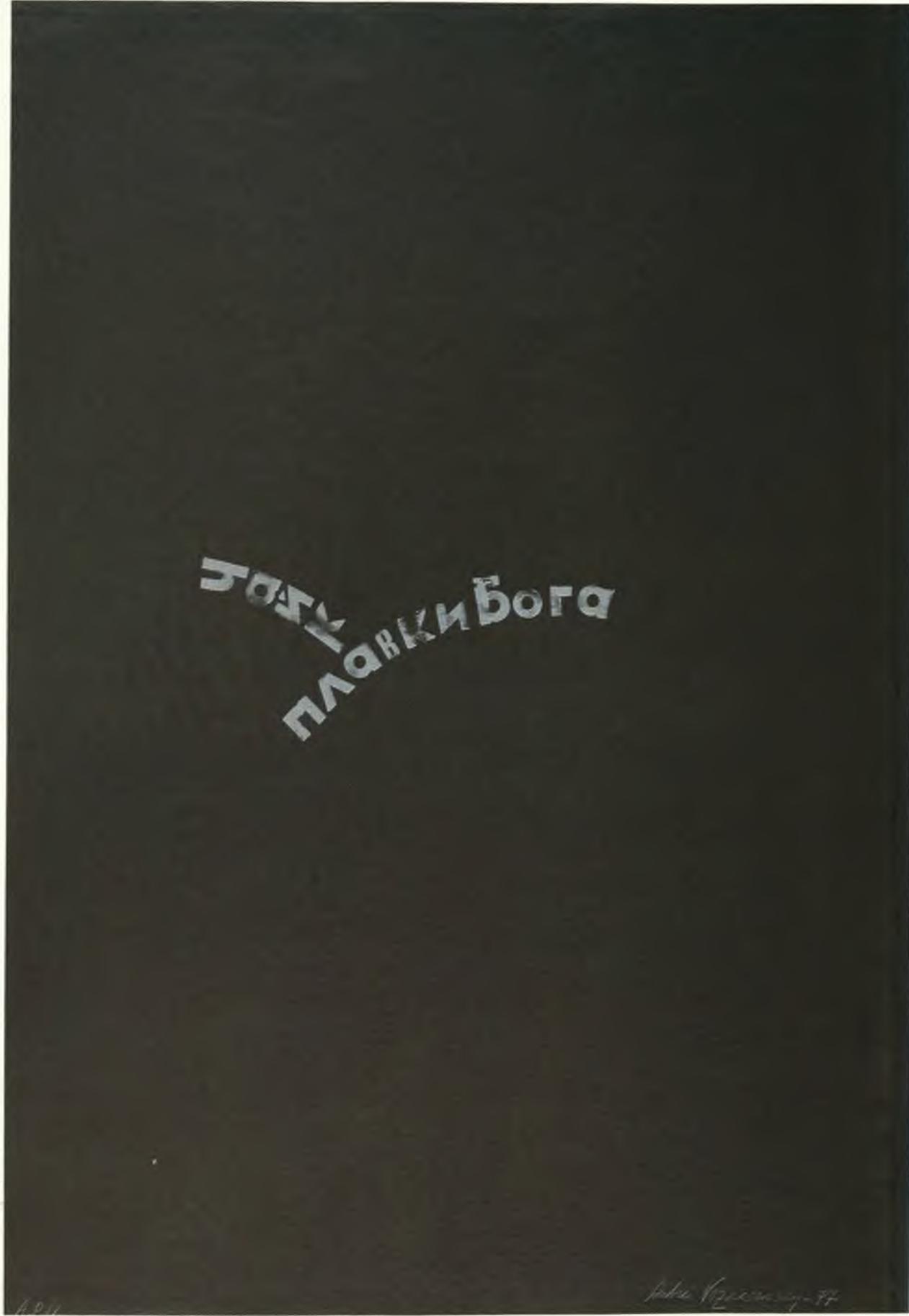
dreaming

ДРЕМА ДРЕМА-ОТВЕЧУ ТЕБЕ

Handwritten signatures and dates: "1978" and "1978" are visible.

Раушенберг совместно с Вознесенским. Автолитография. 1978 г.
 Auto lithography.

Чайка — плавки бога. Автолитография. Лонг-Айленд. 1977 г.
Seagull — God's Swimming Trunks. Autolithography.

АВТОЛИТОГРАФИЯ

На обратной стороне Земли,
как предполагают, в год Змеи,
в частной типографийке в Лонг-Айленде
у хозяйки домика и рифа
я печатал автолитографии
за станком, с семи и до семи.
После нанесенья изошрифта
два немногословные Сизифа —
вечности джинсовые связисты —
уносили трехпудовый камень.
Амен.

Прилетал я каждую субботу.
В итальянском литографском камне
я врезал шрифтом наоборотным
«Аз» и «Твердь», как принято веками,
верность контролируя в зеркало.
«Тьма-тьма-тьма» — врезал я по овалу,
«тьматьматьма» — пока не проступала
«тьматьматьмать» — жизнь обретала речь.
После оттиска оригинала
(чтобы уникальность уберечь)
два Сизифа, следуя тарифу,
разбивали литографский камень.
Амен.

Что же отпечаталось в сознание?
Память пальцев и тоска другая,
будто внял я неба содроганье
или горних ангелов полет,
будто перестал быть чужестранен.
Мне открылось, как страна живет —

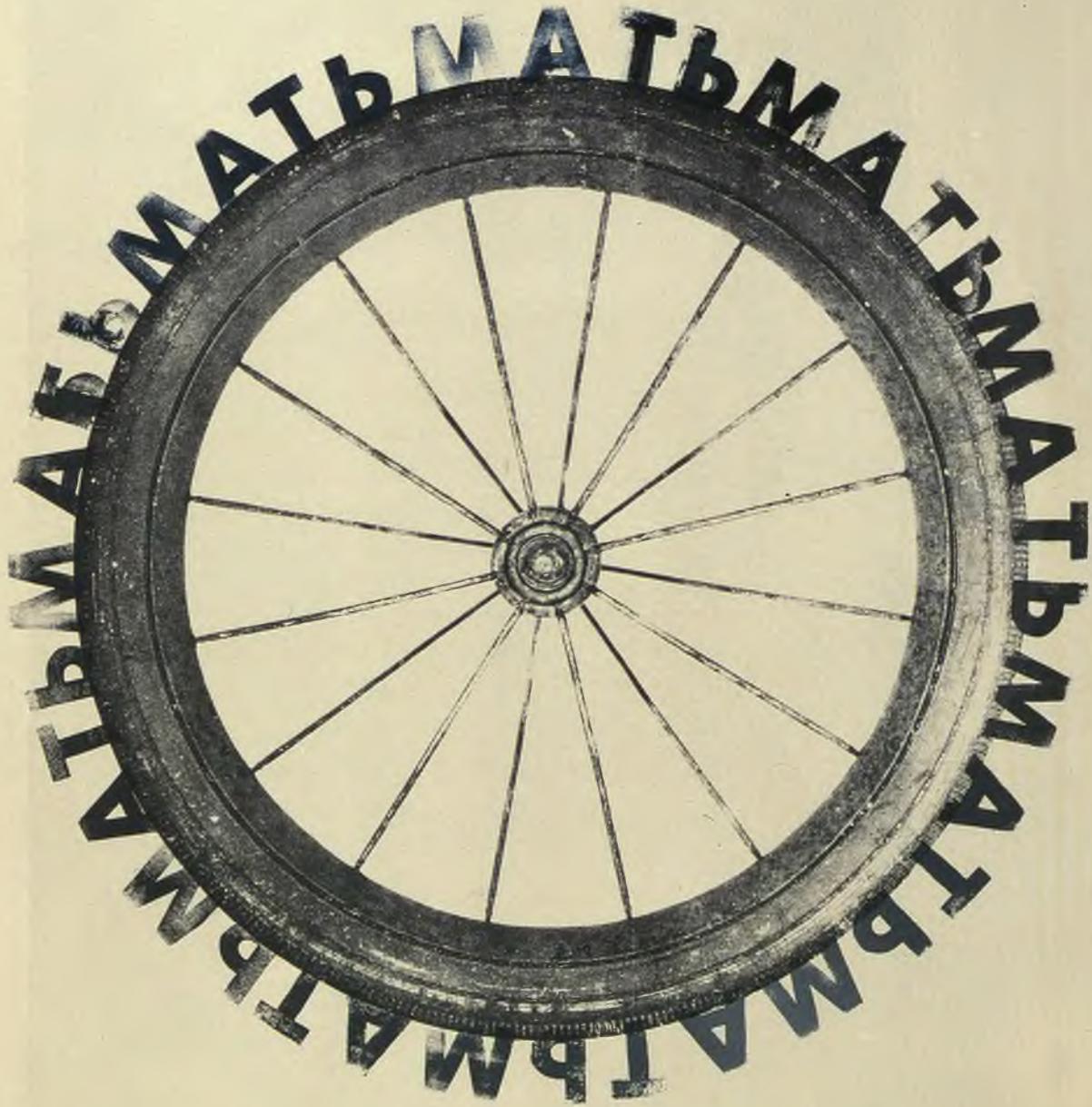
мать кормила, руль не выпуская,
тайная Америки святая,
и не всякий песнь ее поймет.
Черные грузили лед и пламень.
У обеих океанских вод
США к утру сушили плавки,
а Иешуа бензозаправки
на дороге разводил руками.
Истина прощалась с метафизикой.
Я люблю Америку созданья,
где снимают в Хьюстоне Сизифы
с сердца человеческого камень.
Амен.

Не понять Америку с визитом
праздным рифмоплетам назиданья,
лишь поймет сообщник созиданья,
с кем преломят бутерброд с визигой
вечности усталые Сизифы,
когда в руки вьелся общий камень.
Амен.

Ни одно-и ни многоэтажным
я туристом не был. Я работал.
Боб Раушенберг, отец поп-арта,
на плечах с живой лисой захаживал,
утопая в алом зоопарке.
Я работал. Солнце заходило.
Я мешал оранжевый в белила.
Автолитографии теплели.
Как же совершилось преступление?
Камень уничтожен, к сожаленью.

Утром, нумеруя отпечаток,
я заметил в нем — как крыл зачаток, —
оттиск смеха, профиль мотыльковый,
лоб и нос, похожие на мамин.
Может, воздух так сложился в складки?
Или мысль блуждающая чья-то?
Или дикий ангел бестолковый
зазевался — и попал под камень?..
Амен.

Что же отпечталось в хозяйке?
Тень укора, бегство из Испании,
тайная улыбка испытаний,
водяная, как узор Гознака.
Что же отпечталось во мне?
Честолюбье стать вторым Гонзаго?
Что же отпечталось извне?
Что же отпечатается в памяти
матери моей на Юго-Западе?
Что же отпечатает прибор?
Ритм веков и порванный «Плейбой»?
Что заговорит в Раушенберге?
«Вещь для хора и ракушек пеня»?
Что же в океане отпечталось?
Я не знаю. Это знает атлас.
Что-то сохраняется на дне —
связь времен, первопечаль какая-то...
Все, что помню — как вы угадаете, —
только типографийку в Лонг-Айленде,
риф, и исчезающий за ним
ангел повторяет профиль мамин.
И с души отваливает камень.
Аминь.

Opus Bossueti D.P. 4

RAUSCHENBERG

Darknees-Mother, autolithography in collaboration with R. Rauschenberg.

На даче у Б. Л. Пастернака. 1957 г.
At Pasternak's dacha.

БЛАГОВЕЩИЗМ ПОЭТА

Пастернак — присутствие Бога в нашей жизни. Присутствие, данное не постулатно, а предметно, через чувственное ощущение Жизни — лучшего, необъяснимого творенья мироздания.

Дождь дан как присутствие Бога в нем, еловый бор как присутствие Бога, Бог дан в деталях, в стрижах, в каплях, в запонках, и наше чувство — это прежде всего в чистом виде Божье присутствие.

Каждая вещь для поэта — Благовещение. Я бы сказал о благовещизме Пастернака. Его вещи — вести от Бога.

Какой он благодатный поэт для выставки! Вещи века — ЗИЛы, ЗИСы и Татры, галоши, ледяной цикламен, лампы «Светлана», матерчатый лист смородины — все для экспозиции.

Есть раковины — гудящие и мертвые.

Вещи поэта — это гудящие раковины, их всегда наполняет Нечто большее, чем скорлупа.

Вот он пишет тень — «Она сияла, как и подстаканник». Поэт и в темном видит свет. Он сам ходил, одетый в однобортную куртку с матовым мельхиоровым отливом. От него исходило сияние. Говорил по телефону поэт с тираном. Отсюда мессианство Пастернака, которое он ощущал.

Даже инициалы его «Б. П.» говорили о его беспартийности.

В то время было немало великих поэтов — Гумилев, Ахматова, Мандельштам, Есенин, Маяковский, Заболоцкий, — но время и то, что мы понимаем под Богом, выбрали именно Пастернака. И когда престол занял Н. С. Хрущев, духовной

Век Пастернака. Плакат к 100-летию юбилею. 1990 г.
Pasternak's Age Poster for the poet's centenary.

альтернативой опять стал Пастернак. Глава Державы, хоть и не был силен в делах культуры, инстинктом политика и антиинтеллигентской сметкой понимал враждебность этого духовного полюса власти. Сидя в ложе, он направлял, как псарь, Семичастного, отрететированно облаявшего на стадионе автора «Доктора Живаго». Антидуховность в нем чуяла опасность.

Не подражавший никому поэт лишь Пушкину написал «Подражательную» и увидел в губах сфинкса не только пушкинские губы, но и свои. Муза его по-пушкински полифонична.

В музыке поэт питался XIX веком — Шопен, Шуман, Брамс, да и Скрябин — это все вышло из культуры итоговой. Зато в визуальности он вобрал и предвосхитил всю живопись именно века XX. Его строфы были выставкой шедевров, запрещенных в то время к показу нам.

Когда искусствовед спрашивает нас, что приходит на ум при взгляде на растекающийся циферблат Сальвадора Дали с муравьями, память мгновенно приводит:

Текли часы. Текли жуки с отливом.
Стекло стрекоз сновало по щекам.
Был полон лес кишеньем торопливым,
Как под щипцами у часовщика.

А вот наш русский абстракционизм:

Лучше вечно спать, спать, спать
и не видеть снов...
Душа душна. И даль табачного
Какого-то как мысли цвета.

«Молодость в сотах», «расцветшая сирень» —
возвращают нас к ульям П. Филонова.

Не говорю уже о его пейзажах последних лет, с

нестеровской слезой, с коринскими северными
фресками и о великих его полотнах христианского итога
под стать старым мастерам Возрождения.

Как на выставке картин —
Всюду залы, залы, залы...

Путь по этим анфиладам культуры — от
пантеистического бога — к Богу духовному. Поэт начал
с «чашки какао», испаряющейся в трюмо. «Мы были
музыкою чашек, ушедших кушать чай во тьму», а
кончил Гефсиманской чашей.

Если только можешь, авва отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Символично, что эту его чашу «Гамлета» до последней
черты не пропускали в печать. Таким образом, она стала
как бы заключительными словами, слетевшими с
посмертных губ поэта.

Воздействие Пастернака на современников
огромно. Он определил многое не только в поэзии, но и
в прозе века. Даже В. Набоков, ревновавший его к
Нобелевской премии, обвинявший в бенедиктовщине и
т. д., как поэт до конца дней не освободился от
пастернаковского влияния. А проза? Вспомним великую
набоковскую книгу «Защита Лужина». Вы помните, как
герой, шахматный русский гений, выходит на лунную
террасу немецкого городка? Ему мерещится его
соперник Турати. Ночь полна белых и черных фигур.
Деревья — фигуры. Лунный свет делает террасу схожей
с шахматной доской. Ему на колени садится
возлюбленная. Он ссаживает ее. Она свидетель его мук.
Ночь — черно-белая шахматная партия. Где мы читали
это? Русский глядит на марбургскую ночь.

Ведь ночи играть садятся в шахматы
Со мной на лунном паркетном полу...
И страсть, как свидетель, седеет в углу...

И тополь — король. Я играю с бессонницей.
И ферзь — соловей. Я тянусь к соловью.
И ночь побеждает — фигуры сторонятся...

«Марбург» — завязь набоковского романа.

«Доктор Живаго» — роман особого типа, роман поэтический. Он тоже — о присутствии Бога в нас. И покидании Бога нами.

Огромное тело прозы, как разросшийся сиреневый куст, несет на себе махровые гроздья стихотворений, венчающих его.

И как целью куста являются кисти, а смыслом яблони — яблоки, так целью романа являются стихи, которые из него в финале произрастают. Мы видим, как в процессе жизни, в душевной смуте автора, героя романа, сначала брезжит пламя свечи, увиденное сквозь морозное окно, в этом озарении является «Блок — это явление Рождества в русской жизни», затем ночная чувственная свеча становится символом его любви к Ларе, метель, символ истории, задувает этот одинокий огарок, гибнет личность, одухотворенность, интеллигенция гибнет — и, наконец, в финале романа расцветает чудо классического стихотворения — «Свеча горела на столе», без света которого уже нельзя себе представить нашей духовной культуры. Там же из судьбы героя рождается свет «Рождественской звезды», вздох «Гамлета»: «Я один, все тонет в фарисействе. Жизнь прожить не поле перейти».

Проза Пастернака отнюдь не статья «Как делать стихи», нет, это роман, жизнь поэта, роман о том, как живут стихом и как стихи рождаются из жизни. Таких романов еще не было.

Произведения классиков живут во времени, со своим норовом. Их смысл, как цветок, то раскрывается читателям, то в иные времена закрыт от него. Так было с тургеневскими романами, с Джойсом.

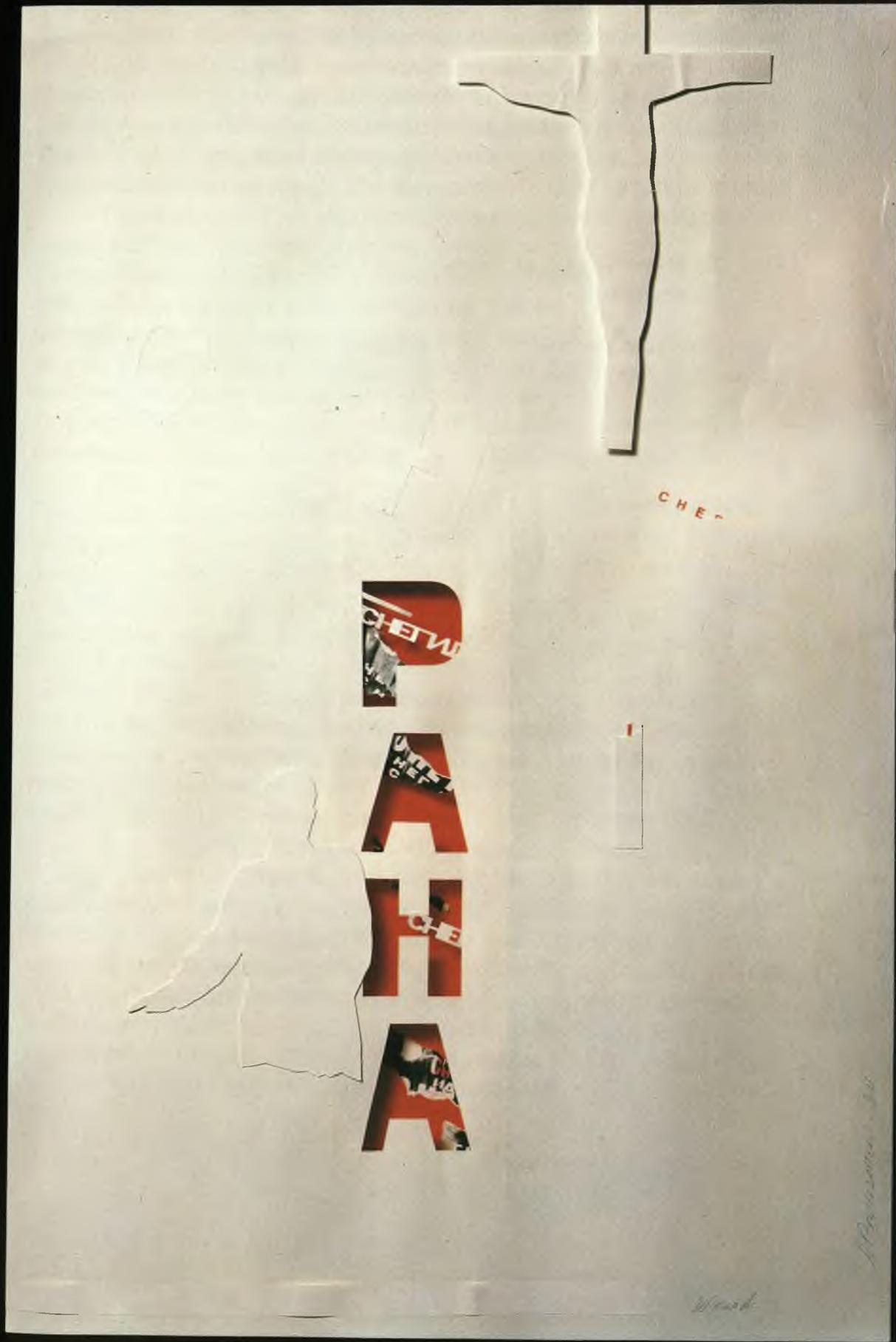
Увы, «Доктор Живаго» — это теперь не просто книга, роман сросся с позорными событиями вокруг него. За что травили?

За любовные страницы Юры с Ларой? За знобящее описание соловьиных трелей, сравнимых разве что с тургеневскими? Увы, кроме преступления против личности поэта, совершалось многолетнее преступление против смысла романа. В результате всесоюзной брани роман нельзя сегодня читать объективно. Читатель ныне тщетно ищет в книге обещанную «крамолу». Барабанные перепонки, ожидающие пушечной канонады, не могут воспринять музыку Брамса.

Увы, вина этой дезинформации лежит на тогдашних руководящих литературных интриганах, возглавляемых А. Сурковым. Спровоцированный ими Н. С. Хрущев организовал травлю поэта с тем же размахом и темпераментом, как Карибскую эпопею или освоение космоса и кукурузы.

Семичастный упоенно орал правительственную метафору: «Если сравнивать Пастернака со свиньей, то свинья не сделает того, что он сделал... Он нагадил там, где он ел...» Ныне без тени стыда и раскаяния отставной оратор раскрыл уровень свиарника, в котором родилась эта «свинья»: «Я помню, нас пригласили к Хрущеву в Кремль накануне Пленума. Меня, Аджубея. Там был и Суслов. И он сказал: «В докладе надо Пастернака проработать. Давай сейчас мы наговорим, а вы потом отредактируете. Суслов посмотрит — и давай завтра...» Надиктовал он две странички. Конечно, с его резкой позицией о том, что «даже свинья не позволяет себе гадить...» Там такая фраза еще была:

«Я думаю, что Советское правительство не будет возражать против, э-э, того, чтобы Пастернак, если ему так хочется дышать свободным воздухом, покинул пределы нашей Родины». «Ты произнесешь, а мы поплодиреем. Все поймут». Так, согласно

Век Пастернака. Рана. 1990 г.

высочайшему указанию, протранслировав по телевизору на всю страну, и срежиссировали. Сразу после слов оратора о свинье, которая не гадит, дали крупный план грозно аплодирующих Хрущева с соратниками. Поэт и это предвидел. В стихах его строка сжимается, как сердечная мышца. Как щемяще наглядно усечена строка в строфах «Зимней ночи»! Пастернак любил работать такую укороченной строкой:

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.

Большинство стихотворцев пошло бы катить по ямбической проторенной лыжне, ну, скажем:

Во всем мне хочется дойти
До самой сокровенной сути...

Но мастер укорачивает, сжимает четную строку, визуальнo указывая на «сжатость» сути...

В стихотворении «Зимняя ночь» цель иная:

свеча горела на столе,
свеча горела.

Здесь физически достигнуто ощущение того, как длинная свеча — строка сгорает, сокращается до огарка. Ставится новая свеча, и она сгорает. Свеча, страсть, жизнь.

Не случайно А. Галич выбрал эти стихи для песни, посвященной судилищу над Пастернаком. Поэт понимает Христа как новое, как поворот в истории, когда «человек умирает не на улице под забором, а у себя в истории, в разгаре работ, посвященных преодолению смерти». «Если бы дремлющего в человеке зверя можно было остановить угрозою, все равно каталажки или загробного воздаяния, высшею эмблемой человечества был бы цирковой укротитель с хлыстом, а не жертвующий собою проповедник. Но в том-то и дело,

что человека поднимала не палка, а музыка:
неотразимость безоружной истины...».

Христианство для поэта — человечность, духовность. Как-то в беседе поэт отнес Сталина к деспотам «дохристианской эры человечества», типа Ирода, «оспою изрытых Калигул». Не случайна тема христианства — и в прозе, и в стихах.

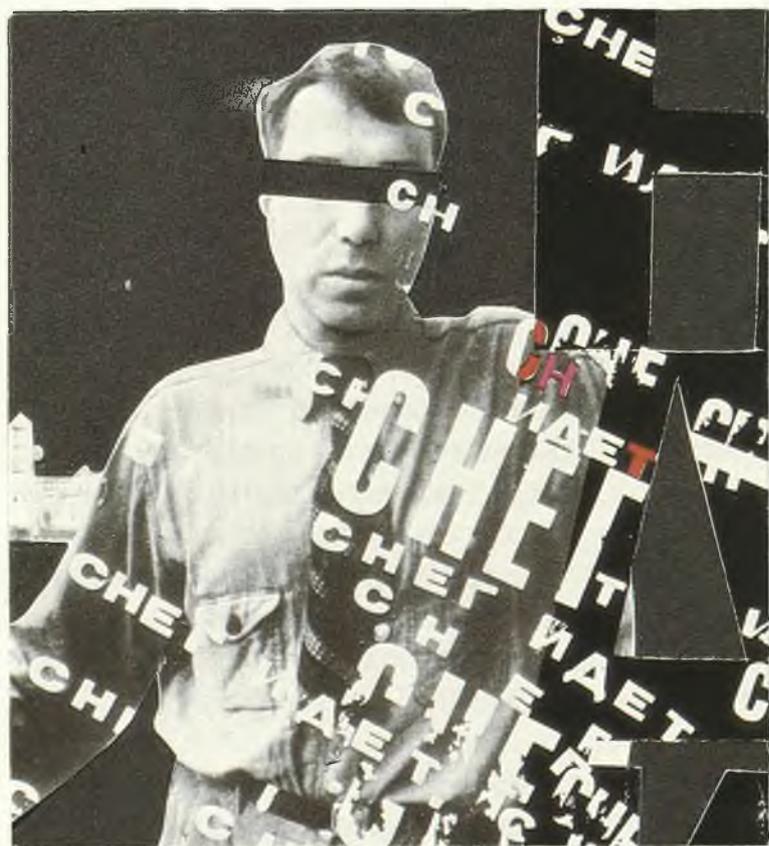
Роман трудночитаем, это — антибестселлер, но в мировой литературе немного страниц, равных по силе кинематографичности хотя бы в описании смерти героя, который задыхается в плетущемся трамвае. Его то нагоняет, то отстает от него фигура женщины — жизнь, смерть, судьба?.. Сегодняшние враги романа пытаются подпереть свое непонимание романа, ссылаясь на второстепенных своих западных коллег. Для меня авторитетнее оценка Альбера Камю.

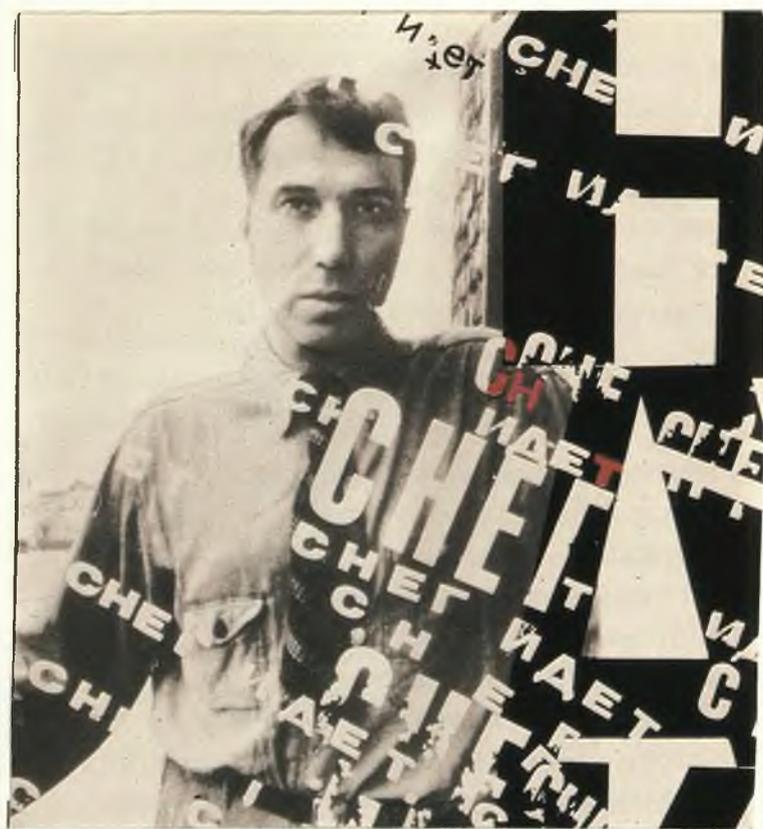
Рисуя к столетию поэта шрифтовой плакат «Век Пастернака», напечатанный «Огоньком», пересечение поэта и времени, я почувствовал, что буквы его имени оживают, слагаются в кристаллы, образуют главные кодовые слова его поэзии и судьбы. Буквы двигались сами, ожили, слагались в автономные значения.

В имени «Пастернак» — таятся начертания значений: «Терн» — терновый венок его судьбы, распятой всесоюзной травлей, «рана», «страна», «Спарта», «астра» и противостоящий поэту «партаппарат», «анапест», «пант», «крест» — это все его кодовые ключевые слова.

Поэт все называл собой.

«Спи, царица Спарты... В сухарнице, как мышь, копается анапест... чтоб губы астр и далий...» — все это выпорхнуло из звуков имени поэта. Марина Цветаева называла его лицом араба и его лошади. В сочетании «Век Пастернака» уже скрыто слово «кентавр», и всадник, и лошадь, и инстинкт, и радио, и пантеизм, и христианство — борьба и единство противоположных начал. (Можем углубиться и в английские корни его

имени. Проступит Easter Star, Past, pastern и т. д.)

«Век Пастернака» — поэт пересекается с вектором времени, как страшно было это пересечение, «рев», «ветр». Когда я демонстрировал эти видеомы в Оксфорде, на пастернаковской конференции, председательствующий А. Жолковский остроумно заметил, что «В» из слова «век» аукается с моей фамилией. Может быть. Я не думал об этом. Мы все во внутреннем сознании пересекаемся с поэтами, которым молимся. Мне дорого, что видеомы поняли и поддержали тогда Вяч. Вс. Иванов и Е. Б. Пастернак. Хотелось вникнуть в шум словаря, в интертекст.

Школьником еще мне довелось слушать, как Пастернак читал «Рождественскую звезду», у него дома, за новогодним столом. Слова «ветр», «вертеп», «степь» — он произносил с шумом ветра. В стихотворении была русская метель, русский снежный пейзаж, это было наше русское Рождество. Золотые шары, яблоки поблескивали на елке. Хозяин посадил меня рядом с Ахматовой. Профиль ее был мраморным, античным. Она была статуарна. Я знал наизусть ее книгу «Четки», смущение сковывало меня. Но, по-мальчишески влюбленный в Пастернака, я глядел только на Него, даже Ахматова почти не существовала для меня. Она осталась холодна к роману «Доктор Живаго», рукопись которого хозяин читал нам только что. И этого я тоже по-мальчишески не мог простить августейшей гостье. Мне стыдно теперь за то мальчишество. Пастернак своим смеющимся конским глазом косил на ситуацию, на мои муки. Между тем кроме застольного разговора шел неслышимый для нас, смертных, высокий разговор между ними, гениями — вещий вечный разговор, на их «воздушных путях». Ахматова собралась уходить рано. Пастернак крикнул

над столом: «Пусть Андрюша проводит Анну Андреевну». Но я замешкался. Ее пошел провожать Слава Рихтер.

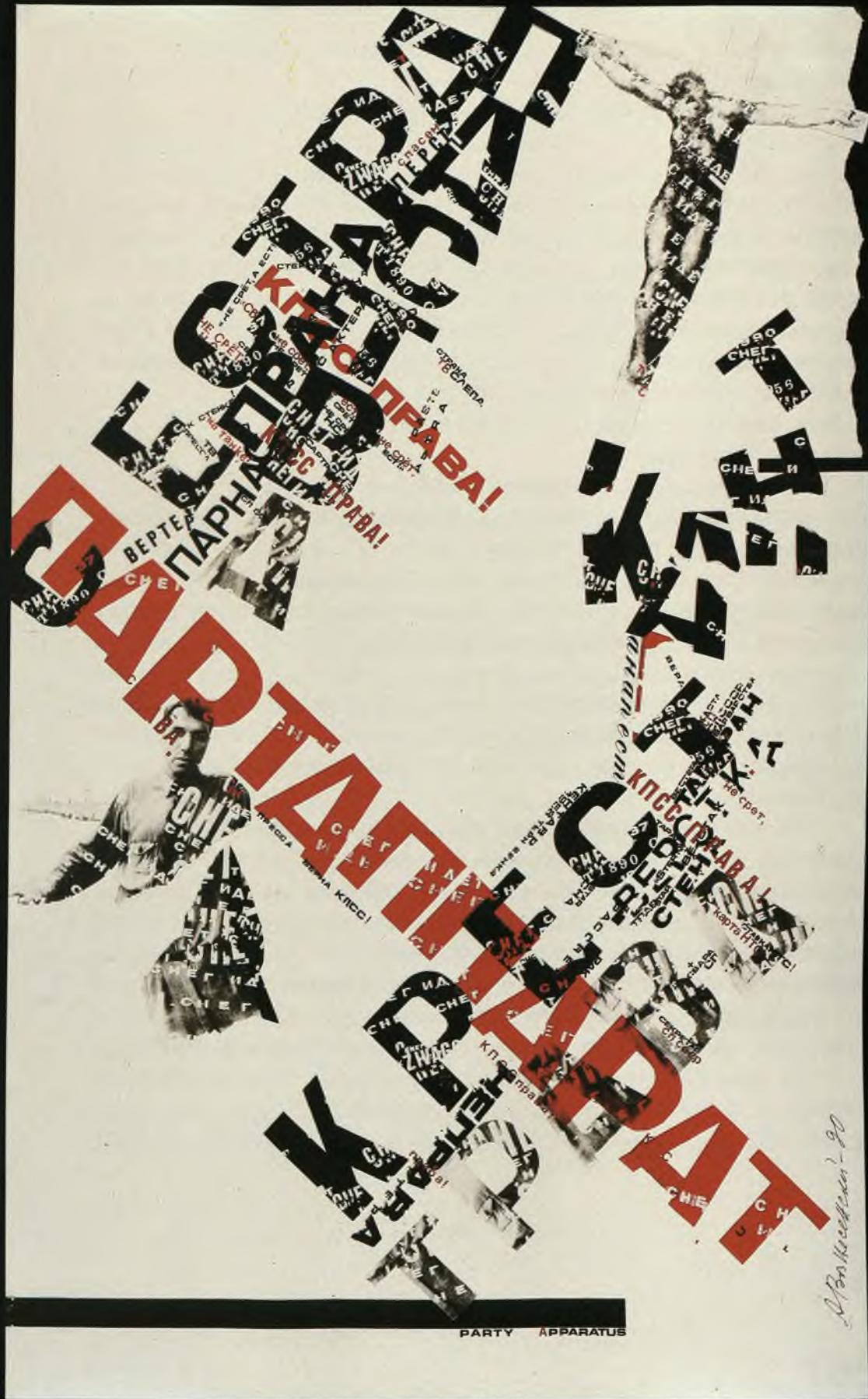
Пастернак тогда читал все стихи из «Живаго». И «Крест над головой», и «Они хоронят бога». В нем уже было предчувствие не только земного, но и смертного пути. И через несколько лет, идя за его гробом, студенты, женщины его жизни, друзья его и переделкинские работяги, превратились в строчки, буквы его стихов на фоне поля, его гамлетовского, переделкинского поля. Церковь, в которой его отпевали, была летней резиденцией Патриарха. Часто почтальоны приносили ему письма, адресованные владыке, перепутав имена «Пастернак» и Патриарх. Пастернак был доволен.

Н. А. Пастернак, ныне заведующая переделкинским мемориалом поэта, сохранившая предметы его быта, нашла в его столе папку, подписанную рукою Бориса Леонидовича: «Андрюшины стихи». Моя судьба интересна здесь лишь как пример его бережности к другим. Оказывается, он складывал в пачку мои мальчишеские письма разных лет, даже конверт, и наивные стихи, на полях которых отчеркивал, что ему понравилось. Что не понравилось — перечеркнул легким карандашом. Только сейчас я узнал, как он внимателен был.

Русский поэтический алфавит начинается с «а» Ахматовой. В рукотворном имени А. А. Ахматовой уже проступает «акмеизм». Известно, как занимало Анну Андреевну значение ее имени. В ее мифопоэтическом мышлении («акмеизм — есть мифотворчество», — читаем мы у Городецкого) имя — ее главная доминанта. «Анна», т. е. благодать, благодатни, пронизывает ее поэзию.

Ее поэзия не так открыто музыкальна, как у Пастернака. Ахматова более экономна, графична, недосказана, но ровный звук «а» наполняет ее

Век Пастернака — Паства — Парнас — Вертер... — Крест...
 КПСС права! — Стена — Партаппарат... 1990 г.
 Pasternak's Age. Flock. Parnassus. Werter. Cross.
 CPSU is right! Wall. Apparatchiks. Blindfold.

гениальную на грани прозы поэзию — ровным антично чувственным и экстатическим светом. И в «Посвящении» к ее «Реквиему» — глухо и гулко отдается эхо ее имени, ее ранней судьбы и жизни:

«... как к обедне ранней...
бездыханней ... туманней...»

«Анна» — имя круговое, кольцевое — «аннанна» — замыкается в круг. Вероятно, с этим подсознательно связана тема кольца. Историю «Черного кольца», посвященного Анрепу, я впервые услышал из уст сэра Изайи Берлина, образованнейшего и умнейшего мужа Европы, Гостя из «Поэмы без героя». Лежа глубоко в кресле, как астронавт, глядя сквозь тяжелые роговые очки на потрескивающий камин, он гудел мне: «Ах, кто был критик, что привел меня в Ленинграде к Ахматовой? Владимир Орлов. Это была лучшая ночь моей жизни. Тогда она прочитала мне «Реквием». НКВД, конечно, слушало нас. Потом в Оксфорде она рассказала про Сталина: «Старик очень рассердился... Из-за нас с вами он начал холодную войну». Это было одной из ее мифологических схем. Я тоже был ее мифологической схемой. Она не могла мне простить моей женитьбы. Встретясь в Лондоне с женой моей, она была страшно холодна. Ну, конечно, я был виноват, был преступник — я ведь не влюбился в нее, я женился. Она не прощала. Как августейшая особа. Нельзя на нее обижаться, хоть она и бывала царственно несправедлива. Она бывала несправедлива и к другим поэтам. И это тоже было ее мифом.

В Оксфорде я устроил ей прием. Я познакомил с ней Г. П. Струве. Ахматова сразу же отчитала его: «Почему вы напечатали мое то, что не надо было издавать?!» Она имела в виду свои стихи, прославлявшие Сталина. «Но Вы же это написали, это было опубликовано», — возражал Струве. «Написанное в таких обстоятельствах не является частью биографии».

Подошел Гринберг, редактор «Воздушных путей», названных так по Пастернаку. Анна Андреевна осведомилась о гонораре за напечатанные им ее стихи. «По советским законам об авторском праве мы вам ничего не должны», — бестактно ответил издатель. Ну, не должен он был так отвечать. С четой Оболенских она очень подружилась...»

Потом сэр Изайя заговорил о Ленине. «Ленин имел туннельный ум. Он, конечно, совершил чудовищнейшее преступление, но он не был преступником... Он считал, что делает это для счастья человечества. Он искал все ответы в Марксе. Сталин был ленинцем, конечно...

Мальро мне рассказывал, как они устраивали Парижский конгресс культуры. Они все были прокоммунисты тогда. Пастернак был им не нужен. Они так и телеграфировали в Москву: «Пастернак нам не нужен, но общественность хочет, пришлите его». Пастернак мне рассказывал, что в своей речи он сказал: «Чтобы спасти культуру, надо не объединяться». Мальро этого не подтверждает. Может быть, Пастернак сказал это, заглушенный аплодисментами?

Пастернак — поток сознания. Христианство — это творчество. Ахматова была трагическая поэтесса. «Поэтесса» было запрещено говорить...

Слушая сэра Изайю, ощущаешь энергетическое поле культуры, он мыслитель, свидетель и творец культуры, собеседник — на равных с Фрейдом, Пастернаком, Ахматовой. О Ханне Арендт, подруге Хайдеггера, он бросил «шарлатанство», и заторопился куда-то. Я пошел его проводить...

Но вернемся к августейшему имени Анны Ахматовой...

В видеоме, посвященном А. А. Ахматовой, я использовал фотографию, выполненную Ингой Морат. Подбирая с ней фотографии для новой фотокниги о России, я остолбенел. Я давно знал этот пейзаж и

Век Пастернака. Ветр — Ветка. 1990 г.
Pasternak's Age. Wind and Branches.

Alexander Benckman '90

ВЕСЕННЕЮ ПОРОЮ ЛЬДА И СЛЕЗ ВЕСНОЙ БЕЗДОННОЙ ВЕСНОЙ БЕЗДОННОЮ КОГДА
С Н Е Г

Век Пастернака 99

В
Е
С
Н
А

К
К

А
К
А
Д
Р
Е
Ф
С
А
И

В
В

В
Е
С
Н
А

В
Е
С
Н
А

Век Пастернака. Весна. 1990 г.
Pasternak's Age. Springtime,

александровский вензельный мостик, но на этюде все открылось по-новому!

Уже кленовые листья
На пруд слетают лебединый.

И в сознании сами поплыли по водам три лебединых инициала автора «Белой стаи» — три «а» — два белых и черный...

В том же перелете — лебединая клавиатура Пастернака.

Какая генетическая память закодировала в птицах точный маршрут перелета?

Посетив Иерусалим, я был потрясен, как достоверны пейзажи в Евангельском цикле из «Живаго» — и путь из Вифании, и дорога вокруг Масличной горы, и пойма Кедрона внизу — хотя поэт реально никогда там не был.

Скрытая камера поэта документально «гостит в иных мирах». Науке еще предстоит понять ясновидение поэта. Вглядимся в вещи вещи Пастернака, вещи Века, попытаемся понять весть его, голос Бога за ним, разглядеть, что стоит за этим благовещизмом.

Попытаемся понять Благовещизм поэта.

* * *

Ты молилась ли на ночь, береза?
Вы молились ли на ночь,
запрокинутые озера
Сенеж, Свитязь и Нарочь?

Вы молились ли на ночь, соборы
Покрова и Успенья?
Покурю у забора.
Надо, чтобы успели.

Ты молилась ли на ночь, осина?
Труд твой будет обильный.
Ты молилась, Россия?
Как тебя мы любили!

1972

Век Пастернака. Кентавр. 1991 г.
М. Цветаева писала, что поэт похож на араба и его лошадь.
Pasternak's Age. Centaur.
Marina Tsветаeva used to say that Pasternak resembled both an Arab and Arab's horse.

КЕНТАВР И КРЕСТ

KENTAUR AND CROSS

М. Цветаева 1-90

Век Пастернака. Похороны. 1990 г.
Funeral of Pasternak

Пастернак. Пасха, звезда, прошлое. 1991 г.
Pasternak. Easter, Star, Past.

Pasternak
vozhnesensky 90

Alexander Benois

Век Пастернака. «Ко мне на суд, как баржи каравана,
столетья поплывут из темноты». 1990 г.
Pasternak's Age' ...like
caravans of barges out of darkness centuries will float for me to judge them...

Cartoon by David Levine
("New York review of Books")

СТИХИ ИЗ ТАЙНИКА

Есть и удача в неудаче.
Назло козлу и палачу
живу у Кочиной. Не плачу.
И за квартиру не плачу.
Скрипит о столик палисандровый
мое опальное перо.
Ах, золотые Александровы,
благодарю вас за добро.
Судьба такого нагребла!..
Придет 7-е ноября,
а с ним мой траурный наряд —
чем был, чем стал, чем быть бы рад...
Нельзя мне убежать от Брежнева.
Но и ему понять нельзя,
как чище бриллиантов брезжит
новосибирская роса!

25 октября 1967 г. Академгородок

Вернисаж выставки видеом в галерее «Спероне-Вестуотер».
Нью-Йорк, декабрь 1991 г. Фото М. Волковой.
Opening of Videoms' Exhibition. New York.

ДЕМГОРОДОК

Дорог тем, что помог,
Академгородок.
Через времени ток
лечу вспять, на Восток.
Моих тем городок —
яко демГеродот.
Я не демонобог,
не геройский совок,
но хранишь, городок,
дребедень тайных строк.
Вдруг тебя больше нет?
И куда я приду —
в академтемноту
или в академсвет?
Пас тебя партсадист —
за кордон, чтоб не сбег.
Спас ты, Новосибирск.
Укатил колобок.
Но под сердцем свербит
молодой холодок,
слыша — «Новосибирск»,
«Академгородок».
Почему сквозь наш быт
и подъезды с мочой,
молодея, звучит
Амадея смычок?
Тянет в тот городок,
не пойму почему.

Или я — парадокс —
был свободен в плену?

РОМАНС

Ты заваришь «тизано»
из мяты и тайн.
Но я пью твоих глаз
византийский дизайн.

Говорят — куртизанка.
Дензнаки смешны
перед тайным дизайном
византийской души.

Христианам
и детям Ислама нужна
твоя артезианская
глубина.

Даже звавши в альков,
холодны, как гюрза,
твои без слезников
золотые глаза.

Мое сердце терзай,
истязай, иссуши,
контрабандный дизайн
византийской души!

* * *

Увидев бл. Августина,
бл... загрустила.

*

Хозяйка квартиры:
«На них были маски и черные презервативы».

* * *

Тот — в Склифосовке,
вскрыт философски.
Тот — в трепанации
от трепа нации.

ЗЕЛЕНАЯ БАЛЛАДА

Твои глаза зеленые — как вино,
желанье затаенное на дне одно —
новый секс у всех в голове:
«Как найти в Москве
СКВ?»

Не Массне доносится из кафе —
«Как найти в Москве
СКВ?»

Школьница выходит в полночный скве...—
... ..
...?

Что поет Каррерос в Совке?
«Как найти в Москве
СКВ?»

Это в наших диспутах сверлит в виске,
у авангардиста сквозит в мазке,
и на яйцах вместо «ХВ»,
в эскападах против ТВ,
в твоём шепоте на ковре —
«Как найти в Москве
СКВ?»

Твои щечки спрашивают восковые,
и соединения войсковые,
и в невысказанной тоске
что-то спрашивает Россия
в нищих щах об одной ботве?..

При соловье, в заслонившей Красково
цвета шампанской бутылки траве
шепот слышится:
«Не так скоро!..
ты — мое СКВ!»

Зеленый с пьедестала сполз танк КВ
поискать в Москве
СКВ.

Что спросил у Христа Пилат?
И малевичевский квадрат
прокурора в черной скуфье
у преступника на скамье?
... .. ?

Красные и белые сошли с кия —
победят зелененикия!

Над зеленым куполом реет стяг.
Ты куда стремишь нас, Тверская-стрит?
И зелено-бронзовый, как доллар смят,
Пушкин за Макдоналдсом стоит.

Я разорван псами, в зеленке весь.
И твоя косметика зелена.
От границ с анашой до границ Норд-Вест
зеленеет наша страна.

А в отеле
вечная картина Саврасова:
«СКВ прилетели!»

Как найти сквозь заставшую взор листву
твое бело-розовое «ау»?
И тоскует мысль в голове:
«КАК НАЙТИ МОСКВУ
В СКВ?»

СОДЕРЖАНИЕ

ВИДУХИ

РОССИЯ — ROESIA 7
КРЕМЛЕВСКИЙ ГОЛУБОЙ ЗАЛ 27
ПУЛИ АВГУСТА 51
ОСЫ ОСИПА 59
С ТРЕСКОМ ЛОПАЮТСЯ ОСЫ 69
СПРКФВ 70
НАБОКОВ 75
БИТНИКИ 84
ПЕРЕХОД 88
КАК СПАСТИ СТРАНУ ОТ ДЬЯВОЛА? 92
ПЕРЕДЕЛКИНСКИЙ КЛЮЧ 93
АРТУР МИЛЛЕР 95
ДНО ЦИЛИНДРА 98
ГРЕХ УНЫНИЯ 103
ВИДЕОМ ДЕКАБРЯ 105
МУЗЫ И ВЕДЬМЫ ВЕКА 107

РЭНДЗЮ

ПРОЛОГ 127
СТРАСТЬ КРЕСТИКА 129
КРЕСТИК В АМЕРИКЕ 130
ДОКЛАД 141
ПОЛТЕРГЕЙСТИКИ 142
РОДОСЛОВНАЯ КРЕСТИКОВ 146
ПРИСНИСЬ, РЕСНИЧКА 151
КРЕСТОНОТЫ 155
УСТРИЧНЫЙ БАЛ 157
КРЕСТИК В АДУ 165
ЭПИЛОГ 170

СТРАНА СТРАДАНИЯ

ДУХОВНОЙ ЖАЖДОЮ 173
ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ЛЕНИНГРАДА
В ПЕТЕРБУРГ 175
МОЛИТВА 183
СОПЯТ ДВЕ ДЫРОЧКИ 185
ПОКАЯНЬЕ 186
ХВАТАЮТ ВОЗДУХ ШЕСТЕРНИ КРЕМЛЯ 188
НИГДЕ НЕ ЖИВУТ ХУЖЕ НАШЕГО 189
РОССИЯ, НИЩАЯ РОССИЯ 190
ДРУГУ 191
ГАЛИНА 193
TWO-SOVKA 199
ТАША ГОВОРЮ Я НА 205
НЕ РАЗЛЮБИТЕ БЕЗ ВЗАИМНОСТИ! 207
БЕЛЫЙ КОТЕНОК В МАКУШКЕ СОСНЫ 209

МОЦАРТ 210
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ РОНДО 211
А. МЕНЬ 213
ОТВЕТ НА ЗАПИСКУ 221
ДЕФИЦИТ 223
ЕЕ ПОВЕСТЬ 226
ТЫ МНЕ НИКОГДА НЕ СНИШЬСЯ 228
НАД ТЕМНОЙ МОЛЧАЛИВОЮ ДЕРЖАВОЙ 229
ИПАТЬЕВСКАЯ БАЛЛАДА 231
ГДЕ ВАША МОГИЛА, ХОТЯ БЫ ХОЛМ? 235
В НЬЮ-ЙОРКСКОМ РЕСТОРАНЕ 236
ГАРЬ, ГАРЬ, ГАРЬ 238
ЧИТАЮ ЛЬ ТЯГОМОТИНУ ОБЫЧНУЮ 239
ПЕСНЬ ПЕНСИЛЬВАНСКАЯ 241
ПЯТЬ КАПЕЛЬ НЕБА 243
ИЗГОНИ ИЗ СЕБЯ СЕБЯ! 248
ЦЫГАНЕ СОЦИАЛИЗМА 249
МУМИИ МЫСЛИ 251
РАСПЯТИЕ 254
ЛИМОННЫЙ КЛЕМЕНТИ 259
ВЕРБЛЮДЫ ПИШУТ ВЕРЛИБРЫ 266

ЧЕРНЫЙ ЯЩИК

РОМАНС 269
СКУЛЬПТОР СВЕЧЕЙ 271
ЗАМЕРЛИ 273
ХУДОЖНИК И МОДЕЛЬ 275
НУ ЧТО ТЕБЕ НАДО ЕЩЕ ОТ МЕНЯ? 281
В ТОПОЛЯХ 285
МОЖНО И НЕ БЫТЬ ПОЭТОМ 287
СУЗДАЛЬСКАЯ БОГОМАТЕРЬ 287
МАСЛИЧНАЯ ВЕТВЬ 288
САГА 292
НЕ ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ К БЫЛЫМ
ВОЗЛЮБЛЕННЫМ 294
СОН 296
ОГЛЯНИСЬ ВПЕРЕД 297
БЕЗОТЧЕТНОЕ 298
НОСТАЛЬГИЯ ПО НАСТОЯЩЕМУ 299
ЯБЛОКОПАД 301
НОЧЬ 307
ТИШИНЫ! 308
ОСЕНЬ В СИГУЛДЕ 311
НЕ УЗНАЮ ОКРУЖАЮЩЕГО 314
БОЙ ПЕТУХОВ 317
ПРОЩАНИЕ С МИКРОФОНОМ 323
«МАМА, КТО ТАМ ВВЕРХУ,
ГОЛЕНАСТЕНЬКИЙ...» 326

СТИХИ НЕ ПИШУТСЯ — СЛУЧАЮТСЯ 327
МАТЬ 328
С ИНЫМИ МИРАМИ СВЯЗЫВАЯ 329
ЖИВОЕ ОЗЕРО 331
АВТОЛИТОГРАФИИ 337
АВТОЛИТОГРАФИЯ 346
БЛАГОВЕЩИЗМ ПОЭТА 351
ТЫ МОЛИЛАСЬ ЛИ НА НОЧЬ, БЕРЕЗА? 375
СТИХИ ИЗ ТАЙНИКА 381
ДЕМГОРОДОК 383
РОМАНС 385
УВИДЕВ БЛ. АВГУСТИНА 386
ТОТ — В СКЛИФОВОКЕ 387
ЗЕЛЕНАЯ БАЛЛАДА 388

АНДРЕЙ
АНДРЕЕВИЧ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ВИДЕОМЫ

Редактор *Е. Шкловский*
Оформление художников
А. Коноплева, Е. Поликашина
Художественный редактор *А. Верцайзер*
Технический редактор *Л. Чуева*
Корректор *И. Аблина*

Сдано в набор 15.06.92 г.
Подписано в печать 19.08.92 г.
Формат 60 × 108¹/₈. Бумага офсетная.
Гарнитура Гельветика.
Печать офсетная.
Условн. печ. л. 58,80.
Уч.-изд. л. 30,60.
Тираж 1000 экз. Заказ № 6941.
Изд. № 149

